

МОСТЫ

журнал переводчиков

№ 4 /2004

выходит 4 раза в год

Издатель:

ООО «Р.Валент»

Главный редактор:

З.В. Зарубина

Редакционная коллегия:

Мишель Берди

Линн Виссон

Д.И. Ермолович

М.А. Загот

И.В. Зубанова

Б.Н. Климзо

В.К. Ланчиков

А.И. Никольская

П.Р. Палажченко

К.В. Петренко

И.И. Убин

А.П. Чужакин

Н.Г. Шахова

Зав. редакцией:

В.Р. Колесниченко

Редакторы:

Н.Г. Богомолова

В.П. Кочин

Корректор

А.И. Никифорова

Подготовка макета

Т.И. Родионова

Адрес редакции:

105062, Москва,

ул. Покровка, д. 38а

Тел./факс: 917-41-53

e-mail: rvalent@online.ru

www.rvalent.ru

ISBN 5-93439-150-X

Номер подписан в печать 06.12.04

Цена свободная

Тираж 800 экз.

Заказ № _____

Отпечатано в ОАО «КТС»

Калуга, ул. Московская, 256

Перепечатка материалов – только

с разрешения «Р.Валент»

© ООО «Р.Валент» 2004

В номере:

От редакции 2

Лицо профессии

В.Д. Девкин. За что мы любим и ценим В.Г. Гака 3

Наследие

В.Г. Гак. Русский язык в сопоставлении с французским. (Отрывки из книги) 6

Восемь вопросов профессионалу

Отвечает П.Р. Палажченко. 12

Отвечает В.О. Бабков. 14

Анализ практики

В.К. Ланчиков. Русский Н как N французский 16

М. Берди. Bias-Free and Inclusive English 29

«А как это по – русски?..»

Д.И. Ермолович. Несобственные имена 37

А.Н. Ланьков. Кое-что о транскрипции корейских имен 43

Е.Д. Штефан. «Мишшн импоссыбл» или «миссион импоссибле?» 46

Переводчик и компьютер

Ю.Н. Марчук. Немного о компьютерной лингвистике и машинном переводе 50

Н.Г. Шахова. Что могут программы машинного перевода? 53

Заказчик – переводчик

Ю.М. Алексеев. Размышления о рынке переводческих услуг 58

Проблемы технического перевода

Б.Н. Климзо. Да – защите качества. Нет – апологетике халтуры 61

Cum grano salis

М.Я. Цвиллинг. Советы синхронистам, и не только 67

А.И. Никольская. Письма юному другу 71

Что про нас сочинили

Д.И. Ермолович. Сказочное пособие по устному переводу 77

XX век – глазами переводчиков

А.П. Чужакин. Политико-переводческий алфавит 82

Практические занятия

И.В. Полуян. «Переупаковка» с русского на английский 84

Об авторах 88

От редакции

Дорогие друзья!

Мы поздравляем вас с наступающим Новым Годом! Мы желаем вам творческих успехов, бодрости духа, и смелости в преодолении всех препятствий на вашем весьма тернистом, но замечательном пути!

К новогоднему празднику принято готовить подарки. Поэтому в конце ноября мы открыли новое помещение (Подсосенский пер., 23), где продолжил работу наш Клуб переводчиков. Мы постарались сделать новый дом удобным и для практических занятий. В Клубе переводчиков расположено книжный киоск с нашими изданиями. Мы планируем создать и библиотеку, где можно будет найти нужные переводчику книги. В Клубе будут проходить не только интересные встречи с асами перевода, но и мастер-классы, семинары по переводческой тематике, консультации и многое другое, что нужно для совершенствования переводческого ремесла.

Заканчивается первый год существования нашего журнала. Кажется, еще совсем недавно мы на редколлегии выбирали название, разрабатывали обложку и оформление журнала. Мы получаем множество статей, однако, "согласно законам жанра", далеко не все присланные материалы могут быть опубликованы в этом журнале. Мы вновь должны повторить, что наше издание – это профессиональный журнал практикующего переводчика, и темы статей должны волновать именно эту категорию читателей. Ни сухие академические статьи, ни художественные переводы, ни материалы, написанные на разухабистом чатовском сленге, не могут быть напечатаны в "Мостах".

Огромную бескорыстную работу выполняет наша редакционная коллегия, которая помогает нам отбирать и подготавливать материалы для журнала. Нашими авторами стали ведущие переводчики, представители старой славной советской школы перевода и более молодые продолжатели переводческого дела. С журналом сотрудничают переводчики как отечественные, так и зарубежные. Очередного номера журнала с нетерпением ждут многие специалисты в области иностранного языка. Мы продолжаем работать!

We try to bridge the communication gap!

За что мы любим, ценим и чтим В.Г. Гака

В.Д. Девкин

13 июня 2004 г. исполнилось 80 лет Владимиру Григорьевичу Гаку. Родные и близкие, друзья, коллеги, ученики, многочисленные читатели и почитатели его таланта были готовы поздравить его с юбилеем и пожелать ему здоровья и новых успехов. Но судьба распорядилась иначе. Владимира Григорьевича в этот день сразил тяжёлый инсульт, после которого он не смог прийти в себя и 24 июня скончался.

Владимир Григорьевич Гак – профессор, доктор филологических наук, заслуженный деятель науки России. Им был пройден долгий, чрезвычайно насыщенный и необычайно продуктивный творческий путь в 55 трудовых лет. В.Г. Гак работал в нескольких ведущих научно-педагогических учреждениях, в последнее время – в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова.

Сделанное им трудно охарактеризовать в краткой статье – настолько оно велико и значительно. Говоря об энциклопедической широте его эрудиции, глубине, оригинальности и мастерстве изложения, подлинной актуальности, новизне и практической перспективности его работ, рискуешь повторить аналогичные характеристики, традиционно встречающиеся в обзорах творчества и других видных лингвистов. Но В.Г. Гак стяжал совершенно особую славу создателя образцовых произведений по ключевым проблемам общего и романского языкознания.

В.Г. Гак с большим мастерством и последовательностью описал лексикологию и основные строевые особенности

французского и русского языка, имея в качестве исходного в одних книгах один и в других – другой из этих двух языков. Он автор сотен оригинальных работ по различным отраслям языкознания, в том числе фундаментальных трудов по романстике, французской орфографии, морфологии, синтаксису и лексикологии, сопоставительному языкознанию и переводоведению. Им созданы серии словарей и учебников по переводу. По какой другой паре сравниваемых языков создан подобный деловой детальный и обобщающий комплекс сопоставительной разнохарактерной типологии? Этого выдающегося лингвиста без всякого преувеличения можно назвать классиком современной науки о языке.

Заслуга В.Г. Гака в том, что ему удалось в весьма сжатой форме показать, к чему сводятся специфические и общие черты сравниваемых языков, их универсалии и различия на уровне системы, нормы и узуса, а также источники расхождений между языками. Выявлены семасиологический и ономасиологический подходы к фактам языка и их отражение в типологии, индуктивный и дедуктив-

ный метод. Наглядно продемонстрирована техника сопоставительно-типологического исследования.

В.Г. Гак справедливо отмечает трудности в области словоупотребления для изучающего иностранный язык. «Очень часто даже самый подробный словарь, даже насыщенная эрудицией монография не могут подсказать ту форму выражения мысли, к которой в данной ситуации, в данном контексте прибегнул бы носитель языка»¹. Предпринятое В.Г. Гаком сопоставление лексических явлений французского языка с русскими стремится выделить черты того духа языка, который далеко не всегда фиксируется в лингвистической литературе.

Выходом в практику теоретических исследований строя французского языка в сопоставлении с русским явилось для В.Г. Гака составление и редактирование полдюжины двуязычных словарей. Редкий лексикограф соединяет в своём творчестве теоретика и практика. Очень четкие обобщающие работы по теории словарного дела сочетаются у В. Г. Гака с фундаментальной актуализацией традиционного основного французско-русского² и большого фразеологического французского словаря³. В них он на многих тысячах конкретных примеров предлагал образцы семантизации и перевода. Каждая словарная статья — результат его кропотливой тщательной работы с принятием во внимание массы сопутствующих обстоятельств, системных и ситуативных факторов с учетом максимальной точности и доступности.

Переводчик по образованию, В.Г. Гак был и мастером практики перевода, выступая в качестве переводчика на ответственных международных мероприятиях.

¹ Гак В.Г. Сопоставительная лексикология (на материале французского и русского языков). — М.: «Междунар. отношения», 1977, с. 4.

² Гак В.Г., Ганшина К.А. Новый французско-русский словарь. — М.: Рус. яз., 1994; 1995; 1997; 1998; 2000.

³ Французско-русский фразеологический словарь (авт. коллектив под рук. Я.И. Рецкера). — М.: Рус. яз., 1963; 2004.

Обобщения правил практического перевода даны В.Г. Гаком в двух учебниках (в соавторстве с Ю.И. Львиным и Б.Б. Григорьевым). Выявленные В.Г. Гаком общие и частные закономерности помогают переводчику сориентироваться в конкретных условиях трансформации смысла, выраженного средствами одного языка, в средства другого языка. Перевод в каждом случае — это задача, решение которой требует больших знаний, находчивости, умения применить общие правила к тому, чтобы справиться с трудностями, выдвигаемыми коммуникативной ситуацией. Метко подмеченные и четко сформулированные правила межъязыковых соответствий приобретают значение за пределами французского языка и стимулируют проецирование обнаруженных параллелей и их нарушений для конфронтации многих других пар сопоставляемых национальных своеобразий.

Второй гуманитарной специальностью В.Г. Гака, полученной в университете, была история. Принцип изучения языковых явлений в динамике — важный и сложный подход к лингвистическому описанию. Этим принципом пронизаны многие его произведения.

Ни одна отрасль знания не развивается исключительно прямолинейно и последовательно. Чего только не было в арсенале модных тем и направлений за последние полвека в нашем языкознании! Оправданность и трезвость теоретической позиции в калейдоскопе лингвистических идей — это несомненное достижение В.Г. Гака. Он сумел не поддаться модным, рекламно-броским веяниям и остался верным здравомыслию и разумному началу — можно сказать, классическому направлению лингвистики, за что мы ему бесконечно благодарны.

Жизнь человека, посвятившего себя науке, при всей её концентрированности на главном, связана со многими моментами, существенно влияющими на неё. Это личная и семейная судьба, отношения с коллегами, учениками, начальством и подчинёнными, официальное и

неофициальное признание заслуг, то, что считают успехом и неудачами, то, что приносит радость и удовлетворение, и многое другое. Наделенный неумейной энергией и даром сосредоточивать свои усилия по велению деловых обстоятельств, В. Г. Гак всегда успешно добивался поставленной цели. Однако зачастую это было нелегко. Невнимательность, бездушное безразличие, создание неоправданных формальных затруднений, глупых помех и осложнений нередко мешали творчеству этого мастера своего дела.

Там, где следовало бы обеспечить ему необходимые условия и оказать всяческую поддержку, нередко чинились препятствия. Орден за свои выдающиеся заслуги он получил не по месту работы, а во Франции. Книга с библиографией трудов В.Г. Гака вышла далеко за пределами его вуза — в Самарканде. Юбилейный сборник многих лингвистов, откликнувшихся на 75-й день рождения этого большого ученого, был выпущен почитателями его таланта не в Московском педагогическом государственном университете, где он много лет заведовал кафедрой, а опять же «на стороне» — в Дубне. Оформление почетного звания заслуженного деятеля науки РФ до своей реализации захлебывалось целых два года в бюрократической волоките чиновников... В Российскую Академию наук В.Г. Гака так и не избрали, хотя многие, конкурировавшие с ним, стояли значительно ниже его в научном отношении. Досадно, конечно, и обидно.

Как бы там ни было, важно другое. Авторитет лингвиста В.Г. Гака очень высок. Для всех нас он давно академик РАН. Его труды мы чтим, ценим и любим. Редкая лингвистическая работа на любую тему обходится без ссылок на В.Г. Гака. Он был членом редколлегии ведущих лингвистических журналов — «Вопросы языкознания» и «Филологические науки». Ни одна авторитетная и представительная конференция не проходила без него, ни один престижный

Владимир Григорьевич Гак

сборник статей не оставался без его участия. Его хватало на всё. Лучшей данью памяти этого большого ученого будет постоянное обращение к его наследию, продуктивное использование его идей и их дальнейшее развитие.

На следующих страницах читайте отрывки из книги В.Г. Гака «Русский язык в сопоставлении с французским».

Русский язык в сопоставлении с французским

(Отрывки из книги¹)

В.Г. Гак

Книга В.Г. Гака «Русский язык в сопоставлении с французским» была опубликована в 1975 г. Это была новаторская работа. Можно смело сказать, что до нее не было серьезных попыток подвергнуть семантически-ориентированному анализу узус русского языка — ни изолированно, ни в сопоставлении с узусом другого европейского языка. Даже в отечественной англистике, которой занимались гораздо больше ученых, чем романским языкознанием, не было похожих трудов. Фактически эта книга явилась первым опытом создания **частной теории перевода** для конкретной пары языков, выросшим из его более ранних работ по сопоставительной лексикологии². Более того, и сегодня, спустя почти 30 лет после выхода в свет этой относительно небольшой книги В.Г. Гака, в области двуязычной сопоставительной лингвистики найдется немного трудов, сравнимых с ней по объему исследуемых явлений, глубине теоретических обобщений и практической ценности.

Особый интерес и привлекательность этой работе придает то, что анализ языковой системы и узуса проведен на материале живой, современной речи, отраженной в литературных произведениях и их переводах. В.Г. Гак не придумал ни одного сопоставительного примера от себя: он пришел к своим выводам, изучая переводы, выполненные маститыми переводчиками.

В силу чисто формальных причин, связанных с издательскими планами, В.Г. Гак был вынужден назвать свой труд «учебным пособием для студентов-иностранцев, изучающих русский язык». Но достаточно даже поверхностного знакомства с этой книгой, чтобы понять, что наибольшую ценность она представляет вовсе не для студентов-иностранцев, а для лингвистов и профессиональных переводчиков с русского языка на французский. Благодаря большому количеству примеров и упражнений она вполне может служить настоящим учебником по переводу на продвинутом уровне, и те переводчики, кто не использует ее для повышения своего мастерства, многое теряют.

Обозначение участника коммуникации или воспринимающего лица

Одна и та же ситуация может быть выражена различным способом в зависимости от того, имеется ли специальное указание на действующее лицо, либо на лицо, заинтересованное в событии или воспринимающее его. Сравним

¹ Текст печатается по изданию: Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. — М.: Рус. яз., 1975. — С. 230–238. Список используемых автором сокращений приводится в конце публикации. Автор вступительной заметки — Д.И. Ермолович.

предложения: 1) J'ai froid Я чувствую холод; 2) Да, чувствую холод; 3) Мне холодно; 4) (Вам жарко?) — Нет, холодно; 5) Il fait froid aujourd'hui Сегодня холодно. В первом предложении субъект — носитель состояния выражен синтаксическим подлежащим. Во втором это подлежащее опущено. В третьем реальный

² Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. — М.: Высшая школа, 1965; Гак В.Г. Беседы о французском слове (из сравнительной французо-русской лексикологии). — М.: Междунар. отношения, 1966.

субъект выражен косвенным дополнением (трансформация низведения субъекта). В четвертом опущен и косвенный субъект, но из ситуации ясно, что речь идет о состоянии конкретного определенного лица и можно восстановить местоимение без какого-либо изменения в информации предложения (*Мне холодно*). Последнее предложение описывает бессубъектный процесс. По мере перехода от первой к последней фразе мы сталкиваемся с уменьшением субъективного элемента в предложении. В первом предложении действие непосредственно и наиболее явным образом соотносится с определенным субъектом. В предложениях с косвенным субъектом субъективный момент приглушается, и он совсем исчезает в бессубъектном безличном предложении.

Уже приведенные примеры отражают общую тенденцию французского и русского языков в выражении семантического субъекта. Французский язык тяготеет к использованию личных конструкций с выраженным субъектом действия. Русский язык не только допускает опущение прямого субъекта [...]. Он сравнительно чаще прибегает к косвенному выражению субъекта, в связи с чем французскому личному предложению нередко соответствует русское безличное. К приводившимся выше примерам добавим еще один:

Moi, je crois que tu devrais aller voir (CF).	Мне кажется, тебе надо бы сходить поглядеть
---	---

Другими распространенными в русском языке способами низведения субъекта являются конструкции **у меня + отглагольное существительное**, **мой + отглагольное существительное**. При этом притяжательный элемент указывает на субъект, а существительное выражает само действие. Существительное может соединяться с притяжательным элементом, обозначающим субъект, с помощью глагола быть (в настоящем времени опускается), либо другими глаголами. Например:

Каков <i>его</i> ответ? (CC).	Qu est-ce qu'il a répondu?
-------------------------------	----------------------------

Как считаете, здесь у нас в армии ещё будут бои? (CC).

Il eut un instant d'espoir (CF).

Est-ce que vous croyez que notre armée va se battre encore?

У него мелькнула надежда.

По такому принципу строятся многие формулы русской разговорной речи. Например: *У него не было выхода* Il ne pouvait rien faire; *Твоя правда* Tu as raison; *Моё мнение, что...* Je crois que...

При ясности ситуации, особенно если реальный субъект обозначен уже в предыдущем предложении, косвенное обозначение субъекта может быть опущено. Например:

Tu n'est pas obligée de courir. Tu as le temps (CF).	Бежать тебе нечем. Время есть.
--	--------------------------------

Можно было бы сказать по-русски *У тебя время есть*. Однако ввиду ясности ситуации повторное обозначение субъекта опускается. Вместе с тем происходит обобщение описания. Если французское предложение относится только к собеседнику, то русское имеет более общее значение и его можно трактовать как *У нас есть время*.

Включение или опущение субъекта может быть связано с еще более глубокой перестройкой предложения. Сравним две фразы:

В окошке был виден кусочек неба (AA).	Par la petite fenêtre je voyais un coin de ciel.
---------------------------------------	--

Во французской фразе имеется указание на воспринимающее лицо (je), отсутствующее в русском предложении. Однако это слово представляет собой дополнительный актанта, ибо его включение не изменяет общего объема информации, так как повествование идет от первого лица и ясно, что если нечто было видно, то это воспринималось именно говорящим. Введение дополнительного актанта связано с субъектно-объектной трансформацией (русское подлежащее соответствует по смыслу французскому дополнению).

Указание на участников речи, на лицо, воспринимающее ситуацию, на субъект или объект действия часто выступает в роли дополнительного актанта. Именно здесь отмечаются наиболее многочисленные и характерные расхождения между двумя языками, причем наиболее часто они наблюдаются при выражении следующих значений, связанных с действиями, проявлениями и восприятиями одушевленного лица.

1. Психофизическое состояние.

Il y avait longtemps que j'étais allé la campagne et je sentais quel plaisir j'aurais pris à me promener. (CE).	Давно я уже не был за городом, и так приятно было бы прогуляться.
---	---

Из контекста ясно, что приятное ощущение от возможной прогулки относится к говорящему, поэтому в русском предложении местоимение опущено. Личная конструкция французского предложения уступает место безличной. Выше отмечалось, что в русском языке безличные обороты широко используются для выражения психофизического состояния живого существа. Они часто соответствуют французским конструкциям с глаголами *se sentir, se trouver*.

Ну как, полегчало? (CC).	Eh bien, <i>tu te sens plus a ton aise?</i>
--------------------------	---

<i>Je n'avais plus sommeil, mais j'étais fatigué et les reins me faisaient mal</i> (CE).	Спать больше не хотелось, но я устал, ныла поясница.
--	--

В последней французской фразе указание на субъект выражено трижды, в русском – только один раз.

Отсутствие указания на субъект делает русское описание более обобщенным. Ситуация изображается не как состояние конкретного лица, а как состояние окружающей среды, которое воздействует на данное лицо, но может быть распространено и на другие лица.

L'éclat de la lumière sur les murs *me fatiguait* (CE).

Яркий свет отражался от побеленных стен, и это было утомительно.

Обобщенность способа выражения в русском тексте подчеркивается заменой глагольных лексем прилагательными или наречиями (*fatigué* – утомительно), не требующими конкретизации по отношению к субъекту или объекту.

2. Мнения, оценки, суждения.

Французским личным конструкциям в этом случае часто соответствуют также безличные конструкции русского предложения. Нередко для передачи оценок, оговорок и т. п. в русском тексте используются вводные слова и выражения.

Сейчас, там, *небось*, носа не высунешь, метёт! (AA).

En ce moment, la-bas, *je parle* qu'on ne peut même pas mettre le nez dehors, tellement ça souffle.

Il me semblait que le convoi marchait un peu plus vite (CE).

Казалось, процессия понемногу ускоряет шаг.

При переводе на русский язык французских оборотов с глаголом *trouver*, обозначающих суждение, местоимения обычно опускаются: *Je trouve cela difficile* *Это трудно* и т. п.

3. Восприятие.

Во фразу описание объективной реальности вводится постольку, поскольку она воспринимается или может восприниматься действующими лицами, автором, читателем. При описании любого события, действия, состояния всегда подразумевается воспринимающее лицо, которое является, таким образом, обязательным элементом ситуации. Этот элемент ситуации может либо получить специальное выражение в предложении, либо остаться подразумеваемым. Во французское высказывание указание на воспринимающее лицо включается гораздо чаще, чем в русское. Например, женщина мечтает о будущем:

И вдруг входит мой сын (АА). *Je verrai arriver mon fils.*

Во французской художественной литературе встречаются произведения, в которых события изображаются через восприятие лица, от имени которого ведется рассказ. В этих случаях часто почти в каждой фразе представлено указание на рассказчика, во многих случаях восприятие выражено специально глаголами (*я увидел... я услышал...*). При переводе на русский язык эта ссылка на воспринимающее лицо может опускаться;

J'ai vu qu'il était habillé de noir avec un pantalon rayé (СЕ). На нём был чёрный сюртук и брюки в полоску.

Здесь глагол восприятия *видеть* снимается вместе с указанием на воспринимающее лицо. Но чаще глагол восприятия в русской фразе ставится в пассиве. Зрительное и слуховое впечатление представлено в этом случае как идущее от воспринимаемого предмета к неизвестному (любому) адресату.

De temps en temps seulement, j'entendais un bruit singulier (СЕ). Только изредка слышался какой-то странный звук.

Особенно часто расхождение наблюдается в тех случаях, когда во французской фразе воспринимающий субъект представлен в обобщенной форме (местоимение *on*):

Над крышей какого-то склада виднелись надстройки и мачты (АА). *Au-dessus du toit d'un hangar on apercevait des ponts et les mâts.*

Большой интерес представляют случаи, когда при отсутствии указания на воспринимающее лицо процесс изображается как собственные действия (движения или речь) воспринимающего объекта. Действительно, если А слышит В, то это значит, что В говорит (поет и т.п.). Если А видит В, то это значит, что В каким-то образом обнаруживает себя (появляется, двигается, исчезает), что В

где-то находится (стоит, сидит) и т. п. Сравнение показывает, что в этих случаях французским переходным глаголам восприятия (*voir, apercevoir, entendre*) соответствуют русские непереходные глаголы местоположения (*стоять*), движения (*ходить*), появления, говорения. Например:

Et soudain il aperçut en face de lui un monsieur en grande toilette qui le regardait (МВ). Вдруг прямо перед ним вырос элегантно одетый господин, смотревший на него в упор.

4. Наличие.

Наличие, отсутствие, достаточное количество какого-либо предмета могут рассматриваться либо в отношении самого этого предмета, либо по отношению к действующим лицам или участникам коммуникации. В последнем случае выражается понятие принадлежности, обладания. Это понятие чаще представлено во французском тексте, в то время как в русском, в связи с отсутствием указания на обладателя, наличие интерпретируется как бытие самого предмета. Например:

А в остальном считала, что на этом крест, и хорошо, что *детей нет* (СС). *J'avais déjà mis une croix sur le reste et j'étais heureuse que nous n'ayons pas d'enfants.*

Хватит, не хватит апельсинов, а сувенирчик у меня останется (АА). *Je ne sais si j'aurai des oranges, me disais-je, en tout cas, j'aurai un petit souvenir.*

В обоих примерах обладатель совершенно ясен из контекста, но во французских фразах он специально обозначен, тогда как в русских он словесно не выражен.

5. Местонахождение, состояние объекта.

Местонахождение, так же как и состояние какого-либо предмета, является результатом активного действия некоторого лица. Если предмет находится там-то, то это значит, что его туда положили;

если некоторый предмет пребывает в таком-то состоянии, то это может быть результатом того, что его в это состояние привели. Так создается возможность двоякого описания одной и той же ситуации: с указанием на активного деятеля, создавшего данное положение, или без такого указания. Как и в предыдущих примерах, деятель подчеркивается во французских фразах:

Где же ключ? (Ч).   Où est-ce que j'ai mis la clé?

Не случайно, опять-таки во французском предложении употребляется активный глагол, а в русском — непереходный глагол в пассивной форме.

6. Пространственные отношения.

В русском языке обозначение пространственных отношений предложениями наречиями не требует специального указания на лицо, относительно которого определяется положение другого предмета. Например:

Autour de *moi*, c'était toujours la même campagne lumineuse gorgée de soleil (CE).   Вокруг сверкала и захлёбывалась солнцем всё та же однообразная равнина...

— Да, — вдруг сказал кто-то рядом (АА).   Oui, a dit soudain quelqu'un tout près de nous.

Если во французском языке употребление местоимений при обозначении одушевленного лица в этих случаях является грамматической необходимостью, то в русском грамматически возможны оба варианта (вокруг и вокруг меня). Тем более характерно опущение в русском тексте этого указания на участника речи или действия, ясного из ситуации.

7. Адресат, объект.

Объект или адресат действия также очень часто не выражается в русском языке, если он вполне ясен из ситуации. Например:

A l'entrée du village l'infirmière m'a parlé... Elle m'a dit... (CE).   Когда мы входили в деревню, сиделка со мной заговорила... Она сказала...

Ситуация совершенно ясно показывает, кому адресовала свои слова сиделка, и все же во французском тексте указание на адресат наличествует, в то время как в русском — отсутствует.

Отсутствие обозначения участника коммуникации наблюдается во многих русских оборотах разговорной речи. Можно сказать, что русская речь значительно менее «субъективна», чем французская. Например:

— Можно? (РСП).   — Puis-je entrer?

Ответ в русском языке имел бы такую же грамматическую форму, тогда как во французском — иную: *Oui, vous pouvez. Да, можно.*

Сравним две реплики:

— Всё понятно? (РСП).   — Vous avez compris?

— А... понятно, — ска- зала она (АА).   — Je comprends.

Во французских переводах форма глагола изменяется в зависимости от того, идет ли речь о говорящем или о собеседнике. Русская реплика в одной и той же форме (понятно) соотносится с любыми участниками коммуникации.

Итак, в русском языке при описании различного рода событий лицо, ясное само собой из ситуации, не обозначается так часто, как во французском предложении. Попробуем дать структурно-семантическое истолкование данного явления.

Различным типам сказуемого с переходным глаголом во французской фразе соответствуют различные типы сказуемого с непереходным глаголом в русской фразе. Особого внимания заслуживает анализ лексических глагольных пар (французский переходный глагол и русский непереходный глагол разного значения). Исходя из двух признаков: статичность или динамичность процесса, соотнесенность процесса с другим актан-

том — объектом, можно выделить следующие четыре основных структурно-семантических типа предиката:

Соотнесенность процесса с актантами	Характер процесса	
	Состояние (статика)	Действие (динамика)
Процесс заключен в субъекте	I. Бытие <i>être</i>	III. Движение <i>aller</i>
Соотнесенность процесса с объектом	II. Отношение <i>avoir, voir</i>	IV. Активное действие <i>faire</i>

В примерах, приведенных выше, русским глаголам бытия (I) соответствуют французские глаголы отношения (II) (*être* — *avoir*, *стоять* — *voir*) или активного действия (IV) (*находиться* — *mettre*). Русским глаголам движения (III) соответствуют опять-таки французские глаголы отношения (II) (*вырасти* — *аресевоир*) и активного действия (IV). Как общую тенденцию можно вывести функциональное соответствие французских глаголов, требующих объекта (будь то глаголы, обозначающие отношение или активное действие), и русских глаголов, обозначающих процесс, заключенный в субъекте (будь то глаголы бытия или движения).

В этих расхождениях при построении высказывания на французском и русском языках следует видеть прежде всего конструктивные различия и искать их структурно-грамматический субстрат. Действительно, если внимательно сопоставить французские и русские фразы, то обнаружится, что введение в высказывание дополнительного актанта позволяет во французском языке решить ряд конструктивных проблем в организации предложения в связи с коммуникативными задачами высказывания.

Наличие дополнительного актанта связано очень часто с особенностями выражения актуального членения предложения. Как мы отмечали выше, слово, выражающее рему, помещается в конце предложения, что вызывает в русском языке синтаксическую инверсию (**V + A^o**).

Во французской речи инверсия нередко оказывается нежелательной, актант А оформляется в функции дополнения, а позиция подлежащего занимает существительным или местоимением, которое не должно вносить никакой новой информации в описание ситуации. Таким образом и возникает семантически избыточный дополнительный актант (русск. **Vi + A^s** а фр. **je + Vt + A^o**).

Введение дополнительного актанта позволяет избежать безличных оборотов и использовать переходную конструкцию вместо непереходной, это явление также типично для построения французского высказывания.

Рассматривая русские эквиваленты французских глаголов *être* и *avoir*, мы отмечали своего рода семантическую избыточность русского сказуемого, включающего указания на позицию субъекта и вообще на способ осуществления действия, заранее ясный из ситуации. Рассмотрение того, как выражается говорящее или воспринимающее лицо, показывает, что в данном случае семантическую избыточность обнаруживает французское высказывание, отмечая участников процесса, заранее ясных из ситуации.

Некоторая семантическая избыточность, видимо, вообще необходима для выражения предикации, для построения высказывания, но каждый язык в этом случае проявляет свои характерные тенденции.

Список источников и сокращений:

- СЕ А. Камю. *L'étranger*. Посторонний. Пер. Н. Галь. «Иностранная литература», М., 1968.
- CF В. Клавел. *Les fruits de l'hiver*. Р., 1968. Плоды зимы. Пер. И. Татариновой и Я. Лесюка. «Иностранная литература», 1970, №4.
- MB G. de Maupassant. *Bel-Ami*. М., 1953. Милый друг. Пер. Н. Любимова. Собр. соч., т. 5. М., 1958.
- AA В. Аксенов. Апельсины из Марокко. «Юность», 1963. №1. *Les oranges du Maroc*, trad. par I. Sokologorski. Р., 1966.
- PCП Рассказы советских писателей. М., 1974. *Nouvelles soviétiques. Textes parallèles*. М., 1974.
- CC К. Симонов. Солдатами не рождаются. *On ne naît pas soldat*. Trad. par A. Robel. Р., 1968.
- Ч А.П. Чехов. Дядя Ваня. Собр. соч. М., 1950. *L'oncle Vania*.

Отвечает Павел Русланович Палажченко

1. Почему вы стали переводчиком?

Все, что произошло — в истории или в жизни, — кажется потом неизбежным, но в действительности это не всегда так. И все же мне кажется, что в моем случае реализовался наиболее вероятный вариант. Я стал переводчиком потому, что мне примерно в двенадцать-тринадцать лет стали интересны языки. Это произошло не случайно, поскольку моя мама была учительницей английского. Но до этого возраста я относился к языку довольно равнодушно, к тому же я от природы ленив и плохо способен к систематической работе. И вдруг, что называется, понеслось — Битлз, Би-би-си и все такое. А затем мне несколько раз просто везло, особенно при поступлении в институт. После этого сомнений в том, что я стану переводчиком, у меня уже никогда не было.

2. Что вам дала профессия переводчика?

Практически все, что было в жизни (за исключением чисто личного), связано с этой профессией. Опять-таки я считаю, что мне очень повезло, я вытянул «счастливый билет», но даже если бы на мою профессиональную долю выпала лишь малая часть того, что я увидел и в чем участвовал, мне было бы достаточно.

3. Кто был ваш первый учитель?

Я всегда буду благодарен моей маме и тем, кто учил меня потом — в школе, в институте, на Курсах ООН. Перечислить всех невозможно, но если говорить именно о переводе, то это прежде всего Яков Иосифович Рецкер, Марина Дмитриевна Литвинова и Гелий Васильевич Чернов. Помимо их профессионального мастерства я не могу не упомянуть их замечательные человеческие качества. Это очень разные люди, а общее у них — достоинство и доброжелательность.

4. Книги, которые у вас всегда под рукой.

Я все время что-то читаю, в основном это художественная литература. Я не испытываю особой необходимости в справочниках, технической литературе, хотя раньше любил читать — а скорее просматривать — энциклопедии. Было время, когда «под рукой» постоянно была русская поэзия. Многие из стихов Пушкина, Пастернака, Гумилева и других помню до сих пор. Большинство книг я читаю один раз и не испытываю необходимости к ним возвращаться, но есть исключения. Это в основном русская классика — Чехов, Толстой, Достоевский, а также Юрий Трифонов, Василий Шукшин, Сергей Довлатов. Из англоязычной литературы — Скотт Фицджеральд, Рэймонд Карвер.

5. Словари, которые у вас всегда под рукой.

Сейчас я пользуюсь для текущих потребностей словарем ABBYY Lingvo в миникомпьютере HP iPAQ. Во флэш-карте на 256 мегабайт умещается более двух десятков словарей на всех языках, с которыми я в той или иной мере знаком (английский, французский, испанский, итальянский, немецкий). Это очень удобно, и я рекомендую этот словарь всем. Конечно, нужны и другие словари. Здесь мои предпочтения – Webster's Third International Dictionary, The American Heritage Dictionary, Новый большой англо-русский словарь под ред. Ю.Д. Апресяна, Русско-английский словарь Д.И. Ермоловича и Т.М. Красавиной, Larousse Chambers English-French/French-English Dictionary, The Advanced Learner's Dictionary of the English Language by A.E. Hornby, Rodale's Synonym Finder, Bartlett's Familiar Quotations.

6. Самый трудный случай в вашей практике.

Трудных случаев было много, прежде всего в синхронном переводе. Я не стал бы выделять какой-то один. Когда оратор читает текст в невыносимо (для переводчика, да и для слушателя на исходном языке) высоком темпе, приходится делать выбор между переводом и «реферированием», в пользу последнего. Для меня это неприятно. Нет переводчиков, которые справятся с текстом любой трудности в любом темпе, и те, кто утверждает обратное (неважно – о себе или еще о ком-то), мягко говоря, лукавят. Конечно, приятнее рассказывать о трудностях, которые ты успешно преодолел, но это уже на грани хвастовства.

7. Самый поучительный случай в вашей практике.

Опять не могу выделить один случай, хотя было немало эпизодов, которые преподали мне урок – в профессиональном плане или в человеческом. Вообще «обучаемость» – одно из важнейших для переводчика качеств. Чтобы не «жадничать», приведу все-таки один забавный пример, доказывающий, что и «на старуху бывает проруха». Я переводил на концерте в ООН, объявляя номера вслед за конференсье. Исполнялся романс, кажется, Чайковского «Сон». Я сказал: «Sleep». Из первого ряда донеслось: «Dream, Павел».

8. Ваши пожелания молодым коллегам.

Как сказал один классик, учиться, учиться и еще раз учиться. Не терять чувства юмора, но и не перебарщивать с ним. Заботиться о собственной порядочности больше, чем о внешнем виде – но и о нем тоже.

Отвечает Владимир Олегович Бабков

1. Три книги, к которым вы чаще всего обращаетесь.

Кроме Библии, в которую приходится заглядывать регулярно (и, разумеется, словарей, но о них – в ответе на следующий вопрос), у меня нет таких книг, хотя любимых художественных произведений и любимых авторов очень много – наверное, несколько дюжин. Практически в каждом жанре, включая популярные, есть, на мой взгляд, настоящие шедевры – книги, которые я с удовольствием взялся бы переводить.

2. Пять словарей, которые у вас всегда под рукой.

Думаю, тут я неоригинален. Вот первые три:

1. Новый большой англо-русский словарь под общ. рук. Э.М. Медниковой и Ю.Д. Апресяна;
2. Webster's Third New International Dictionary;
3. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова.

На остальные два места в пятерке с равным правом могут претендовать десятка два-три специальных словарей (идиом, сленга, цитат, лингвострановедческие, технические и так далее – они используются в зависимости от того, что приходится переводить). В последнее время я стал гораздо чаще пользоваться компьютерными средствами – электронной версией Британники, словарями Multilex (хотя большая часть их набора «Английский для профессионалов» из 17 словарей есть у меня и в традиционном виде) и просто поиском в интернете. Это здорово экономит время – я уже и забыл, когда в последний раз сидел в справочном зале Библиотеки иностранной литературы.

3. Считаете ли вы закономерным, что стали переводчиком?

Почему вы стали переводчиком?

В каком-то смысле закономерно все, что происходит на свете. Встречаешь, например, старого приятеля, которого не видел лет двадцать, – и он рассказывает тебе, что три раза был женат, торговал итальянскими унитазами, а потом приобрел в собственность алюминиевый завод и стал депутатом Госдумы. Думаешь: а иначе ведь и быть не могло. Все его будущее можно было разглядеть в нем и раньше, если бы только взгляд тогда был поострее. Так что ответ – да, закономерно, что стал переводчиком. А если перестану им быть, это тоже будет закономерно.

Почему стал – это вопрос посложней, и причин тут несколько. Первая: всегда любил читать, и чуть ли не самые сильные впечатления в жизни связаны именно с книгами. Вторая: иностранные языки (и родной, естественно, тоже) всегда восхищали меня своим внутренним устройством, разнообразием выразительных средств и так далее. Третья: наверное, только эта профессия позволяет хотя бы отчасти удовлетворить неуемный интерес к жизни во всех ее проявлениях, потому что где жизнь – там язык, а если ты берешься что-то переводить, тебе первым делом надо понять, влезть в чужую шкуру. Вот это и интересно. И последняя причина, отрицательная: практически все остальные профессии мне по разным причинам не нравятся.

4. Что вам дала или отняла профессия переводчика?

Сказать: отняла двадцать лет жизни? Или научную карьеру (я ведь получил техническое образование, и неплохое)? Да нет, это ерунда, конечно: сам виноват, при чем тут профессия. Во-первых, я не знаю, что было бы, если. Может, еще в двадцать раз хуже было бы. А во-вторых, я сторонник теории (не новой), что за все надо платить. Если бы у тебя было то, чего нет сейчас (допустим, счет в банке), – значит, пришлось

бы расплатиться за это чем-то из того, что ты сейчас имеешь. Например, свободой — относительной, конечно. Или широтой кругозора, не менее относительной, но все же. Насчет того, что профессия дала (на это почему-то ответить легче): вот, пожалуй, в первую очередь эту самую относительную свободу, возможность существовать более или менее независимо. *Neither a servant nor a master be*, как сказал поэт. И возможность тесного общения, пусть одностороннего, с умными и талантливыми людьми — авторами книг, которые переводишь.

5. Ваши пожелания молодым коллегам.

Не очень хочется чувствовать себя стариком, хотя, наверное, надо привыкать. Всем коллегам, и молодым, и не слишком, желаю самого наилучшего. Кстати, о молодых коллегах: людей, которые зарабатывали бы себе на хлеб исключительно переводом художественной литературы, и раньше было немного, а сейчас, по-моему, нет совсем (за исключением горемык, в поте лица штампующих попу). Но я все равно желаю им счастья и благополучия. В тяжелую минуту пусть утешаются тем, что их профессиональная деятельность почти никому не приносит вреда.

6. Кого вы считаете своим учителем?

Первым профессиональным отзывом о своих (в ту пору любительских) переводах я обязан поэтессе и переводчице Ольге Ивановне Татариновой, которая вела у нас в Физтехе литературный кружок. Отзыв был такой: «Вы переводите, как технарь переводит технический текст». Слава Богу, я не обиделся, а принял к сведению. Но настоящее обучение технике художественного перевода (не сочтите за оксюморон) началось, когда я попал в семинар к Виктору Петровичу Голышеву. Сам он любит говорить, что переводу научить нельзя — и в каком-то смысле он прав, но если бы я своим умом доходил до всего, что он мне подсказал, на это ушло бы как минимум в десять раз больше времени. Верней, даже так: я убежден, что своим умом до всего дойти попросту нельзя, так что учителя нужны непременно. И еще одно: если переводчик не работал с хорошими редакторами, он никогда не станет хорошим переводчиком. Тут мне тоже повезло; лучшим редактором, с которым мне довелось работать, я считаю Виктора Абрамовича Ашкенази из «Иностранной литературы» (ныне на пенсии). К сожалению, хорошие редакторы как класс перевелись еще раньше переводчиков — печальный каламбур.

7. Самый трудный случай в практике.

Выделять какой-то отдельный случай я бы не стал. Каждая по-настоящему качественная книга заставляет переводчика решать сложные задачи, иногда вовсе не поддающиеся решению. Со временем к этому привыкаешь и, берясь за очередную книжку, уже знаешь: да, выкручиваться обязательно придется, но нет такого положения, из которого нельзя было бы выкрутиться (пусть даже с известным ущербом).

8. Самый поучительный случай в практике.

Опять же: каждая книга, над которой работаешь, чему-то учит, так же как и всякое неординарное происшествие в обычной жизни. И, между прочим, главное, чему они учат, — это не то, как перевести слово или словосочетание, как решить ту или иную техническую проблему, а то, как вести себя, если ты попадешь в похожую ситуацию или встретишься с людьми, похожими на литературных героев. А еще — как относиться к тем или иным передрягам и к жизни вообще. Мне как-то трудно отделить профессиональную деятельность от всего остального. Забиваешь гвоздь и угодил себе молотком по пальцу — это поучительно? То же самое происходит, если невольно ошибешься при переводе. И тоже потом бывает больно и обидно.

Русский *H* как *N* французский¹

В.К. Ланчиков

Статья вторая

Включаю телевизор на середине переводного фильма. На экране — возле подвезда прощаются мужчина и женщина: «Пока» — «Увидимся завтра». Какие, интересно, отношения их связывают? Кто они — муж и жена, сослуживцы, просто добрые друзья?

Ничуть не бывало: так, по мнению переводчика, прощаются следователь, ведущий дело об убийстве, и сестра жертвы. Причём познакомились они всего час назад и никакой амур между ними за этот час не пролетел.

«И каждый не одну играет роль». Слова Шекспира вполне можно отнести к нашему повседневному общению. Преуспевающий адвокат на один лад говорит с клиентом, на другой — с женой, на третий — с менее удачливым коллегой, на четвёртый — с маленькой дочкой, на пятый — с журналистом, берущим у него интервью. Лицемерия тут ни капли: меняется собеседник, меняется тема и место разговора, меняются намерения говорящих — меняется и регистр общения. Хорош был бы этот адвокат, если бы он сюсюкал с прокурором как с дочуркой, а жене давал интервью.

Как раз такой конфуз и приключился с персонажами переводного фильма. Но виноваты не создатели фильма, а переводчик. Это он выбрал для своих по-

допечных неподходящий регистр общения². Его ошибка лишний раз подтверждает старую истину о том, что знать иностранный язык одно, а уметь переводить с него — совсем другое.

В оригинале реплики персонажей звучали так: “See you tomorgow” — “Bye”. “Bye”, конечно, не самый казённый способ прощания, но переводчик преувеличил его интимность. Он совершил тот же промах, какой постоянно совершали мои английские студенты-стажёры: на занятиях (говорили мы по-русски) они обращались к преподавателю на «вы», по имени-отчеству, но, входя в аудиторию, всякий раз говорили: «Привет». Почему? Да потому, что по-английски при тех же обстоятельствах говорили бы: “Hi!” Этим же словечком они приветствовали бы не только преподавателя, но и закадычного друга, и налогового инспектора, и незнакомого пожилого человека, и собственную бабушку.

Во всех этих случаях указанное приветствие никого не коробит, считается

¹ Переработанный вариант статьи, впервые опубликованной в журнале «Столпотворение», № 4/5, 2000.

² В последнее время термин «регистр» в отечественной лингвистике получил столько разных толкований, что всякий раз при чтении того или иного языковедческого исследования приходится сначала разбираться, как понимает автор этот термин. Подчас «регистр» попросту отождествляется с традиционным понятием «функциональный стиль». Поэтому следует уточнить, что в данном случае речь идёт о регистре общения — совокупности речевых средств, показывающих характер отношений между собеседниками (степень близости, различия в общественном положении и пр.)

нормой. Настолько, что, например, героиня романа современного американского писателя М.Каннингема “The Hours” удивляется странностям своей юной знакомой, которая вместо “Hi” произносит при встрече с ней “Hello”:

‘Hello,’ said Julia behind him. Not ‘hi’. She has always been a grave little girl, smart, but peculiar, filled with quirks and ticks (...) She is a handsome nineteen-year-old who says hello and goodbye, not ‘hi’ and ‘bye’.”

Так вот, о процитированном кинопереводе. Понятно, что для достижения адекватности следовало передать это самое “Bye” таким оборотом, который был бы в предложенных обстоятельствах столь же нормативен. Крендельплюсовцы

обыкновенно не затрачивают умственных усилий на поиски наиболее уместного русского эквивалента, и в их переводах даже респектабельные особы почтенных лет, когда их представляют друг другу, выпаливают: «Привет!» Странно, что при этом они обмениваются рукопожатием, а не хлопают друг друга по плечу.

Приведу пример иного подхода — отрывок из романа И. Во “Decline and Fall” в переводе С.Белова и В.Орла. Отрывок взят из главы, где описывается первый приезд Поля Пеннифезера в частную школу, в которой ему предстоит преподавать.

Paul looked round. It was not a very big room. Even he felt that, and all his life he had been accustomed to living in constricted spaces.

‘I wonder how many people live here,’ he thought, and with a sick thrust of apprehension counted sixteen pipes in a rack at the side of the chimneypiece.

Paul sat down disconsolately on the straight chair.

Presently there was a knock at the door, and a small boy came in.

‘Oh!’ he said, looking at Paul intently.

‘Hullo!’ said Paul.

‘I was looking for Captain Grimes,’ said the little boy.

‘Oh!’ said Paul.

The child continued to look at Paul with a penetrating, impersonal interest.

‘I suppose you’re the new master?’ he said.

‘Yes,’ said Paul. ‘I’m called Pennyfeather.’

The little boy gave a shrill laugh. ‘I think that’s terribly funny,’ he said and went away.

Presently the door opened again, and two more boys looked in. They stood and giggled for a time and then made off.

In the course of the next half hour six or seven boys appeared on various pretexts and stared at Paul.

Then a bell rang and there was a terrific noise of whistling and scampering. The door opened, and a very short man of about thirty came into the Common Room. He had made a great deal of noise in coming because he had an artificial leg. He had a short red moustache, and was slightly bald.

‘Hullo!’ he said.

‘Hullo!’ said Paul.

‘I’m Captain Grimes,’ said the newcomer and ‘Come in, you,’ he added to someone outside.

Another boy came in.

Поль огляделся. Учительская помещалась в какой-то каморке. Даже он, привыкший к тесным помещениям, был удивлён.

— Сколько же здесь преподавателей? — задал себе вопрос Поль и, стараясь не поддаваться подкапывающему отчаянию, насчитал на полке возле камина шестнадцать трубок.

В унынии Поль опустился на стул.

Вскоре в дверь постучали, и в комнату вошёл мальчик. Он ойкнул и уставился на Поля.

— Привет! — сказал Поль.

— Я думал, здесь капитан Граймс, — объяснил мальчик.

— Понятно, — отозвался Поль.

Мальчик изучал Поля с бесстрастным любопытством.

— Вы что, нас учить будете? — спросил он.

— Да, — сказал Поль. — Моя фамилия Пеннифезер.

Ребёнок так и прыснул.

— Вот умора, — сказал он и был таков.

Через некоторое время дверь снова открылась, и в учительскую заглянули ещё двое. Ученики постояли, похихикали, а потом пропали.

В течение получаса в учительскую под самыми разными предлогами заглядывали дети и смотрели на нового преподавателя.

Потом зазвенел звонок, и поднялась невообразимая беготня, шум и свист. Опять открылась дверь, и вошёл коротыш лет тридцати. Он страшно топал протезом. У него были коротко подстриженные рыжие усы и намечалась лысина.

— Привет! — сказал он Полю.

— Привет! — сказал ему Поль.

— Я — капитан Граймс, — сказал он Полю и «иди-ка сюда, голубчик» кому-то ещё.

Вошёл новый ученик.

‘What do you mean,’ said Grimes, ‘by whistling when I told you to stop?’

‘Everyone else was whistling,’ said the boy.

‘What’s that got to do with you?’ said Grimes.

‘I should think it had a lot to do with it,’ said the boy.

‘Well, just you do a hundred lines and next time, remember, I shall beat you,’ said Grimes, ‘with this,’ said Grimes, waving the walking stick.

‘That wouldn’t hurt much,’ said the boy and went out.

‘There’s no discipline in the place,’ said Grimes, and then he went out too.

‘I wonder whether I’m going to enjoy being a schoolmaster,’ thought Paul.

Quite soon another and older man came into the room.

‘Hullo!’ he said to Paul.

‘Hullo!’ said Paul.

‘I’m Prendergast,’ said the newcomer. ‘Have some port?’

‘Thank you, I’d love to.’

‘Well, there’s only one glass.’

‘Oh, well, it doesn’t matter, then.’

‘You might get your tooth-glass from your bedroom.’

‘I don’t know where that is.’

‘Oh, well, never mind, we’ll have some another night. I suppose you’re the new master?’

‘Yes.’

‘You’ll hate it here. I know. I’ve been here ten years. Grimes only came this term. He hates it already. Have you seen Grimes?’

‘Yes, I think so.’

‘He isn’t a gentleman. Do you smoke?’

‘Yes.’

‘A pipe, I mean.’

‘Yes.’

‘Those are my pipes. Remind me to show them to you after dinner.’

Прошу прощения за столь пространную цитату, но и это, пожалуй, наименьший контекст, который необходим для оценки переводческих решений, касающихся нашей темы.

У кого-то предложенный перевод диалога может вызвать несогласие. Могут, в частности, попенять на утрату повторов, которые упрощают разговор до общения «на трёх аккордах», создавая определённый комизм (“‘Oh,’ he said. — ‘Oh,’ said Paul” и т.п.). Если отвечать на это возражение со всей основательностью, нам придётся заняться выяснением векового вопроса: в какой мере вообще воспроизводимы в переводе

— Ты почему не прекратил свистеть, когда я сделал тебе замечание? — сказал капитан Граймс.

— Все свистели, — сказал мальчик. — Ты почему не прекратил свистеть, когда я сделал тебе замечание? — сказал капитан Граймс.

— Все свистели, — сказал мальчик. — Причём тут все? — спросил капитан Граймс.

— А вот при том, — сказал мальчик.

— Ступай и напиши сто строк, а в следующий раз угощу тебя вот этой штукой, — сказал Граймс и помахал тростью.

— Очень испугался, — сказал мальчик и вышел.

— Вот вам наша дисциплина, — вздохнул Граймс и тоже вышел.

— Это ещё вопрос, понравится ли мне преподавать, — отметил про себя Поль.

Вскоре в комнату опять кто-то вошёл; вошедший был постарше капитана Граймса.

— Здравствуйте, — сказал он Полю.

— Здравствуйте, — сказал ему Поль.

— Моя фамилия Прендергаст, — отрекомендовался вошедший. — Кагору не желаете?

— Благодарю вас, с удовольствием.

— Правда, здесь только один стакан.

— В таком случае, не стоит беспокоиться.

— Но вы можете принести ещё один стакан из ванной.

— Я не знаю, где ванная.

— Ну хорошо, тогда отложим до лучших времён.

Насколько я понимаю, вы наш новый коллега?

— Да.

— Вам здесь быстро надоест. Вы уж мне поверьте. Я здесь работаю десять лет. А Граймс — первый семестр. Ему уже надоело. Граймса видели?

— Кажется, видел.

— Граймс не джентльмен. Курите?

— Курю.

— Трубку?

— Трубку.

— Это всё мои трубки. Покажу их вам после обеда, вы мне только напомните.

формальные приёмы оригинала. Коснусь этого вопроса лишь мельком — применительно к нашей теме.

Возьмём один из таких повторов: “I suppose you’re the new master?” Сначала эту фразу произносит любопытный ученик, потом её повторяет Прендергаст. Допустим, мы поставили бы себе задачу сохранить этот повтор в переводе. Но как перевести эту реплику, чтобы она без сучка без задоринки вписывалась в речь двух таких несхожих персонажей?

Крендельплюсовец ничтоже сумняшеся перевёл бы: «Я полагаю, вы новый учитель?». Судите сами, насколько естественно звучит в устах бойкого беспар-

донного мальчугана это «Я полагаю». (О субъектных модусах такого рода уже говорилось в первой части этой статьи, и разбираемый перевод лишний раз подтверждает высказанные там соображения. В оригинале мальчишки то и дело повторяют: “I suppose you’re the new master?” – “I think that’s terribly funny” – “I should think it had a lot to do with it”. И переводчик, то избавляясь от этих модусов, то – там, где это уместно, – заменяя их на объектные, придаёт репликам непринуждённость.)

Можно попробовать и в этом случае ради сохранения повтора реплики пренебречь формальным выражением модальности: «Вы новый учитель?» Да, такой вариант лишён натужной церемонности предыдущего, но у него имеется другой изъян. Получается плоская, равнодушная фраза из англо-русского разговорника. Повтор-то мы с её помощью создадим, а обоих персонажей обезличим. (При том, что соответствующая английская реплика не так уж безлика: о некоторых её особенностях будет сказано ниже).

Другой случай того же порядка. В оригинале и Граймс и Прендергаст приветствуют Поля одинаково: “Hullo!” Но в переводе реплика Граймса передана как «Привет»³, а Прендергаст произно-

сит: «Здравствуйте». Такой выбор вариантов имеет серьёзные основания. Обратим внимание на отзыв Прендергаста: «Граймс – не джентльмен». В чём читатель может и сам убедиться из дальнейших событий романа. Кстати, речь Граймса при следующей же встрече с Полем стилистически недвусмысленна: “Filthy meal, isn’t it, old boy... I’m off to the pub. How about you?” – «Паскудно кормят, старина, верно я говорю?... Лично я – в пивную. Не хочешь составить компанию?»

Выходит, и в этом случае, сохранив повтор реплики у двух разных персонажей, мы не избежим потери, так как приведём их речевые характеристики к серенькому общему знаменателю – сгладим индивидуальные различия их речи. Ведь такие разные люди, говори они по-русски, в описанных обстоятельствах и регистры общения выбрали бы разные.

Всё вышеизложенное относится не только к переводу с русского языка на английский. Американский переводчик К. Лэндерс высказывает те же мысли применительно к переводу на английский: “A single word can be jarring if it resonates in the wrong register. Switching to German, *Natürlich!* might be translated along a continuum ranging from ‘Most assuredly!’ through ‘Of course!’ to ‘You betcha!’ (among the many possibilities). We would expect a diplomat or a university docent to use the first or second but would be nonplussed to encounter the third.”⁴ Он же приводит семь возможных вариантов перевода испанской реплики “No tengo nada” (меняющиеся в зависимости от обстоятельств разговора, характера и «анкетных данных» говорящего, его намерений и прочих факторов, совокупность которых в лингвистике и психологии именуется *коммуникативной ситуацией*): от архаичного “Naught have I” до просторечного или диалектного “I don’t got nothing.”

³ На первый взгляд, такой перевод идёт вразрез с выводами о стилистической окраске “Hullo”/“Hello,” на которые наталкивает приведённая выше цитата из романа М. Каннингема. Но если современной американке такое приветствие кажется чуть ли не чопорным, это не значит, что оно воспринималось так же в Англии 20-х гг. XX в. Меняется время – меняется норма. В романе М. Алдана «Бегство», действие которого происходит в 1917–1918 гг., бывший петербургский миллионер Нещеретов, прощаясь с князем Горенским, произносит: «Так до скорого, до приятного... “Пока,» – говорит хамьё». В том же духе высказывался в 1923 г. С. Волконский: «“Пока” значит теперь в советской черте оседлости: “до свидания”, “будьте здоровы”, “не сомневайтесь в моём обещании” и много подобного. Это как маленькие пилюли советской обходительности». В эпоху, когда у людей, называющих себя «господами», ещё не принято было ботать по фене, этот оборот расценивался как проявление революционно-демократической простоты нравов.

⁴ Landers, Clifford, ‘Literary Translation. A Practical Guide.’ Clevedon, Buffalo, Toronto, Sydney: Multilingual Matters Ltd, 2001, p. 61.

Интересный отзыв об этом переводе отрывка из романа И. Во дали два носителя английского языка, британец и американка. Они работают в Москве, хорошо владеют русским языком не только на уровне повседневного общения, с переводом знакомы не понаслышке и могут оценить достоинства и недостатки перевода на русский со знанием дела. В целом перевод приведённого отрывка им понравился. Но кое с чем они не согласились. И это «кое-что» как раз относится к теме настоящей статьи.

На их взгляд, сохранить повтор “Hullo” всё же возможно. Тут следует обратить внимание на небрежность произношения: не “Hello,” а именно “Hullo” — что-то вроде русского «Здрасьте». Вежливость, но впопыхах. Благодаря этой небрежности граница между любезностью (Прендергаст) и фамильярностью (Граймс) несколько стирается, поэтому «Здрасьте» подошло бы обоим персонажам.

Другое возражение касалось опять-таки субъектных модусов — особенно первой же реплики ученика: “I suppose you’re the new master?” В этом “I suppose” при обращении ученика к учителю слышится нагловато-барственное отношение питомца престижной частной школы к человеку пусть и старшему, но «не нашего круга». Выражено это отношение тонко, в откровенной дерзости мальчишку не уличишь. В данном случае субъектный модус — показатель общения на равных, когда говорящий может запросто высказать собственное предположение, суждение, мнение о личности или поступках собеседника: “I suppose you...” Но социальные роли, которые приписаны коммуникантам обстоятельствами (ученик и учитель, да ещё пока что совершенно незнакомый) равенства не предполагают. И всё же ученик держит себя так, будто осознаёт своё право разговаривать на равных. Сразу видно отпрыска родовой богатой семьи.

(Важно иметь в виду: этот оттенок создаётся не стилистической окраской субъектного модуса, а именно коммуникативными особенностями. Было бы

неверно утверждать, что подобные модусы в английском языке вообще не свойственны речи детей в разговоре со взрослыми. Например, Алиса, героиня книги Л. Кэрролла “Through the Looking-Glass” свободно вставляет в разговор с Белым Рыцарем фразы вроде: “Yes, I suppose you’d be over when that was done,” “I suppose you wouldn’t have two pudding-courses in one dinner?”⁵ Чудаковатый, поребачьи простодушный Белый Рыцарь — это всё-таки не школьный учитель: с ним можно говорить почти как с ровней.)

Этого-то высокомерия, по мнению моих англоязычных коллег, и недостаёт в переводе. Реплика получилась дерзкой, но социальная подоплёка этой дерзости не чувствуется.

Всё так. Однако подходящей замены коллеги не нашли. Все варианты оказывались или чересчур «взрослыми» или недостаточно вызывающими. И это, как мне кажется, не потому, что русский язык для моих коллег не родной.

Приведу ещё один пример. Другой автор, другая книга, другая эпоха. Но сходные обстоятельства. Юную Джейн, героиню романа Ш. Бронте “Jane Eyre”, привозят в Ловудский приют, где ей предстоит провести несколько лет жизни. Её новая подруга из числа обитательниц приюта знакомит её с этим мрачным заведением: “It is partly a charity-school: you and I, and all the rest of us, are charity-children. I suppose you are an orphan: are not either your father or your mother dead?”⁶ Положение собеседниц одинаково. Разница лишь в том, что новая подруга Джейн — на правах старожилы — словно бы берёт девочку под свою опеку. Так что высокомерным её тон не назовёшь.

На мой взгляд, замечание о *сословной* надменности юнца из романа И. Во было вызвано тем, что носители английского

⁵ В переводе Н. Демуровой: «Конечно, если вам удастся это сделать, через калитку перелезешь», «Вряд ли вам захотелось два пудинга в один день?»

⁶ В переводе В. Станевич: «Это вроде убежища для бедных сирот: и ты, и я, и все остальные девочки живут здесь из милости. Ты, вероятно, сирота? У тебя умерли отец и мать?»

языка имеют более отчётливое представление о том, что такое British public school — весьма своеобразный мир со своими порядками, обычаями, особенностями речи. Иными словами, они более полно представляют себе коммуникативную ситуацию, все её оттенки, даже не выраженные в тексте со всей очевидностью. Именно коммуникативная ситуация и проясняет англоязычному читателю причину необычного речевого поведения ученика.

Другой вопрос — удастся ли в полной мере воспроизвести эту интонацию по-русски. Представим себе школьника, пытающегося показать новому учителю, «кто в доме хозяин». Если усилить в его речи оттенок высокомерия, стилистическая тональность неизбежно поползёт вверх, и речь перестанет быть детской (отчего, кстати, сцена потеряет изрядную долю комизма). Поэтому мне представляется, что предложенный перевод — это всё-таки оптимальное решение задачи.

Хотелось бы вступить и за перевод “Nullo” в речи Граймса как «Привет». Стоит пристальнее приглядеться к *целостному* речевому образу этого персонажа, и станет ясно, что «Здрасьте» в его устах звучит чересчур заискивающе. Не тот это человек, чтобы так приветствовать незнакомых.

Если обратиться к узловым показателям регистров общения (формам обращения, формулам приветствия и прощания и т.п.), осмелюсь предположить, что в русском языке эти регистры намечены более подробно, чем в английском. Если сравнить их иерархию с лесенкой (от фамильярности до официальности), складывается впечатление, что у англоязычной «лесенки» каждая ступенька подъямистее: ей нередко соответствуют две-три ступеньки «лесенки» русской.

Кроме уже упоминавшихся “Hi”, “Hello”, “Bye” приведу в подтверждение ещё один пример, взятый из рассказа О. Хаксли “Happily Ever After.” Героиня рассказа Марджори пишет письмо жениху. Она начинает его словами: “Dear Guy”. При этом ей вспоминается подруга, которая в письмах к жениху называет

его не иначе как “Darling”. Такая форма обращения кажется Марджори не в меру слащавой. Нет, они с Гаем не так сентиментальны...

Как же дать противопоставление двух форм в переводе? С “Darling” сложностей не возникнет: хотя бы «Милый». А “Dear”? «Дорогой»? Всё-таки слишком задушевно. «Уважаемый»? Это в письме-то к жениху — «Уважаемый Гай»? Форменное издевательство. «Любезный»? Что-то из XIX века. Вот и оказывается, что обращение, которое при всех обстоятельствах соответствовало бы английскому “Dear”, в русском языке подыскать не так-то просто. Всякий раз, подбирая вариант для его перевода, мы вынуждены оглядываться на коммуникативную ситуацию. В рассказе Хаксли можно было бы вообще отказаться от каких-либо эквивалентов “Dear” и дать напрямик: «Здравствуй, Гай», хотя при иных обстоятельствах “Dear” могло бы стать и «милый», и «уважаемый» (“Dear Mr Smith”), и «любезный». Всё зависит от того, на какой из ступеней «лесенки регистров» происходит разговор.⁷

Предположение о большей дробности — а значит, и конкретности — регистров общения в русском языке основано на таких наблюдениях. Обратимся к произведению, которое всем, должно быть, хорошо знакомо — дилогии И.Ильфа и Е.Петрова о Великом Комбинаторе — и проследим, как обращаются к главному герою собеседники. Не будем касаться всякого рода прозвищ («парниша», «суслик», «дуся»⁸), отметим лишь варианты имени собственного. Одни персонажи

⁷ Для сравнения — кое-что о восприятии слова “darling”. Нынешней весной администрация Английской Национальной Оперы позабыла британцев некоторыми положениями своего нового документа, регулирующего отношения между сотрудниками. Среди прочего в документе говорилось: “The use of affectionate names, such as ‘darling,’ will also constitute sexual harassment.” (Цит. по “The Times”, 22 Apr. 2004)

⁸ Последняя форма имеет оттенок, который ускользает не только от читающих роман в переводах, но и от многих современных отечественных читателей. Слово «дуся» заимствовано из жаргона институток («душка», произнесённое с жеманным присюсюкиванием). Поэтому в устах монтера Мечникова оно звучит особенно пикантно.

(Воробьянинов, вдова Грицацуева, Лиза Калачова) именуют Остапа «Товарищ Бендер». Другие (Балаганов, Паниковский) — исключительно по фамилии: «Бендер». Зося Синицкая обращается к нему «Остап» и на «вы». На «ты» говорят с ним лишь Коля Калачов и студенты-попутчики в поезде «Москва-Черноморск» — и, надо думать, при этом называют его просто по имени. Добавим, что в швейцеровской экранизации «Золотого телёнка» Паниковский (в исполнении З. Гердта) то и дело величает Командора «Остап Ибрагимович». А если напрямь воображение и представить, как обращались к Бендеру сокамерники в Таганской тюрьме (факт из биографии Остапа, засвидетельствованный администратором Театра Колумба), не исключён и вариант «Ибрагимыч».

Все эти варианты характеризуют как говорящего, так и отношения, в которые он поставлен с Остапом. И каждый из вариантов сопряжён с определённым набором стилистических средств. Реплики: «Ибрагимыч, вы глубоко заблуждаетесь» или «Гадом буду, Остап Ибрагимович», в принципе, возможны — в повседневной речи чего не услышишь. Но стилистическая натяжка — несоответствие формы обращения стилистическим признакам остальной части высказывания — будет заметна.

Получается, что наличие отчества в составе русских обращений и возможность вариантов «ты»/«вы» усложняют картину и в то же время позволяют наметить регистры общения более чётко. (Об этом забывают сегодняшние кандидаты в «мастера общения», старающиеся во что бы то ни стало обходиться без отчеств. Они не учитывают, что простота — не всегда достоинство. Простейшие — далеко не самая совершенная форма живых организмов.)

Небольшое отступление. В октябре 2004 года по телеканалу «Культура» был показан фильм известного американского режиссёра С. Люмета «Чайка» — экранизация пьесы А. Чехова. Озвучатели фильма решили повышать по чехов-

скому тексту. Так, Тригорин в переводе умоляет Аркадину: «Будь умна, рассудительна и взгляни на *ситуацию* как истинный друг». («Ситуация» — это, разумеется подарок крендельплюсовца: в произведениях Чехова это слово не встречается ни разу. Как и «бренди», заменившее упоминаемый чеховской Машей «коньяк».) У Чехова в соответствующей сцене Тригорин просит: «Взгляни на *всё это* как истинный друг». После выстрела Треплева Аркадина в фильме произносит милое сердцу правоверного крендельплюсовца: «Что это было?» (У Чехова: «Что такое?») Но особенно дико звучат в этом переводе формы обращения. Шамраев обращается к Аркадиной как к совершенно посторонней женщине: «*Мадам*, сделайте милость, не забудьте навести справочку...» (У Чехова: «Так вы же, *Ирина Николаевна*, сделайте милость...») Разница между употреблением «мадам» в русском языке и “madam” в английском пониманию переводившего недоступна. А Маша и Медведенко величают Треплева не «Константин Гаврилыч», как у Чехова, а запросто «Константин», что создаёт совершенно иную, чем в чеховской пьесе, картину их отношений. Такой отказ от отчества ещё оправдан в английском переводе «Чайки» — это тонкость, которую англоязычный зритель всё равно едва ли уловит. Режиссёр вдумчиво отнёсся к тому, как воспримет русскую классическую пьесу американский зритель. Похоже, что российский телеканал тоже предназначал перевод для американской аудитории.

Другая причина несопадений ступеней у «лесенок» регистров касается не русского языка, а некоторых тенденций в современном английском — в большей степени в его американском варианте. Л. Виссон пишет: «Хорошо известно, что американцы в разговоре с собеседником быстро переходят к замене фамилии на имя. Здесь даёт себя знать так называемая “демократическая идея”. Босс и подчинённый часто называют друг друга по имени. Человек, которого вы никогда в жизни не видели, хочет вам что-то про-

дать по телефону и называет вас просто по имени, сколько бы лет вам ни было — восемнадцать или восемьдесят пять».⁹ Другими словами, система обращений упрощается ещё больше: одна и та же форма (имя) начинает распространяться на большее число коммуникативных ситуаций. А форма обращения, как мы видели, выступает в качестве одного из основных показателей *всего* регистра.

В Британии “first-naming” укрепились не так безоговорочно. По крайней мере, в английской прессе нет-нет да и раздаётся ропот на засилье такого рода обращения. В 2001 г. газета «Таймс» опубликовала статью американской журналистки Эрики Вагнер, работающей в Великобритании. Статья имела показательное заглавие: “To You, It’s Ms Wagner.” Но журналистка не одобряет “the cult of first-naming” не из-за фамильярности этой формы, а потому что видит в ней попросту лицемерие: обращаясь по имени к малознакомому человеку, говорящий лишь делает вид, будто между ними существуют близкие отношения (“It’s a question of presuming a closeness that doesn’t exist”).

Всё это, разумеется, не следует понимать в том смысле, что английский речевой этикет, будь то в Англии или в Америке, так уж демократически незатейлив. Как пишет шведский лингвист Ларс-Гуннар Андерссон: “When it comes to forms of address, English is simpler than either German or French. On the other hand, there might be other ways to signal social distance which are more subtle and, therefore, just as hard to learn, for example, choosing between *Johnnie, John, Smith, Mr Smith* and so on.”¹⁰ Но, как показано на примере из романов И. Ильфа и Е. Петрова, русский речевой этикет может добавить к этому списку ещё кое-какие формы обращения.

⁹ Л. Виссон, «Русские проблемы в английской речи. Слова и фразы в контексте двух культур». М., Р.Валент, 2003, стр. 84.

¹⁰ L.-G. Andersson, ‘Some Languages Are Harder than Others’— in ‘Language Myths,’ Lnd.: Penguin Books, 1998, p. 52.

Впрочем, к художественному переводу этот вопрос прямого касательства не имеет. Более существенна для нашей темы первая причина несовпадения ступенек-регистров в двух языках.

Кому из переводчиков не приходилось решать, должны ли герои, которые в оригинале говорят друг другу “you”, обращаться друг к другу на «вы» или на «ты»? Не такая это мелочь, как может показаться крендельщикам. Выбрать регистр — значит установить определённые ограничения на выбор стилистических средств. Иначе... В книге «Слово живое и мёртвое» Н. Галь показывает, что может получиться «иначе»: «В старом переводе известного романа Уэллса вспльщивый Невидимка гневно кричал: “Не уроните книги, *болван!*” Но этому переводу добрых полвека.¹¹ А вот, не угодно ли, не столь давно в переводном рассказе один герой *пролаял* другому: “Куда лезете!” А в современном детективе полицейский — суцая горилла! — говорит так: “Бросьте пороть чепуху. Не думайте, что я настолько глуп, чтобы слушать вас”. Уж до того гладко, до того книжно...»¹² В один ряд с переводом, которому «добрых полвека», становятся

¹¹ При оценке этого примера «добрых полвека» — действительно важное обстоятельство. Мы снова сталкиваемся с различиями в речевом этикете разных эпох. Вспомним рассказ А.П. Чехова «Анна на шее» (написанный всего за два года до публикации романа Г. Уэллса «Человек-невидимка») и реплику Анны, обращённую к мужу: «Подите прочь, болван». Гораздо нелепее выглядят переводческие попытки «современного прочтения» классики. Не так давно в Москве был издан новый английский перевод ряда рассказов Чехова (в комментариях к которым он трактован как чуть ли не предтеча современного феминизма). Упомянутая выше реплика передана там как: “Leave me alone, you jerk”, что в описываемую эпоху воспринималось бы скорее как шариковское: «Отлезь, гнида». Между стилем Чехова и стилистикой журнала “Ms” всё-таки есть некоторая разница.

¹² Подлинный, не литературного происхождения разговор: «Почему ты со своей невесткой столько лет на «ты»?» — «Знаешь, “вы дура” выговаривается труднее, чем “ты дура”». Близость, знаменуемая обращением «ты», — палка о двух концах: близкому человеку проще не только говорить нежности, но и наругать.

некоторые современные кинопереводы: «Проклятье, *парень, вам*, наверно, надо скорее в больницу», «Сука! *Вы* умрёте, леди. Я вырву *вам* сердце!» Это, кстати, не из комедии, а из фильма про трудовые будни современных американских уголовников. Хотя в последнем случае комизм возникает скорее из-за обращения «леди» — ср. пример из другого киноперевода: «Заткнись, леди. Не у тебя одной на этой планете проблемы». От «ты» комизма не убавилось. Но о передаче обращений вроде “lady” речь пойдёт дальше.

И прихотливо же ткётся история языка! Фонвизинский Стародум с тоской вспоминал прежние времена, когда «один человек назывался ты, а не вы. Тогда не знали ещё заражать людей столько, чтобы всякий считал себя за многого. За то нонче многие не стоят одного»¹³. А тем временем в английском языке местоимение, соответствующее русскому «ты» (“*thou*”) постепенно вышло из употребления и к концу XVIII века сохранилось лишь как обращение к низшему сословию, в некоторых диалектах, да ещё в поэзии. Так в течение одного столетия на лесенке регистров в русском языке стало на одну ступеньку больше, а в английском две ступеньки объединились в одну. (В романе В. Набокова «Подвиг» Мартын, собираясь сделать предложение Соне, опасается, как бы она не предпочла ему англичанина Дарвина: «Единственным, довольно жалким преимуществом перед Дарвином был недавний, вином залитый переход с Сонею на “ты”; в Англии же второе лицо, вместе с луконосцами, вымерло».)

Но и при переводе с языков, где «ты» и «вы» разделены, слепо сохранять эти

формы бывает опасно. А Суворин в своём дневнике приводит разговор княгини Голицыной и парижского извозчика:

— Cocher, va plus vite! (Кучер, поезжай быстрее!)

— Vous me tutoyez, madame? C'est de l'amour? (Мы уже на «ты», мадам? Уж не любовь ли это?)

Обращение к «меньшой братии» на «ты» — примета языка старого московского барства — в рамках французской культуры было понято как намёк на более интимный регистр общения: тот же просчёт, что и «пока» при расставании следователя и свидетельницы. Впрочем, и в России в ту эпоху барственное «ты» многие уже считали принадлежностью отжившего уклада. Чеховский Петя Трофимов возмущался отсталостью кое-кого из соотечественников: «Называют себя интеллигенцией, а прислуге говорят “ты”».

И странно было бы, если бы Кальпурния, героиня шекспировского «Юлия Цезаря», в русском переводе говорила своему державному супругу «вы» (хотя в оригинале она говорит ему “*you*”, а не “*thou*”). То же касается другой супружеской пары в трагедии — Брута и Порции. На сохранение этого «вы» не отважился в переводе шекспировской трагедии даже отъявленный буквалист А. Фет. «Вы» в романах и пьесах, где действие происходит в Древнем Риме или Греции, вообще торчит неуклюжим анахронизмом. Но это в отечественной литературной традиции, а в римских пьесах Шекспира и Джонсона патриции постоянно друг другу «выкают».

А как поступают с формами “*you*”/“*thou*” переводчики пьес Шекспира, не относящихся к Римской истории? Возьмём начало разговора Гамлета с матерью из III действия знаменитой трагедии и шесть самых известных (если судить по числу переизданий) русских переводов. Чтобы не сбиться с темы, сосредоточимся не на качестве переводов (тут спорам не будет конца), а на том, как сохранение вариантов “*you*” — «вы»/“*thou*” — «ты» или их изменение сказывается на изображении происходящего. Поэтому придётся рассматривать переводы не в хронологическом порядке, а в той последовательно-

¹³ Обращение на «вы», встречающееся в памятниках русской письменности ещё в XI–XVI вв. (отголосок византийской речевой традиции), усиленно насаждалось Петром I как средство речевой европеизации. Итальянский филолог Р. Бенаккьо отмечает любопытную подробность: в переписке с царевичем Алексеем Пётр упорно обращается к сыну на «вы», сын же отвечает отцу: «ты». «Царь будто заявляет: “Я — за новое”, в то время как царевич отвечает: “А я — за старое”», пишет Р. Бенаккьо.

сти, в какой они выстраиваются в зависимости от подхода к решению этой задачи.

HAMLET: Now, mother, what's the matter?

QUEEN: Hamlet, thou hast thy father much offended.

HAMLET: Mother, you have my father much offended.

QUEEN: Come, come, you answer with an idle tongue.

HAMLET: Go, go, you question with a wicked tongue.

QUEEN: Why, how now, Hamlet?

HAMLET: What's the matter now?

QUEEN: Have you forgot me?

HAMLET: No, by the rood, not so:

You are the Queen, your husband's brother's wife,

And would it were not so, you are my mother.

QUEEN: Nay, then I'll set those to you that can speak.

HAMLET: Come, come, and sit you down, you shall not boudge;

You go not till I set you up a glass

Where you may see the inmost part of you.

QUEEN: What wilt thou do? Thou wilt not murther me?

Help ho!

В подлиннике Гамлет, даже осыпая мать упрёками, не выходит из пределов учтивости, установленных этикетом: в течение всей сцены он обращается к Гертруде с неизменным “you”. Королева же начинает разговор со сближающего “thou”, словно бы желая поговорить с сыном по душам, однако, уязвлённая обвинением сына, строго ставит его на место: “*You answer with an idle tongue*”. Но вот в словах Гамлета ей слышится угроза, и Гертруда в испуге отбрасывает надменный тон: “*What wilt thou do? Thou wilt not murther me?*”

В переводах А. Радловой и М. Лозинского эти речевые жесты переданы с предельной формальной точностью.

ГАМЛЕТ: Что вам угодно, мать моя?

КОРОЛЕВА: Ты своего отца обидел, Гамлет.

ГАМЛЕТ: Обидели вы моего отца.

КОРОЛЕВА: Ну, полно, полно, ваш ответ безумен.

ГАМЛЕТ: Ну, полно, полно, ваш вопрос порочен.

КОРОЛЕВА: Что говорите, Гамлет?

ГАМЛЕТ Ну, в чем дело?

КОРОЛЕВА: Забыли, кто я?

ГАМЛЕТ: Нет, клянусь крестом,

Вы – королева, деверя жена,

И – Боже, не было бы так – вы мать мне.

КОРОЛЕВА: Пошлю к вам тех людей, что говорить

Сумеют с вами.

ГАМЛЕТ: Нет, сядьте здесь, вы не сойдете с места,

Пока вам зеркала не покажу,

Где станет явным то, что тайно в вас.

КОРОЛЕВА: Что хочешь сделать ты? Убить меня?

На помощь!

(Пер. А. Радловой)

ГАМЛЕТ: В чём дело, мать, скажите?

КОРОЛЕВА: Сын, твой отец тобой обижен тяжко.

ГАМЛЕТ: Мать, мой отец обижен вами тяжко.

КОРОЛЕВА: Не отвечайте праздным языком.

ГАМЛЕТ: Не вопрошайте грешным языком.

КОРОЛЕВА: Что это значит, Гамлет?

ГАМЛЕТ: Что вам надо?

КОРОЛЕВА: Вы позабыли, кто я?

ГАМЛЕТ: Нет, клянусь.

Вы – королева, дядина жена;

И – о, зачем так вышло! – вы мне мать.

КОРОЛЕВА: Так пусть же с вами говорят другие.

ГАМЛЕТ: Нет, сядьте, вы отсюда не уйдёте

Пока я в зеркале не покажу вам,

Всё сокровеннейшее, что в вас есть.

КОРОЛЕВА: Что хочешь ты? Меня убить ты хочешь?

О, помогите!

(Пер. М. Лозинского)

Казалось бы, решение очевидно, даже обсуждать нечего. Но при дальнейшем сопоставлении двух переводов с подлинником обнаруживается, что переводчики не всегда так единодушны в передаче интересующих нас местоимений. В этой же сцене, при появлении Призрака, не видящая его Гертруда, поражённая видом Гамлета, восклицает:

Alas! how is't with you,

That you do bend your eye on vacancy

And with the incorporal air do hold discourse?

А. Радлова педантично сохраняет ответственность “you” – «вы», хотя в данном случае неожиданный переход на «вы» по-русски выглядит психологически необоснованно:

Увы, что с вами,

Что в пустоту глаза вы устремили

И с воздухом бесплотным говорите?

С чего бы вдруг мать, только что умолявшая сына пощадить её чувства, переходит с ним на «вы»?

М. Лозинский, чувствуя эту несообразность, отказывается от формального эквивалента:

Ах, что с тобой,

Что ты глаза вперяешь в пустоту

И бестелесный воздух вопрошаешь?

Не менее странно — с точки зрения русской литературной нормы — выглядит речевое поведение Полония: сын для него всегда “thou,” дочь — “you”. Странность эта настолько бросается в глаза, что на сей раз и Радлова пренебрегает сугубо формальным принципом: в её переводе Полоний обращается и к Лаэрту и к Офелии одинаково — на «вы». (В переводе Лозинского обращение Полония к обоим детям — «ты».)

Третий переводчик — Великий Князь Константин Константинович Романов (известный под псевдонимом «К.Р.») решает вопрос о передаче местоимений в этой сцене самым простым образом: Гамлет и Гертруда говорят друг другу «ты».

ГАМЛЕТ: Ну что же, мать? В чём дело?

КОРОЛЕВА: Глубоко твой отец тобой обижен, Гамлет.

ГАМЛЕТ: Глубоко мой отец тобой обижен, мать.

КОРОЛЕВА: Опомнись, твой ответ — язык безумья,

Гамлет.

ГАМЛЕТ: Пустое, твой вопрос — язык порока, мать.

КОРОЛЕВА: Что это значит, Гамлет?

ГАМЛЕТ: В чем же дело?

КОРОЛЕВА: Забыл ты, кто я?

ГАМЛЕТ: Нет, клянусь распрятем, нет;

Ты королева, деверя жена,

Ты — о, зачем должно быть так! — ты мать моя.

КОРОЛЕВА: Так пусть же кто другой поговорит с тобой.

ГАМЛЕТ: Ну полно же, садись; не тронешься ты с места;

Ты не уйдешь, пока тебе не покажу я,

Как в зеркале, все то, что у тебя в душе.

КОРОЛЕВА: Что хочешь сделать ты?

Убить меня ты хочешь?

На помощь, ах!

Как можно заметить, нюансировка отношений от этого несколько стирается (это к вопросу об упрощении речевого этикета), зато отчётливее проступает установка на архаизацию, которой подчинён весь перевод К.Р. Недаром Константин Константинович так защищал употреблённое в нём выражение «гробные пелены»: «Это прилагательное встречается в славянском переводе пасхального Канона Иоанна Дамаскина: “Видити гробныя пелены”». Действие «Гамлета» К.Р. по всем признакам разворачивается в те времена, когда «один человек назывался ты, а не вы». Форма «вы» в этом

переводе приписана лишь придворным при обращении к высочайшим особам¹⁴ (Гамлет с Офелией — на «ты», она с ним — на «вы»).

Третьим путём в переводе выбранной нами сцены идут Н. Полевой, А. Кронеберг и Б. Пастернак. Здесь местоимения распределяются между собеседниками чётко: Гамлет для Гертруды — «ты», Гертруда для Гамлета — «вы».

ГАМЛЕТ: Что вам угодно, мать моя? Скажите.

КОРОЛЕВА: Гамлет! ты оскорбил меня жестоко.

ГАМЛЕТ: Мать моя! отец мой вами оскорблён жестоко.

КОРОЛЕВА: Ты говоришь со мной, как сумасшедший.

ГАМЛЕТ: А вы со мной, как злая мать.

КОРОЛЕВА: Гамлет, что говоришь ты?

ГАМЛЕТ: Что угодно вам?

КОРОЛЕВА: Ты позабыл, кто я?

ГАМЛЕТ: Нет! не забыл, клянусь!

Вы королева, вы супруга дяди,

И, — о зачем мне должно досказать!

Вы — мать моя...

КОРОЛЕВА: Я говорить с тобой заставлю

Других; они твоё безумство укротят.

ГАМЛЕТ: Нет, нет! Сядь, и с места

Ты не сойдёшь, пока тебе я не представлю

Такого зеркала, где все души твоей изгибы

Наруже будут!

КОРОЛЕВА: Что ты делаешь, мой сын!

Ты хочешь умертвить меня... О! помогите. Помогите!

(Пер. Н. Полевого)¹⁵

¹⁴ Не исключено, что в таком выборе сказались и хорошее знакомство переводчика с давней традицией русского императорского двора: «Все императоры, до Александра II включительно, обращались к своим подданным без различия возраста и положения на “ты”. Александр II переходил на “вы” только тогда, когда начинал сердиться. Из великих князей последними, говорившими “ты”, были сыновья Николая I, сыновья же Александра II обращались уже на “вы”. Император Александр III не изменил этому и по вступлении своём на престол». (В. Джунковский). «[Александр II] был последний государь, который обращался на “ты” ко всем лицам мужского пола, будь то фельдмаршал или дровосек. В этом выразилось социальное равенство всех подданных Империи перед царём». (А. Столыпин). Любопытно, однако, что это относилось исключительно к устному общению: «Говоря всем, не только приближённым, но и вообще известным ему, “ты”, император Николай [II] на бумаге никогда не называл никого иначе, чем “вы”». (М. Корф). Гамлет (в переводе К.Р.) в письме к Клавдию также обращается к нему на «вы».

¹⁵ Тем, кого покорила чрезмерная вольность перевода Н. Полевого, хочу напомнить банальную

* * *

ГАМЛЕТ: Ну, матушка, скажите, что угодно?
 КОРОЛЕВА: Отец твой, Гамлет, оскорблен тобою.
 ГАМЛЕТ: Увы, отец мой вами оскорблен.
 КОРОЛЕВА: Ну, полно, сын, ты отвечаешь дерзко.
 ГАМЛЕТ: И, полно, матушка, вы говорите зло.
 КОРОЛЕВА: Что это значит, Гамлет?
 ГАМЛЕТ: Что такое?
 КОРОЛЕВА: Иль ты забыл меня?
 ГАМЛЕТ: О нет, клянусь вам Богом!
 Царица вы, вы деверя супруга,
 И — если бы не так — моя вы мать.
 КОРОЛЕВА: Так пусть с тобой другие говорят.
 ГАМЛЕТ: Пойди, садись: ты с места не сойдёшь,
 Пока я зеркала тебе не покажу,
 В котором ты свою увидишь душу.
 КОРОЛЕВА: Что хочешь делать ты? Убить меня?
 Эй, помогите!

(Пер. А. Кронеберга)

* * *

ГАМЛЕТ: Ну, матушка, чем вам могу служить?
 КОРОЛЕВА: Зачем отца ты оскорбляешь, Гамлет?
 ГАМЛЕТ: Зачем отца вы оскорбили, мать?
 КОРОЛЕВА: Ты говоришь со мною, как невежа.
 ГАМЛЕТ: Вы спрашиваете, как лицемер.
 КОРОЛЕВА: Что это значит, Гамлет?
 ГАМЛЕТ: Что вам надо?
 КОРОЛЕВА: Ты помнишь, кто я?
 ГАМЛЕТ: Помню, вот вам крест.
 Вы королева в браке с братом мужа
 И, к моему прискорбью, мать моя.
 КОРОЛЕВА: Так пусть с тобой поговорят другие.
 ГАМЛЕТ: Ни с места! Сядьте. Я вас не пушу.
 Я зеркало поставлю перед вами,
 Где вы себя увидите насквозь.
 КОРОЛЕВА: Что ты задумал? Он меня заколет!
 Не подходи! Спасите!

(Пер. Б. Пастернака)

Но между переводами Полевого и Кронеберга, с одной стороны, и Пастернака, с другой, есть и отличие. Гамлет под пером переводчиков позднеромантической закваски по-романтически же порывист: учтливое «вы» в минуту испуга сменяется неожиданным, повествовательным, яростным «ты» (хорошо объясняющим испуг Гертруды): «Сядь, и с места/ Ты не сойдёшь...», «Пойди, садись: ты с места не сойдёшь...» В обоих переводах «ты» в речи Гамлета сохраняется до конца сцены.

Этот порывистый, безотчётный переход на «ты» — не редкость в русской литературной традиции. Можно вспомнить булгаковского Мольера, который, услышав из уст короля Людовика милостивое разрешение играть в Пале-Рояле комедию «Тартюф», согласно авторской ремарке, «приходит в странное состояние» и, забыв о придворном этикете, восклицает: «Люблю тебя, король!»

Итак, даже в те времена, когда 2-му лицу единственного числа в английском языке соответствовали два местоимения, ситуации их употребления были размечены несколько иначе, чем в русском языке. Каждый переводчик соотносил эти формы с речевым этикетом и литературной традицией своего времени, и всё же применить уравнение “thou” = «ты»/“you” = «вы» при переводе всей трагедии, ни разу от него не отступив, не удалось, как видим, ни одному из шестерых. Выбор решения подчинялся коммуникативной ситуации. И не в последнюю очередь — образом коммуникантов с их душевным складом, побуждениями, характером отношений с окружающими (неистово-романтический Гамлет у Н. Полевого, Гамлет-наследник престола у К.Р., Гамлет-интеллигент у Б. Пастернака).

События, обстоятельства заданы сюжетом, эта составляющая субъективизму переводчиков неподвластна. Образы же героев — производное от общей трактовки произведения, а в отношении трактовки, как ни старайся переводчик сделать самым точным истолкователем авторского замысла, ему никуда не уйти от собственного жизненного опыта, мировоззрения, стилистических пристрастий, наконец.

Главное, чего переводчик должен добиваться при таком положении вещей, — это чтобы речевой образ героя был цельным, непротиворечивым (если, конечно, противоречия в нём не предусмотрены оригиналом). Эта цельность создаётся

соотнесением всех стилистических средств с ключевыми показателями регистра общения — и даже с такими частными (хотя и немаловажными) подробностями, как выбор «ты» или «вы». («Привет» и мгновенный переход на «ты» с малознакомым человеком — штрихи к портрету Граймса, подсказанные общей стилистикой его речи в оригинале и «неджентльменской» натурой).

Этой-то цельности и недостаёт многим крендельплюсовским изделиям. Там герою ничего не стоит произнести: «Спасибо, сынок. Вы сыщик или писатель?.. Советую попробовать коктейль “Две сестры”, парень, и ты сразу получишь то, чего хочешь». Всё — к одному собеседнику, всё — в одной сцене. В другом фильме четырнадцатилетний парнишка беседует со своим дядей: «Он бы вам понравился. Он тоже болел за “Доджерс”. А ты за какую команду болеешь?» Разнобой вызван тем, что при переводе каждой реплики переводчик только эту реплику и видит — цельного речевого образа для него не существует. Соответственно не возникает он и у читателя или зрителя.

Сказанное не означает, что переход с «вы» на «ты» и наоборот в пределах одной сцены вообще невозможен. Но он должен быть психологически и сюжетно мотивирован. Кроме уже приведённых примеров сошлюсь на отрывок опять-таки из пьесы М.Булгакова — «Дни Турбиных». Влюблённый Шервинский обхаживает Елену, добиваясь её расположения:

ЕЛЕНА: Вы гнусный ловелас! Мне известны ваши похождения. Всем одно и то же говорите. И этой вашей, длинной... Фу, губы покрашенные...

ШЕРВИНСКИЙ: Она не длинная. Это — меццо-сопрано. Елена Васильевна, ей-богу, ничего подобного я ей не говорил и не скажу. Нехорошо с вашей стороны, Лена, как нехорошо с твоей стороны!

ЕЛЕНА: Я вам не Лена!

ШЕРВИНСКИЙ: Ну, нехорошо с твоей стороны, Елена Васильевна. Значит, у вас нет никакого чувства ко мне.

Стремясь к сближению, Шервинский украдкой ведёт стремительное наступление по всем фронтам речевого этикета

(«Елена Васильевна»/«вы» «Лена»/«вы» «Лена»/«ты»). И даже когда его атака на участке имени собственного отбита («Я вам не Лена!»), он, пусть и ненадолго, довольствуется завоёванным «ты» («Нехорошо с твоей стороны, Елена Васильевна»). Коммуникативные ухищрения говорящего переданы виртуозно, и я потоварищески, без тени злорадства сочувствую англоязычным переводчикам этой сцены, которые захотят воспроизвести все словесные ходы ухажёрок тактики Шервинского¹⁶. (К вопросу о большей дробности регистров общения в русском языке).

Связь между характером обращения и формой «ты»/«вы» так прочна, что однажды я воспользовался ею при переводе романа современного британского писателя, передав реплику героини (обращённую к человеку, которого она, едва познакомившись, собирается соблазнить): “You may call me Sally” как: «Говори мне “ты”». Понятно, что, перейдя на «ты», собеседник неизбежно начинает называть соблазнительницу и по имени тоже. И редактор и читатели, сравнивавшие перевод с оригиналом, против такого решения не возражали.

И ещё один пример, относящийся к переводу с английскогоского на русский. Роман Т. Харриса “Red Dragon”. Агенты ФБР Уилл Грэм и Джек Кроффорд разыскивают опасного маньяка-убийцу. Операцию по его поимке они проводят в Чикаго. Операция срывается, один из её участников гибнет. Грэму и Кроффорду предстоит неприятное объяснение с начальником отдела по расследованию убийств чикагской полиции капитаном Осборном. Капитан с плохо скрытым раздражением (ведь убийство произошло на подведомственной ему территории) расспрашивает о подробностях, намекая, что в провале операции виноваты её организаторы, Грэм и Кроффорд. В ответ на

¹⁶ Как заметила М. Берди, с которой мы обсуждали эту задачу, найти путь её решения возможно лишь с учётом всего контекста сцены и — шире — с учётом отношений Шервинского и Елены в контексте всей пьесы.

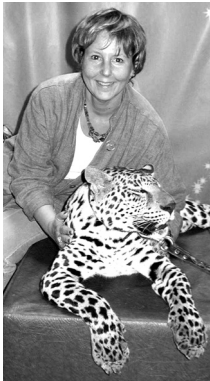
очередную шпильку Осборна Крофорд выпаливает: “You pissed off, Captain?” Переводчик (В. Гусев) заставил Крофорда неожиданно перейти на «ты»: «Что это ты, капитан, так на нас напустился?»

Как рассказывал переводчик, этот переход поначалу смутил редактора книги: в полуофициальной обстановке, малознакомому человеку — и вдруг «ты».

Но ведь стилистическая окраска реплики и в оригинале не очень-то подходит для разговора с малознакомым человеком в полуофициальной обстановке. Регистр общения явно не соответствует коммуникативной ситуации. Читатель, к этому моменту уже знакомый с Крофордом, и мысли не допустит, что тот не

умеет себя держать в таких обстоятельствах. Поэтому за резким снижением регистра общения он уловит: «Слышь, друг, давай-ка бросим этот официальный тон и поговорим не как чиновники, а как люди». И если проследить, как меняется тональность разговора от реплики к реплике, станет ясно, что эта фраза действительно сломала лёд. «Ты» в данном случае оправдано и психологически, и стилистически, и коммуникативно (не в пример необъяснимым крендельплюсовским метаниям между «ты» и «вы»). В конце концов это признал и редактор.

(Окончание следует)

Bias-Free and Inclusive English

Michele A. Berdy

“I know this isn’t very PC of me, but...”
So start a thousand of sentences a day when someone wishes to express an opinion that is based on a stereotype. “Political correctness” or “PC” has solidly entered the American lexicon and been exported to Russia with the calque «политкорректность». But the concept and precepts of political correctness remain controversial in the US and somewhat misunderstood in Russia. Translators and scholars either consider it a bit of a joke, or, at the other end of the spectrum, take it as Law, fearing that one misstatement will bring out the language police, who will handcuff the miscreants and

take them off to a multicultural prison, where they will have to write on the blackboard 100 times: “Each student must hand in *his* or *her* essay on time.”

The truth lies, as usual, in the middle.

How it all began

Starting in the 1960s America was swept by a number of major movements for social change: the civil rights and “black pride” movements, the women’s liberation movement, the “human potential” movement, the movement for independent living among people with disabilities, the Native American movement, the “sexual revolution,” the

movement of gays and lesbians to “come out of the closet.” At the same time, divorce and non-traditional families (including single mothers) became more acceptable, and many women joined the workforce – not only for professional fulfillment, but often (perhaps more often) out of economic necessity.

When American women in the 1960s and 1970s began to look for jobs, they came up against two hard facts: traditionally women’s professions paid much less than traditionally men’s professions, and women in the same jobs as men earned much less than their male colleagues.¹ In one university women who were departmental secretaries (usually with degrees or even advanced university degrees) earned about \$12,000 per year, whereas male groundskeepers (who did not have college educations) earned about \$25,000 per year. That case eventually went to the courts, but, of course, was not resolved for many years. In the meantime, a divorced woman with children to feed and clothe looked at the job market and thought: “Well, if I can double my income by raking leaves, I’ll rake leaves.” Much of the movement of women into “men’s jobs” in the US was not driven so much by a desire to open up new frontiers as by simple economic considerations.

But when people began to take on new jobs and roles, they discovered very quickly that the English language didn’t have the right words to describe “a woman janitor” or “a stay-at-home husband.” Psychological research on the power of the word to shape perception and behavior (in consumer and political advertising, as well as in academic fields) suggested that the old words were not only inadequate, they were holding back change. “If there’s no word for it, it doesn’t exist.” But if it did exist – it was time to invent some new words.

¹ According to the National Committee on Pay Equity, in 1963 American women who worked full time made 59 cents on average for every dollar earned by men. In 2002, women earned 77 cents to the dollar. That is, the “wage gap” between men and women in the US has narrowed by less than half a cent a year. My women friends and I felt this acutely in the 1980s in New York City. Every morning as we walked to the subway, my room-mate would give her version of the saying, “Another day, another dollar” as “Another day, another 63 cents to their dollar.”

The first harbinger of change was the honorific Ms. (plural: Mses. or Mss.), which was invented to provide parity with Mr.: if “Mr.” didn’t indicate marital status, why should women announce theirs with the honorifics Miss and Mrs.?² I recall very well the fevered media discussions about this – “it sounds awful, it’s not natural, it’s an imposition of a minority point of view on the majority” – as well as the hissed “Mzzzz” that reluctant speakers used when addressing women this way. (This was similar to the response to *СНГ* when it appeared in Russia: *Кто мы – Сенегальцы, что ли?* went the joke.) But (like *СНГ*) Ms. held its ground, and now seems natural to the vast majority of Americans.

If at first women headed the movement to change the language to fit their new roles, other groups soon joined in. The underlying logic was simple: words have power to shape perception, and many of the words and expressions we commonly use – “Latin lover,” “sissy,” “Dutch treat,” “to gyp someone,” “chairman,” “girls in the typing pool” – perpetuate ethnic, gender or other stereotypes (usually derogatory or limiting). Being “politically correct” meant “adopting a policy of speaking correctly” about people, that is, speaking about them respectfully, as they wish to be spoken of, without bias and demeaning stereotypes. The 2000 edition of the American Heritage Dictionary of the English Language, Fourth Edition, defines it more broadly: “relating to or supporting broad social, political, and educational change, especially to redress historical injustices in matters such as race, class, gender, and sexual orientation.”

On the face of it, what could be less controversial? The call was to apply, with greater sensitivity, basic standards of politeness and respect to language use with regard to people in a larger effort to eliminate discrimination.

But it turns out that how one uses language – one’s idiolect – is an integral part of one’s self, and external pressure to

² It was only recently in the US that Miss and Mrs. became solely indicators of marital status. In the 19th century (and in some places later) women were usually called Mrs. once they attained middle age, married or not.

change internal processes was difficult for some to bear and bitterly resented. Many people were insulted when told “how to speak” or accused of being making slurs they did not intend. Another problem was that the alternatives suggested at first – chairperson, firepeople, etc. – were awkward, clumsy, and didn’t even sound like English. Others rebelled because the changes in language “neutralized” judgment; for example, they believed that calling prostitutes “commercial sex workers” legitimized them in a way they found objectionable.

And in some cases, of course, people simply didn’t want to drop their prejudices. The business executive who balked at calling his secretary “a woman” instead of “my girl,” the postal worker who couldn’t get used to calling his boss, an African American woman, Ms. Jones, or the scandalized neighbor who thought “the house-husband” next door was an aberration – these Americans rebelled. “PC” became a term of ridicule. For example, the Devil’s Dictionary defines “politically correct” as “diplomatic; asinine; referring only to those racial and sexual groups not represented in present company as superlative; reverse elitism.”³ Dozens of purportedly “politically correct terms” (like “follicly challenged” for “bald”) were produced to show what a joke it all was.⁴

Now “politically correct” is used more often to describe an action or position that is in some way expedient: “The company decision to move the office to that part of town was politically correct” (that is, it made the company look good). However, the movement to make English more “people-friendly” continues, called now “bias-free” or “inclusive” language.⁵

³ <http://sedition.com/ddx/w/672/html>.

⁴ Indeed, it should be noted that the second definition for “politically correct” in the American Heritage Dictionary is “being or perceived of being over-concerned with such change, often to the exclusive of other matters.”

⁵ Interestingly, the phrase “politically correct” has a much older history, although, it would appear, it was largely confined to language use in matters of state. “The earliest cited usage of the term comes from the U.S. Supreme Court decision *Chisholm v. Georgia* (1793): ‘The states, rather than the People,

Naming

One the main tenets of this new way of speaking is calling people what they wish to be called. Many nationalities, religious and ethnic groups had one name for themselves, while outsiders (most Western Europeans) called them something else.⁶

Instead of	Try
Aborigines	Australian Aboriginal peoples (or name of group)
Bushmen	San
Colored person	Black/black, African American; person of color (if the person chooses this)
Eskimos	Inuit
Gypsies	Roma
Spanish-speaking	Check with the people or institutional policy: Latino/Latina; Hispanic (found objectionable by some), or (preferably) refer to individual ethnic groups
Indians (American)	Native Americans, American Indians, or use the tribal name
Lapps, Lapland (American) Negro	Sami, Saamiland Black/black, African American, Afro-American
Moonie	Member of the Unification Church
Mormon	Member of The Church of Jesus Christ of Latter-day Saints
Moslem, Mohammedan	Muslim
Mulatto	Person of mixed ancestry, biracial, multiracial

for whose sakes the States exist, are frequently the objects which attract and arrest our principal attention [...]. Sentiments and expressions of this inaccurate kind prevail in our common, even in our convivial, language. Is a toast asked? “The United States,” instead of the “People of the United States” is the toast given. This is not politically correct.’ Another example of earlier usage is from a passage of H. V. Morton’s *In the Steps of St. Paul* (1936): ‘To use such words would have been equivalent to calling his audience “slaves and robbers”. But Galatians, a term that was politically correct, embraced everyone under Roman rule, from the aristocrat in Antioch to the little slave girl in Iconium.’” www.webster-dictionary.org/definition/political%20correctness.

⁶ Many of the examples in this article are from: Rosalie Maggio, *Talking About People: A Guide to Fair and Accurate Language* (Phoenix, Arizona: Oryx Press, 1997). Maggio is one of the specialists on bias-free language in the US.

Oriental Asian, Asian American, or (preferably) refer to individual ethnic groups

When speaking about Americans who identify themselves by their ethnic background, the preferred use is non-hyphenated: Japanese Americans, Irish Americans, Arab Americans (it is hyphenated only when used as an adjective: “Cuban-American store”). Note that it is considered inappropriate to say “Americans, Irish Americans, and Cuban Americans”; the implication is that there is one group of “real Americans” and the rest are something less. Parallel constructions are preferable: “European Americans, Irish Americans, and Cuban Americans.”

In the US, people who are homosexual prefer to be called gay if they are men and lesbian if they are women. However, it makes sense to use the term “homosexual” in the context of earlier historical periods (before World War Two) or different cultures, since “gay” is marked as a modern American word. No one seems to be satisfied with the terms for a same-sex mate; you can try companion, partner, or friend.⁷

“Elderly,” “frail,” “old lady,” “old man,” “oldster,” and “oldie” are considered patronizing and demeaning. Apparently few people view themselves as truly “old” – even people in their 80s think they are just getting on in years – so “older” is a safe word to use for anyone past middle age. “Senile” should not be used as a synonym for “forgetful” or “old.” If some one has senile dementia, they are said to have Alzheimer’s disease.

The disability rights movement in the US developed the concept of “people first”: people see themselves as people first and only then as “people with a disease.” They do not wish to be identified as their disease or disability (“a diabetic”), as a collective noun (“the disabled”), or as “victims” or “sufferers.”

Instead of

A diabetic
An AIDS victim
Birth defect

Try

A person with diabetes
A person with AIDS/who has AIDS/living with AIDS
Congenital disability

Dwarf Little person, person of short stature

The handicapped, the blind, the deaf, etc. A person with a disability, a blind person (person with vision impairment); a deaf person (person with hearing impairment), etc.

Retard (feeble-minded, imbecile, moron, idiot) A person with developmental delays, a person with mental disability/impairment/retardation

Spastic A person with cerebral palsy

Stutterer A person with a speech impediment

Not naming

Once you get a sense of the preferred ways to refer to ethnic groups and others, it is disconcerting to learn that a second tenet of bias-free speech is NOT naming people. That is, information about race, ethnic background, sexual orientation, gender, etc. should only be included if it is relevant. If you say “a male nurse” and “a nurse,” you are implying (intentionally or not) that being a female nurse is normal and unmarked, but being a male nurse is not. “The disabled librarian helped me find a book” is appropriate to say if you want to distinguish that librarian from the other non-disabled one. But if it is simply information you noted because the person is different or not what you expected in some way, then it is considered improper to include it.

Demeaning expressions and stereotypes

It need not be said that it is utterly inappropriate in any setting to use demeaning ethnic or other nicknames, such as “wop” (Italian), “mick” (Irish person), “chink” (Chinese), “spaz” (person with cerebral palsy) or “crip” (person with a disability).⁸ However, there are some expressions whose origins are half-forgotten; for example “to gyp someone” is considered derogatory to the Roma (it’s derived from the word “Gypsy”). Try using cheat, rip off,

⁷ It is considered offensive to refer to “lifestyles” with regard to gays and lesbians.

⁸ People within groups may use these terms with regard to themselves as a way of “claiming” the language. However, it is never appropriate for people outside the group to use them.

soak, swindle, con, or pull one over on instead. There are a number of expressions using the word “Dutch”: Dutch treat, talk like a Dutch uncle, Dutch courage, double Dutch. Although few people regard the expressions as pejorative, they portray Hollanders as cheap, cowardly, dishonest and blunt. Suggested usage: separate checks (for Dutch treat); talk bluntly, chew out, call on the carpet (for “talk like a Dutch uncle”); sham courage, courage from a bottle (for “Dutch courage”); nonsense (for “double Dutch”).

What if you don’t think of “Dutch courage” in terms of people from Holland, but just like the expression? The response is: how would a Hollander feel if you said, “That’s just Dutch courage; he’s not brave at all?”

But, as Rosalie Maggio writes, there are moments when most people say, “That’s going too far!” There are times when you think, “I like that word, I have no intention of offending anyone with the word, I think it’s ridiculous that someone might be offended, so I’m going to use it.” And sometimes (rarely) things do go too far. Recently an official in England was accused of racism for using the expression “nitty-gritty,” (“the heart of the matter,” “the essence of something”) which, the accuser said, was a word used to describe what was left in the hold of a slave ship after the live slaves had been released. Etymologists disagree: they can find no reference to the phrase before the 1920s.

If the accusation was unfair, it is a good example of why it’s worth watching one’s tongue. People who have been on the receiving end of slurs all their lives are sensitive to the slightest intimation of derogatory language.

What do you do if you slip? You apologize, say you hadn’t known or intended to be insulting, and thank them for letting you know so that you won’t do it again.

Job titles and honorifics

In the old days in the US, doctors were men, secretaries and nurses were women,

and men in uniform were men in uniform. That’s changed, of course, and the new vocabulary of job titles does not imply gender. Below are some preferred terms, which are far more graceful than the first attempts to rename professionals in the 1970s and 1980s.

Instead of	Try
Bar man/barmaid	Bar staff
Businessman	Executive, business executive, manager, professional, entrepreneur, industrialist, financier, magnate, business owner
Chairman	Chair, chairperson, facilitator, convenor
Congressman	Member of Congress, representative, congressional representative, legislator
Clergyman, man of the cloth	Clergy, members of the clergy, minister, priest
Craftsman	Artisan, handicrafts worker, trade worker
Fireman	Fire-fighter
Foreman	Supervisor, team or work leader, line manager, section head, chief, director
Founding fathers	Founders, writers of the Constitution, forebears, ancestors (depending on context)
Housewife/househusband	Homemaker
Spokesman	Representative, official, speaker, source, advocate, agent, PR coordinator, speechmaker, public information manager
Stewardess/steward	Flight attendant
Tradesman	Trader, shopkeeper, small business owner, merchant, retailer, dealer
Workman	Worker

It is also recommended to avoid noting gender when it is unexpected to you (“woman electrician,” “male secretary”), or using any of the “-ette” or “-ess” endings: use instead actor, poet, author, usher, waiter, villain, etc.

What doesn’t change? Titles such as Duke and Duchess, Abbott and Abbess, and

any historical names (the Green Mountain Men). It's also appropriate to use gender-marked terms (congressmen and congresswomen) in reference to individuals or in parallel constructions.

When referring to or introducing professionals, it is considered proper to use parallel constructions: if you introduce a male colleague as Dr. John Smith, you should refer to his colleague as Dr. Susan Jones (not Susan or Susan Jones). When writing a letter to an unknown person, either write Dear Sir/Madam or Dear Mr./Ms.. You can also use the job title: "Dear (or "To") Manager, Editor, Colleague(s), Committee Member, Board Member, Publisher, Sales Agent," etc. If someone has written you and you can't tell if the person is male or female from the name, it's appropriate to write "Dear Okan Erener."⁹

"Man as false generic"

This is perhaps the most contentious issue in bias-free writing – and seems to have been contentious for centuries. According to Rosalie Maggio: "Following a rule invented in 1846 by John Kirby, who decreed that the male gender is 'more comprehensive' than the female, in 1850 by Act of the British Parliament, 'he' was declared generic and legally inclusive of 'she'."¹⁰ By this rule and law, "prehistoric man was a hunter" could mean "prehistoric men and women were hunters," or it could mean "prehistoric men were hunters" (and prehistoric women did something else). The problem with this is twofold: first, it's not clear when writers or speakers mean "men" and when they mean "men and women." And secondly, the profusion of grammatical

⁹ I once had a very polite and lengthy correspondence with someone in Turkey; neither of us could tell the other's gender by name, and of course English doesn't reveal gender in verb forms. It wasn't until we met that we stopped referring to each other by first and last names – and also had a good laugh. Okan, I learned, is a man.

¹⁰ Ibid., 7. Other debates about women and language have been going on still longer in Western Europe. Maggio notes that in "585 at the Council of Macon, 43 Catholic bishops and 20 men representing bishops debate the topic 'Are Women Human?' After lengthy argument, the vote was 32 yes, 31 no; by one vote women were declared human." (p 199)

constructions, words and expressions using the words "man," "men" and "he/him" creates a kind of linguistic landscape that is largely masculine.

Bias-free writing and speaking strive to eliminate generic uses of "man" and the masculine pronoun in speech and in sayings, either by using different terms or by using plural or passive constructions. For example:

Instead of	Try
The man we want the job	The person we want for for the job
Man in the street	Average person, ordinary person, people in general, lay person, non-specialist
Time waits for no man	Time waits for no one
Each student must finish his essay by Friday	Students must finish their essays by Friday; the students' essays must be finished by Friday.
A student who wants his essay returned...	Anyone who wants an essay returned... All who want their essays returned...
Man-day	Work-day, average worker day
Manhandle	Abuse, mistreat, maltreat, mishandle, damage, maul
Manhole	Sewer hole, utility access hole, vent hole
Man-hours	Total hours, employee hours, hours worked/hours of work, labor time
Manmade	Synthetic, artificial, handmade, machine-made, homemade, mass-produced (depending on context and meaning)
Manpower	Workforce, personnel, human resources, staff, workers, employees, labor
To man something	To staff, operate, run, staff

You should note that many words in English with "man" are derived from the Latin for "hand" (manus) and have no sexist implications: for example, manacle, manager, mandate, manual, manufacture, manuscript. Other words have roots not connected with males; for example, "mania" is from the Greek for "spirit." (Jokes aside,

no one is advocating for “personacle” or “personuscript.”)

All the same, this is where many people say, “That’s going too far!” Surely, they argue, people understand that “prehistoric man” is just a saying and refers to both men and women? And surely people don’t think the world is populated only by men because of the use of the masculine pronoun? Research, however, shows that what is clear to one is not necessarily clear to another. Maggio cites the example of an American high school student who explained why his western civilization textbook only used the words “man” and “mankind”: “Women were dogs,” he wrote. “You might as well say ‘men and their dogs plowed the fields’...” The reason women aren’t mentioned in our book is that women did nothing, contributed nothing, were nothing.”¹¹ (He definitely missed the message that “he includes she.”) Another study showed when a group of young children were shown “genderless” pictures of rabbits, dinosaurs and babies, 97 percent of the boys identified them as male, and 81 percent of the girls did, too.¹² And the phrase, “every American child knows that he may grow up to be President” could be understood as “only men may apply for the job.”

Some of this may seem like a “tempest in a teapot” to Russian readers, partially because Russian does not have this gender imbalance. The Russian language contains thousands of nouns that are feminine gender, from the delicate (*роза*) to the mighty (*стихия*) to the weighty (*весомость*) to the complex (*психология*).¹³ In English all that are “feminine” are machines, ships and cars or natural disasters (storms and hurricanes). Even words that apply to a woman specifically are sometimes marked masculine (“she’s a freshman at Yale”).

In a way, American women are echoing what the poet Marina Tsvetaeva wrote in response to the 1918 changes in orthography that eliminated some forms of the feminine plural: *Революция уничтожила в русской орфографии женский род: райские* [не

райскія] *розы. Равноправие, т.е. будь мужчиной — или совсем не будь!* The call for inclusive language in English is not an attempt to make English “genderless,” but rather to insert gender into the language, to make sure that “she” is in the language as often as “he” is — or at least ensure that “he” is not the only personage.

Perhaps this is pushing the psycholinguistic envelope too far. Indeed, political correctness is derived in part from the Sapir-Whorf Hypothesis, which remains controversial in the US.¹⁴ The hypothesis posits that language influences thought by influencing perception and cognition, the worldview of the individual, and the structure of logic and what is perceived as logical.¹⁵ Some scholars do not agree with this hypothesis. But if we do accept that words and grammar have power to influence our worldview, why shouldn’t we accept that use of gender in a language has the same power and influence? It may be subtle, it may affect people to a greater or lesser degree, it may be only one of many factors shaping individuals’ perception of themselves and their worlds, but it is part of the logic of the language that influences perception of the world.

So what’s a poor translator to do?

When translating from English into Russian: in most cases — nothing. These are issues for English-speakers; Russian usage should be determined by Russians. Besides, the majority of these changes in English are simply not applicable to Russian. If you note that the text reads “artificial” or “synthetic” instead of “manmade,” all the same you’ll translate it as «искусственный» or «сделанный руками человека». In other cases, you can’t get around the laws of gender: “the person who came” is going to be *человек, который пришел* no matter what English speakers think about the masculine pronoun. And in a discussion among medical professionals, even if the English speaker ensures that gender is not mentioned in reference to nurses, in Russian you will

¹¹ Ibid., p 10.

¹² Ibid., p 6.

¹³ I would be grateful for research on the percentages of Russian nouns that are masculine, neuter and feminine.

¹⁴ www.webster-dictionary.org/definition/political%20correctness.

¹⁵ Everett M. Rogers and Thomas M. Steinfatt, *Intercultural Communication* (Prospect Heights, Illinois: Waveland Press, Inc., 1999), p 136.

call them all *медицинские работники среднего звена*, or refer to one person as *медицинский брат* and another as *медицинская сестра*. (On the other hand, don't assume that "nurse" in English refers only to *медицинская сестра*.)

It is more problematic when inclusive language is a key part of the communicative message in English: all my attempts to "mark" the Russian in order to emphasize the politically correct English usage violate the laws of Russian grammar. I would be grateful to learn what Russian translators and interpreters have done in such situations.

When translating for groups of people with disabilities, people living with HIV-AIDS, or other groups in Russia that have adopted much of English's bias-free language, it's best to check your usage before you start translating. For example, «люди с инвалидностью», «люди, живущие с ВИЧ/СПИДом» have become the preferred expressions in Russian.¹⁶

What you shouldn't do: use calques indiscriminately. Not long ago I heard a TV announcer describe someone as *афро-американец, гражданин Канады*. If he was an African American, how could he be a citizen of Canada? As Dr. Yermolovich never tires of pointing out: if it doesn't make logical sense – don't say it!

When translating from Russian into English I recommend that translators become familiar with the basics of bias-free usage, particularly with regard to preferred job titles and names of ethnic and other groups. A spoken or written translation that refers to Bushmen (rather than San), men of the cloth (in reference to the foreign clergy) or policemen (in reference to American police officers of both genders) will be perceived as out-of-date or offensive.

What if the Russian you are interpreting uses "incorrect language" such as «он страдает от ВИЧа» or «конгрессмены»? It's your judgment call. But if you think there is no intention to offend, then it might make sense to use currently acceptable terms (someone with HIV, members of Congress).

¹⁶ See www.hiv-aids.ru for Russian language use with regard to HIV-AIDS and <http://perspektiva-inva.ru/publications-our-etiket.shtml> for a detailed article on language use with regard to people with disabilities.

What about expressions using "man" and pronoun use? I would say it depends on the subject and the audience. If you are translating a scholarly article for an academic press, I recommend using inclusive and non-sexist language, since this has become the norm in the US academic community. In any case, it is a good idea to ask for style guidelines, since policies differ among institutions and publishing houses.

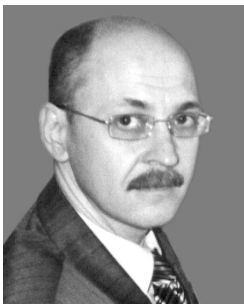
When you are interpreting, it's hard to "reprogram" your brain to make *Кто-то оставил свой доклад на подиуме* come out as "someone left his or her speech on the podium" (or even the less cumbersome "someone left a speech on the podium," "there's a speech on the podium"). If you think this is an issue for your audience, try to do it. If you think it isn't an issue for your audience, or if you can't change your usage easily, or if you think this is "going too far" – then don't. This isn't Law; it's suggested usage.

In your professional dealings with American colleagues, what should you do? I personally subscribe to the dictum: when in Rome, do as the Romans do. However, not all my compatriots concur and may expect "American" behavior and language when abroad. It's helpful to know this, but ultimately – it's your choice.

If you are challenged about your use of English or behavior, you can point to the differences in Russian grammar and culture. But if you get challenged often, you might rethink your position. After all, we are only employable if we satisfy our clients, and if they demand bias-free language, we'll have to comply to keep in business.

A call for dialog

This article presents the rationale for bias-free and inclusive language use in English and offers some examples of "people-friendly" language. I hope that others will continue to write about this, particularly on problems that arise in translating, interpreting, and professional relations with foreign colleagues.

Несобственные имена

(О названиях международных организаций)

Д.И. Ермолович

Давно уже хочется воскликнуть: «Бедные, бедные международные организации!». Не потому «бедные», что у них мало денег (с этим, кажется, там всё в порядке), а потому, что в русской печати их регулярно лишают собственных имен — то есть названий, данных им при «рождении» отцами-основателями.

Беда в том, что, когда по-русски нужно назвать какую-то международную организацию, многие журналисты, авторы, да и переводчики самостоятельно переводят ее название с англоязычного варианта. Ведь они черпают информацию в большинстве случаев из источников на английском языке. Переводят же они такие названия аналогично любым другим словосочетаниям — то есть так, как могут и как считают нужным, не видя в русском наименовании ничего сакрального. Иной раз даже по-разному в пределах одного и того же текста (примеры я приведу ниже).

Возьмем, например, специализированные учреждения ООН. Не все члены пишущего сообщества даже осознают тот факт, что у этих организаций не одно только англоязычное название, а как минимум шесть (по числу официальных языков ООН) официальных наименований, имеющих одинаковый юридический статус. Это вовсе не учреждения англоязычного мира — это организации

многосторонние, они создавались одновременно группами разных государств, и их уставы составлялись на нескольких языках.

Конечно, официальными рабочими языками многих таких организаций считаются не все шесть, а обычно меньшее число языков (как правило, три: английский, французский, испанский). Но уставы и другие учредительные документы всех организаций, членом которых является наша страна, составлены и на русском языке как одном из языков ООН и имеют статус официальных правовых документов.

Соответственно, русские названия международных организаций системы ООН закреплены за ними юридически и не подлежат произвольному изменению авторами русскоязычных текстов. Это такие же собственные имена, как имена людей: назовите Ушакова «Ушкановым» или Ермолова «Ермолаевым» в письменном документе — и вы исказите его фамилию, а документ будет недействителен.

Точно так же никто не имеет права исказить русские названия организаций, юридически закрепленные за ними в текстах их учредительных и других документов. Не должно быть никакой переводческой самодеятельности! Увы, на самом деле ошибки и искажения встречаются сплошь и рядом.

Международный банк реконструкции и развития (Всемирный банк)

Не все знают, что Международный банк реконструкции и развития (МБРР, англ. International Bank for Reconstruction and Development, IBRD) и Всемирный банк, а точнее Группа Всемирного банка (англ. The World Bank Group), — не одно и то же. Группа Всемирного банка включает в себя МБРР, но в нее входят также Международная финансовая корпорация (International Finance Corporation), Международная ассоциация развития (International Development Association) и еще несколько небольших агентств.

Здание Всемирного банка в Вашингтоне

Английский термин World Bank часто употребляется как разговорный синоним названия International Bank for Reconstruction and Development, но и этому разговорному синониму соответствует по-русски название — **Всемирный банк** и никакое иное.

Между тем сплошь и рядом приходится читать и слышать ошибочный вариант **Мировой банк* (здесь и далее неверные названия, эти **несобственные имена**, отмечаются звездочкой). И эти ошибки появляются не где-нибудь, а даже в специализированных экономических изданиях:

Президент **Мирового* банка Джеймс Вулфенсон, побывавший с двухдневным визитом в Москве, заявил, что банк не собирается снижать стоимость кредитов для России.

Журнал «Финанс» № 3 (44), 2004.

В одном газетном сообщении исказили не только разговорное, но и полное официальное наименование Всемирного банка:

***МИРОВОЙ БАНК ОБЕЩАЕТ
НЕ СКАРЕДНИЧАТЬ**

После летней паузы возобновились переговоры между российским Правительством и **Мировым* банком реконструкции и развития (МБРР).

Российская бизнес-газета, 30.09.2003.

Как видно, «Российская бизнес-газета» сочла, что МБРР — это сокращение от **Мировой банк реконструкции и развития*, а не **Международный банк реконструкции и развития**.

Иногда в пределах одного и того же сообщения способы именования Банка варьируются:

***МИРОВОЙ БАНК
ПОМОГАЕТ ВЬЕТНАМСКИМ ФЕРМЕРАМ
ПРЕОДОЛЕТЬ ПТИЧИЙ ГРИПП**

Всемирный банк выделит Вьетнаму 10 млн. долларов для выплат компенсаций фермерам, которые вынуждены были забить всю домашнюю птицу из-за эпидемии птичьего гриппа.

Украинское информагентство
«Обозреватель» 13.02.2004

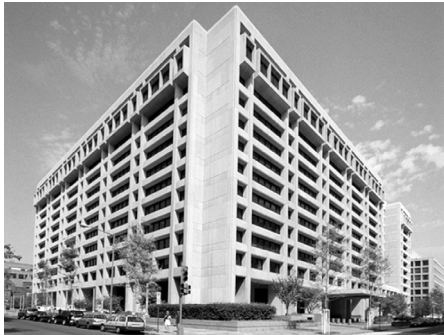
Такой разницей (то **Мировой*, то **Всемирный**), на мой взгляд, даже хуже последовательного использования неверного варианта. Он свидетельствует не только о слабой осведомленности, но и о небрежности авторов и редакторов текста, которым, видимо, всё равно, какой из вариантов правильный.

Итак, правильно писать и говорить — **Всемирный банк**. Прошу поверить мне в этом как человеку, на протяжении ряда лет переводившему годовые отчеты Всемирного банка на русский язык. Делалось это под бдительным контролем сотрудников Банка, которые проверяли все русские термины на соответствие принятым в этой структуре, чтобы затем можно было опубликовать этот перевод как официальное издание Банка на русском языке.

Международный валютный фонд

Международный валютный фонд (МВФ, англ. International Monetary Fund, IMF) – еще одна организация, которой иногда «не везет» в русскоязычных средствах массовой информации. Правда, эту организацию у нас так часто поминают, что все уже, кажется, выучили ее правильное название. Однако нет-нет, да и назовет кто-нибудь этот фонд **монетарным*.

Здание Международного валютного фонда в Вашингтоне

Международный **монетарный* фонд в среду одобрил выдачу кредита Болгарии на сумму 299 млн. долларов на следующие два года.

Интернет-служба рассылки
Subscribe.ru, 28.02.2002

В Интернете мне встретилась одна статья, авторы которой прекрасно знают правильное название организации. Но они воспользовались и неверным буквалистским вариантом, чтобы подверстать под него политическую подоплеку:

Победили монетаристы, и сейчас их лобби сильно представлено в международных финансовых структурах, особенно – в Международном валютном фонде. К слову сказать, дословный перевод его названия с английского (*International Monetary Fund*) так и звучит: «Международный **монетарный* фонд». Это и неудивительно: политика этой финансовой организации насквозь пропитана монетаризмом. Однако за последние годы эта политика начала давать серьезные сбои.

Информационный сайт
<http://from-ua.com>, 22.06.2004

Обличая МВФ в монетаризме, авторы пытаются подкрепить свою позицию ошибочным переводом его названия (или, как они выражаются, «дословным» переводом – хотя этот случай, конечно, не имеет отношения к дословности). При этом они забывают, что *монетарный* и *монетаристский* – никак не одно и то же.

Замечу попутно, что большинство толковых словарей русского языка вообще не числят в нашем языке такого слова – *монетарный*. Английское же слово *monetary* может иметь следующие русские соответствия: 1) *денежный* (напр. *monetary unit* – денежная единица; *monetary reform* – денежная реформа); 2) *валютный* (напр. *monetary union* – валютный союз); 3) *валютно-финансовый* (напр. *monetary board* – валютно-финансовый совет); 4) *денежно-кредитный* или *кредитно-денежный* (напр. *monetary policy* – денежно-кредитная политика).

Последнее соответствие (*денежно-кредитный*) для многих переводчиков неочевидно, а именно его надо использовать, когда речь идет о функциях, например, центрального банка страны или регулирующего финансового органа. Если уж и допустили неточность переводчики, которые когда-то перевели название МВФ на русский язык, то именно в том, что не воспользовались этим термином – возможно, вариант «Международный денежно-кредитный фонд» был бы точнее. Ведь МВФ – вовсе не фонд каких-то валют, а именно организация, осуществляющая выдачу денежных кредитов странам, испытывающим экономические трудности. Но традиция уже сложилась, ломать ее нет никакого смысла, тем более на основе беспомощных буквализмов типа **монетарный*.

Попутно покритикую «Новый англо-русский банковский и экономический словарь» Б.Г. Федорова (СПб.: Лимбус-Пресс, 1999), который в целом я ценю очень высоко. Наш бывший министр финансов дает абсолютно правильные переводы большинства экономических терминов со словом *monetary*, но в некоторых случаях тоже использовал буквали-

стский конструкт *монетарный при передаче некоторых реалий. Впрочем, он всегда сопровождается его дополнительным вариантом денежный, напр. Monetary Control Act – Закон о *монетарном (денежном) контроле; monetary base – *монетарная (денежная) база.

Резюмируем: никаких «*монетарных фондов»! Только **Международный валютный фонд**! Кстати, эта организация тоже бдительно следит за упорядоченностью соответствующей терминологии. Так, она выпустила «Англо-французско-русский глоссарий МВФ» (Washington: IMF, 1998) объемом около 430 страниц большого формата. В этом авторитетном словаре русское слово монетарный использовано только в одном специальном термине – монетарное золото (monetary gold). И больше нигде!

Продовольственная и сельскохозяйственная организация

Наименование Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (англ. Food and Agricultural Organisation, FAO) имеет ту особенность, что ее русское сокращенное обозначение есть транслитерация английской аббревиатуры – **ФАО**. Плох или хорош этот вариант, но мы имеем дело со свершившимся фактом, юридически закрепленным в международных документах. Поэтому когда в русском тексте мы хотим использовать сокращенное название, у нас нет иного выбора, кроме **ФАО**.

Штаб-квартира Продовольственной и сельскохозяйственной организации в Риме

Впрочем, это не смутило автора следующего текста в газете «Известия»:

Мировые запасы зерна сокращаются пятый год подряд и станут в следующем сезоне почти вдвое меньше, чем в 2000–2001 годах... По прогнозу опубликовавшей эти данные *Продовольственно-сельскохозяйственной организации ООН (*FAO), последствием такого развития событий могут стать высокие и очень неустойчивые цены на зерно на мировом рынке.

«Известия», 22.06.2004

Итак, в цитированной заметке, во-первых, подвергается модификации полное название организации: вместо *Продовольственная и сельскохозяйственная организация* написано **Продовольственно-сельскохозяйственная организация*. Если кто-то скажет, что разница невелика, то я отвечу, что она так же значительна, как разница между фамилиями *Петухова* и *Петушкова*. Или как между фирмами *Sony* и *Sanyo*. Или как между *Германской коммунистической партией* и *Коммунистической партией Германии*. Кто не знает – одно время под такими названиями в ФРГ существовали две разные партии.

Имя собственное имеет юридический статус, и замена в нем хотя бы одной буквы или даже одного знака (например, пробела на дефис) способна этот статус разрушить.

Во-вторых, автор приведенной заметки решил использовать в русском тексте английскую аббревиатуру – FAO. Вероятно, он воспринимает наименование международной организации так же, как название какой-нибудь иностранной фирмы, которые сейчас всё чаще не транскрибируются, а переносятся в русский текст без изменений на латинице.

Но нет, **ФАО** – это не американская компания. Это многостороннее международное объединение с участием нашей страны, и у него есть как полное, так и сокращенное русское имя собственное. Отчего даже там, где русский язык имеет равноправный статус с английским, мы находимся под гипнозом английских букв?

А вот еще образчик самодеятельности. Его демонстрирует издательство «Весь мир», рекламирующее себя как «единственный в России дистрибьютор публикаций ведущих международных организаций: ООН, МБРР, МВФ, ОЭСР, ВТО...». Казалось бы, распространитель международных публикаций должен обладать точной информацией. Но на его сайте в перечне международных организаций, с которыми он, по-видимому, сотрудничает, ФАО предстает в следующем виде:

ФАО (*Всемирная продовольственная организация)

<http://www.vesmirbooks.ru>

Слово *сельскохозяйственная* из названия исчезло, зато откуда-то взялось слово **всемирная*. Надо ли говорить, что это название может принадлежать только другой организации.

Итак, в системе специализированных учреждений ООН существует *Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО)*. Других вариантов нет.

Международный союз электросвязи

Данной организации не везет больше всех. Это одна из старейших в мире международных организаций, учрежденная в 1865 г. (наша страна вступила в нее в 1925 г.). Сначала она называлась Международным телеграфным союзом, а в 1932 г. сменила свое название на Международный союз электросвязи (англ. International Telecommunications Union). Сокращенное наименование этого союза по-английски не изменилось – как было, так и осталось ITU. Русское же сокращение – МСЭ.

Чаще всего название этой организации искажается, как ни парадоксально, в специализированных изданиях по связи и информационным технологиям. Например, в московском компьютерном журнале «Апгрейд» Международный союз электросвязи вообще ни разу за всю историю этого журнала не был назван своим собственным именем. Там его именуют то **Международным Телекоммуникационным Союзом*, то **Международ-*

ным Союзом по Телекоммуникациям (причем пишут именно так, каждое слово с прописной буквы). И, должно быть, вы уже догадались, что сокращение они используют в русском тексте исключительно английское – ITU.

Комплекс зданий Международного союза электросвязи в Женеве

Ну ладно, что спрашивать с авторов журнала, чей лингвистический опыт, судя по их языку, не выходит далеко за пределы лексикона компьютерных «стрелялок». Гораздо большее удивление вызывает подобная же практика изданий, претендующих на солидность. Так, читаем в газете «Коммерсант»:

*Международный союз по телекоммуникациям при ООН (ITU) опубликовал отчет по развитию телекоммуникационной инфраструктуры в разных странах мира.

Коммерсантъ, 08.12.2003

Может, они пользуются «экспертными» услугами тех же молодых компьютерщиков, что черпают познания исключительно из «юзерских» форумов и подростковых «чатов»?

В Интернете существует онлайн-энциклопедия «Кругосвет». Энциклопедия по определению должна, казалось бы, служить источником точной, проверенной информации, которую могли бы использовать обратившиеся за справкой. Но и там самодеятельность:

*Международный телекоммуникационный союз (*МТС – ITU) организован в Женеве в 1865 как Международный телеграфный союз, с 1947 – специализированное учреждение ООН.

<http://www.krugosvet.ru>

Эта самодеятельность, как вы заметили, коснулась не только полного, но и сокращенного наименования: вместо МСЭ нам предлагают аббревиатуру *МТС.

Итак, для закрепления: единственно верное русское наименование этой организации — *Международный союз электросвязи* (МСЭ). Попутно хотелось бы пожелать некоторым переводчикам вообще не слишком увлекаться термином *телекоммуникации*. Ведь telecommunications — это просто-напросто связь. В подавляющем большинстве случаев это простое русское слово и есть наиболее удачный и точный эквивалент английского. Другое дело, если нужно использовать прилагательное. Тогда из-за того, что от слова *связь* его образовать затруднительно, может пригодиться слово *телекоммуникационный*.

Довольно забавная с лингвистической точки зрения мысль высказана в следующем тексте, опубликованном на информационном сайте «Телеком-Вести». Вчитайтесь внимательно:

Демонстрация показала присутствие на рынке устройств, которые соответствуют спецификациям..., принятым в качестве предварительной рекомендации Международным союзом * по электросвязи (в свете переименования Госкомсвязи в Госкомитет по телекоммуникациям следует, наверное, теперь называть этот орган *Международный союз по телекоммуникациям, или МСТ).

http://www.telecomforum.ru/vesti/1999/06/15_01.htm

Итак, авторы знакомы с официальным названием международного союза (хотя допустили маленькую ошибку, включив в него еще и предлог *по*), но всерьез полагают, что его русская версия может зависеть от наименования российского правительственного органа. Если исходить из этой логики, то при каждом переименовании российских ведомств следует аналогичным образом переименовывать по-русски и те международные организации, которые с ними как-то связаны.

Задумаемся: если ваша племянница вышла замуж и приняла фамилию мужа,

стоит ли и вам подавать заявление в загс о перемене фамилии?

Конечно, это абсурдная мысль. Но логика тезиса, изложенного в заметке «Телеком-Вести», именно такова. Ее авторы не понимают, что русский вариант названия имелся у этой организации (и всех других организаций системы ООН) **всегда**. Это не плод творчества переводчиков, это одна из языковых версий **собственного имени** организации, абсолютно равноправная со всеми другими как с лингвистической, так и с юридической точек зрения.

Не будем придумывать для международных организаций **несобственных имен**. Направим свои силы на другие объекты переводческого творчества.

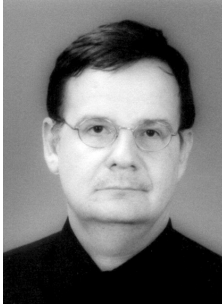
Электронный адрес автора:
proper_names@yahoo.com

Из коллекции Виктора Карболкина

Солидная международная организация планировала проведение семинара в одной из стран СНГ, для работы на котором были приглашены переводчики-синхронисты из Москвы. За неделю до планируемой даты мероприятия синхронисты получили по электронной почте следующее послание из отдела переводов:

Dear Colleagues,
Please see the e-mail below from Mr. D****. The workshop is now cancelled. We apologize for the **incontinence**.

Кое-что о транскрипции корейских имен

А.Н. Ланьков

В последнее десятилетие «корейское присутствие» в России стало ощущаться всерьез, и корейские товары широко продаются в русских магазинах, а корейские имена часто встречаются на страницах русских газет. Однако, как заметил, наверное, любой внимательный читатель, сплошь и рядом имя одного и того же человека (или название одной и той же компании) записывается по-русски самыми разными способами. Желаящим я могу посоветовать, например, провести маленький эксперимент и попытаться найти в серьезных русских справочниках такую, казалось бы, всем хорошо известную компанию, как «Самсунг». Заверяю: ни в одной серьезной книге, написанной профессиональным корееведом-экономистом, Вы такой компании не найдете. На страницах таких книг, правда, не раз будет упомянута другая компания — «Самсон», но далеко не все поймут что это — та же самая фирма «Самсунг», только в другой (кстати, более правильной) транскрипции. Впрочем, это еще не самый сложный случай. Догадаться о том, что «Дайву», «Дэу» и «Тэу» — это одна и та же фирма, будет, наверное, труднее.

Итак, с передачей корейских имен и названий по-русски далеко не все в порядке. Я бы, пожалуй, даже сказал, что история передачи корейских имен, корейских географических названий и, особенно, названий корейских компаний

в русской печати — это история ошибок и недоразумений. Когда я вижу в газете или в популярном журнале правильно написанное корейское имя, я просто удивляюсь этому. Впрочем, удивляться мне приходится редко: подавляющее большинство имен передано с ошибками.

В чем же причины такой ситуации? Причин этих много. Начну с того, что фонетические системы русского и корейского языков отличаются друг от друга. В корейском встречаются звуки, которым в русском просто нет аналогов. Например, в корейском языке есть два звука [o], два звука [n], два звука [ë], часто встречается специфический звук, который обычно передается как **ч**, но в действительности весьма отличается от произношения этой буквы — на русский слух он звучит то ли как [ть], то ли как [чь], то ли как [дж]. Человек, который сам не владеет корейским, едва ли сумеет на слух отличить огубленное [o] от неогубленного [o] или заднеязычное [n] от переднеязычного [n].

Поскольку до начала шестидесятых годов даже среди работавших в Корею журналистов и дипломатов корейской знали немногие, то и записывались корейские имена по принципу «как слышится», то есть — весьма неточно. Соответственно, в таком искаженном виде появлялись они и в наших газетах и книгах.

Вдобавок, на протяжении почти столетия — где-то с конца 1870-х и до нача-

ла 1960-х гг. — профессиональных корееведов в России было очень мало, а переводчиками и посредниками при всех контактах с Кореей неизменно служили многочисленные советские/российские корейцы, часто имеющие неплохое российское образование. Они внесли немалый вклад в развитие советско-корейских связей. Большое им за это спасибо, однако надо помнить, что советские корейцы говорят на особом диалекте. Иногда они сами думают, что это, дескать, «испорченный» от долгого проживания за рубежом корейский, однако это совсем не так. В корейском языке множество диалектов, которые очень непохожи друг на друга. В последние десятилетия «правильным» корейским объявлен диалект столицы — Сеула, а советские корейцы просто говорят на другом диалекте, который был распространен в тех местах, откуда в Россию когда-то отправились их предки, то есть на диалекте северо-восточной провинции Хамгён, пограничной с Россией (это не относится к корейцам Сахалина — недавним выходцам из южных провинций Кореи). Считать этот говор «испорченным» нельзя, наоборот, он даже сохранил некоторые древние особенности, утраченные в сеульском диалекте. Однако этот диалект отличается от сеульского корейского примерно так же, как русский от украинского (если даже не больше).

Понятно, что русские, а потом и советские чиновники и дипломаты обычно записывали имена и названия так, как их произносили работавшие с ними переводчики. Один из многих примеров — история очень распространенной корейской фамилии «Цой». В сеульском диалекте она произносится как «Чхве», в то время как в провинции Хамгён сохранилось более старое произношение, которое русскими буквами можно примерно передать как «Цхой». Под влиянием «советско-корейского» произношения всех обладателей этой фамилии у нас и окрестили «Цоями». Нечто похожее произошло и с фамилией Ли, которой в сеульском диалекте попросту нет: там она произносится как «И».

Эти две особенности — отсутствие подготовленных корееведов и влияние северо-восточного диалекта, на котором говорило большинство переводчиков — и привели к тому, что вплоть до начала шестидесятых годов имена корейцев появлялись на страницах советской печати в малопонятном виде, так что сами корейцы (особенно в Сеуле), прочтя записанное по-русски корейское имя или слово, обычно не могли понять, о ком или о чём идет, собственно, речь. Достаточно напомнить в этой связи имена некоторых северокорейских политиков, которых тогда часто упоминали в нашей печати и которые, наверное, до сих пор памятли некоторым нашим читателям старшего поколения: Цой Ен Ген (правильно — Чхве Ён Гон), Ким Ир Сен (правильно — Ким Иль Сон), Пак Ден Ай (правильно — Пак Чжон Э).

Вскоре после войны в СССР была разработана система научной транскрипции корейских слов. Автором ее был ленинградский лингвист А.А. Холодович (несколько позднее она была модернизирована москвичами Л.Р. Концевичем и Ю.Н. Мазуром). Назвать эту систему идеальной нельзя, однако она предлагала более или менее стандартную схему транскрипции, при которой одно и то же корейское имя или название всегда записывалось одинаково. Это, собственно, в первую очередь и требуется от транскрипции.

Правда, не обошлось и без обычного московско-ленинградского раскола: москвичи используют сочетание *дж* для транскрипции корейского согласного звука, который по-питерски записывается как *чж*. Впрочем, сам этот звук, не имеющий в русской фонетике точного аналога, достаточно далек от обоих вариантов.

В шестидесятые годы, после того, как стало активно работать первое поколение корееведов, привыкшее к системе Холодовича, ситуация с транскрипцией корейских имен нормализовалась, но, как оказалось, ненадолго. Ситуацию изменило появление на российском горизонте Южной Кореи. С конца восьмидесятых

годов к нам хлынули корейские изделия с надписями на английском, и корейцы с визитками — тоже на английском. И тут опять началась великая путаница. Понятно, что когда какому-то российскому журналисту (или бизнесмену) дают визитку, на одной стороне которой стоят какие-то странные непонятные буквы, а то и просто иероглифы, а на другой — всё написано по-английски, то этот журналист обычно не отправляется на поиски ближайшего доцента кафедры корейской филологии, а просто переписывает русскими буквами то, что написано по-английски, и в дальнейшем именуется своего корейского собеседника так, как было написано на «английской стороне» его визитки.

Однако вот тут незадачливого журналиста и подстерегает ловушка. Дело в том, что базовые принципы английской и русской транскрипции — очень разные. Система Холодовича — это транскрипция, ее основная задача — передать *произношение* корейского слова. Английская же система Маккьюна-Рейшауэра, которую хорошо знают и которой обычно пользуются корейцы — это транслитерация, и ее основная задача — дать возможность легко восстановить правильное корейское *написание* слова. По этому же принципу транслитерации построена и новая официальная система английской транскрипции, введенная в действие после 2000 г. Поэтому многие корейские буквы передаются в английской «транскрипции» парами английских букв. Например, звук, который очень похож на русское [э], записывается в корейском письме сочетанием двух букв: используемые по отдельности, первая из них обычно означает звук [а], а вторая — звук [е] (когда-то, много веков назад, «предок» нынешнего корейского звука [э] действительно представлял из себя дифтонг, то есть сочетание этих двух гласных звуков). Поэтому и в английской системе [э] вполне логично записывается как *ai*, то есть сочетанием английских букв *a* и *i*. Есть и другие особенности, которые ведут к недоразумениям. Например, задне-

язычный [н] есть не только в корейском, но и в английском, так что понятно, что в английской транскрипции этот звук передается так же, как его пишут в английском — сочетанием *ng*. Впрочем, особенностям английской транскрипции и ее отличиям от русской системы можно посвятить не одну страницу — так этих отличий много.

К чему это приводит на практике? Если коротко, то к путанице. Например, есть в Корее огромная фирма, которая называется «Хёндэ» (название ее заимствовано из китайского и означает «современность»). Корейцы действительно произносят ее название примерно как «хёндэ», но по-английски обычно транскрибируют его как «Hyundai», несколько нарушая правила системы Маккьюна-Рейшауэра. Разумеется, 99% русских, впервые увидев это название, переписывают его русскими буквами как «Хьюндай». Корейцы же, конечно, обычно этого самого «хьюндай» просто не понимают, да и в большинстве русских справочников (их пишут, конечно же, специалисты-корееведы) никакой фирмы «Хьюндай» нет и в помине. Или другой пример. В английском языке, как известно, нет звука [ы], поэтому корейский звук [ы] передается как *yi* (*i* со скобочкой сверху). При перетранскрипции на русский эту «непонятную» скобочку, конечно же, убирают, и кореец Ким Ын Сэн становится Ким Ун Саинг'ом (не слишком-то похоже на оригинальное произношение!)

Итак, путаницы с транскрипцией немало. Боюсь, однако, что проблема эта не разрешима, по крайней мере, в ближайшем будущем. С одной стороны, неправильно переходить на английскую транскрипцию и писать корейские слова латинскими буквами! С другой стороны, людей, которые знакомятся с корейскими именами и названиями через английские тексты, неизмеримо больше, чем тех, кто читает по-корейски. Так что похоже, что все эти «Самсунги» и «Хьюндай» будут еще очень долго сосуществовать с «Самсон» и «Хёндэ», создавая немало проблем и недоразумений.

«Мишшн импосыбл», или «миссион импосибле»

Е.Д. Штефан

Глубоко заблуждается тот, кто думает, что кириллица корректно передает звуки русской речи. Ничего подобного! Например, русские согласные звуки передаются буквами кириллицы весьма вольно. Ведь «твердые» и «мягкие» согласные — это, вообще говоря, разные фонемы, но данный факт напрямую кириллицей не отражается. Некоторые звуки не имеют своих букв — например, [j], который входит в звуковой состав *е, ю, я*. Глухие звуки часто изображают звонкими буквами (как звук [т] в слове *лодка*), а звонкие звуки — глухими согласными (например, звук [з] в слове *сделать*). И так далее и тому подобное.

И если уж мы не можем передать адекватно звуки русской речи с помощью кириллицы, то как вы нам прикажете передавать с помощью той же кириллицы «неродную» ей корейскую речь, практически ни один из звуков которой не соответствует русским звукам? Да никак. Это невыполнимая задача. «Правильной» транскрипции корейской речи кириллицей, вообще говоря, нет и быть не может. Поэтому любая существующая транскрипция — это компромисс, причем компромисс заведомо гнусный.

Выход из этой ситуации такой: искусственно выбрать один из гнусных компромиссных вариантов и — вот тут мы подходим к самому главному! — везде и всегда использовать только его, прощая ему его недостатки. Пусть будет плохо, но зато хотя бы везде одинаково, чтобы люди не ломали себе голову над загадками типа: *Геонгью* и *Кёнчжу* — это разные города или один город по-разному записанный? *Йеоуидо* и *Ёйдо* — это два разных

острова или один и тот же? *Бусан* или *Пусан*? Как правильно?

Разберемся: зачем вообще нам бывает нужно передавать корейские слова на письме русскими буквами? Существует две важные практические ситуации, в которых люди исходят из совершенно разных своих нужд.

Грубо говоря, есть «туристы». Они приезжают в Корею и хотят сказать водителю такси, куда собираются ехать. При этом они не знают корейского языка, не знают корейского алфавита, и всё, что у них есть — это название места, записанное на бумажке кириллицей. Скажем, это будет написанное неким чудачком слово «Йеоуидо» (от английского Yeouido). В таком случае наши «туристы» далеко не уедут. Сколько ни кричи водителю в ухо «Йе-о-у-и-до!», хоть тысячу раз, вероятность 99%, что он откажется вас понимать. Зато если вы скажете «Ё-ый-до», возможность того, что вас поймут, вырастет значительно. Вот где важна транскрипция, то есть система сравнительно похожей записи звуков корейского языка русскими буквами.

Итак, с «туристами» мы решили. Но есть еще одна, довольно большая и серьезная группа людей, жизнь и работа которых связана с Кореей. Часто они хорошо знают корейский язык. И «туристическая» транскрипция им вовсе не нужна. Они прекрасно объяснятся с таксистом просто потому, что им хорошо известно, как звучит название нужного им места на чистом корейском языке. В общении с корейцами в помощи кириллицы они не нуждаются. Среди таких людей есть, например, переводчики или кореведы.

Порой эти люди читают написанные друг другом тексты на русском языке. И если в текстах мелькают корейские слова, записанные русскими буквами, нашим специалистам важно быть уверенными, о ком или о чем идет речь, когда они видят в тексте то или иное имя. В данном случае произношение такого русифицированного корейского слова не столь важно. Важно, чтобы, видя русское написание, человек мог догадаться об исходном корейском написании. Ему нужна система записи корейских букв (не звуков, а именно букв) русскими буквами. Такая система называется «транслитерацией». Взаимопревращением букв.

Новую замечательную систему транслитерации недавно придумали сами корейцы (до этого у них были другие системы — столь же замечательные). Она, как и ее предшественницы, называется системой «романизации», то есть превращения корейских букв в «романские», латинские. Любой человек, знающий эту систему и, кроме того (что немаловажно!), знающий корейский язык, увидев в английском тексте слово Gyeongju, сразу же восстановит в уме его корейское написание и поймет, что речь идет о городе, который на русских картах называется *Кёнджу*. А если он увидит слово Busan, то он с помощью той же мыслительной двухходовки догадается, что речь идет о корейском городе, который по-русски записывается как *Пусан*.

Новая система романизации великолепна! Она позволяет с почти математической точностью восстанавливать корейское написание из латинского. Проблема только в том, что... ни на что больше она не годна. И вот люди, которые не знают корейского языка, не знают, каким образом в системе романизации буквы двух языков соответствуют друг другу, — эти люди пытаются сделать то, что делать ни в коем случае нельзя: читать словечки типа Gyeongju вслух на основе своих индивидуальных представлений о том, как надо читать латинские буквы. Эти люди не понимают, что система романизации является

не транскрипцией (передачей звуков с помощью букв), а именно транслитерацией, то есть изображением закорючек одного алфавита закорючками другого. Поэтому слово Gyeongju в принципе не предназначено для чтения вслух! Оно нужно для того, чтобы по нему восстановить написание корейского слова, и читать уже его, корейское слово, по правилам корейского языка.

К людям, которые всего этого не понимают или делают вид, что не понимают, относятся и корейские чиновники, которые бросились внедрять новую систему транслитерации на всех географических картах Кореи и в прочих материалах, предназначенных для иностранцев вообще, и туристов в частности. Вспомним, однако, наших «туристов», о которых речь шла выше. Всякий турист, даже если он не силен в лингвистике, где-то на уровне здравого смысла ожидает, что ему на картах предъявят именно транскрипцию. То есть предложат ему такое английское или русское написание корейских слов, чтобы он мог их прочесть вслух — тому же таксисту. В Корею таких наивных людей ждет фиаско. Бедный турист не знает, что корейские правительственные мудрецы вместо транскрипции подсунили ему транслитерацию, которая в принципе не предназначена для чтения вслух. И вот, не зная этого, он ковыряется в романизационной абракадабре, пытаясь в меру сил что-то там прочесть.

Есть много способов, какими туристы из разных стран могут «прочесть», например, слово Gyeongju: *Геонгью*, *Джеонджу*, *Жеонжу*, *Жеонгчжу* и т.д. и т.п. Не очень похоже на Кёнджу, которое мы видим на русских картах, не правда ли? А между тем из перечисленных вариантов *Кёнджу* лучше всего передает то, как название столицы древнего государства Силла звучит по-корейски. Вот только «вывести» из Gyeongju слово *Кёнджу* при нулевом знании корейского и Кореи практически невозможно. В этом главная проблема транслитерации.

Итак, имеем две плохие схемы (они обе такие с точки зрения человека, не знающего корейского языка) — транскрипцию и транслитерацию. Что может быть хуже? Пожалуй, гибрид из транскрипции и транслитерации. Такой гибрид создан в российском корееведении. Это замечательная, великолепная система Холодовича. Она не устраивает никого. Ни туристу от нее не легче (из-за элементов транслитерации), ни кореевед с ней работать толком не может (из-за того, что транслитерация во многих местах принесена в жертву транскрипции).

Для примера возьмём какое-нибудь географическое название, записанное по российской системе. Пусть это будет *Чхунчхон*. Туристу в Корее с этим словечком лучше вообще ни к кому не соваться. Только напугаете собеседника. Он, скорее всего, подумает, что у вас предсмертные хрипы или, в лучшем случае, решит, что в России так чихают. Корееведу тоже не легче. Если нет контекста, совершенно непонятно, о каком именно Чхунчхоне идет речь. Может, о столице провинции Канвондо (Chuncheon в английской транслитерации)? Или, может, об одной из двух провинций Чхунчхон (Chungcheong)? Российская система не делает различий между *n* и *ng*. Это создает путаницу с точки зрения корееведов, нуждающихся в двух разных способах обозначения *n* и *ng* по-русски, то есть в последовательной и полной системе транслитерации.

Недостатки существующей российской гибридной системы транскрипции-транслитерации можно обсуждать сколько угодно. Почему же мы назвали ее замечательной и великолепной? В припадке сарказма? Нет, нет и нет. Совершенно искренне. Эта система чудесна тем, что она существует.

Одна плохая система лучше трех разных, не менее плохих, применяемых одновременно! Поверьте. Это то же самое, как если на вас нападет один бультерьер или три сразу. В первом случае у вас еще есть шанс спастись. Во втором — вас загрызут.

Надеюсь, вы достаточно напуганы для того, чтобы всем сердцем принять одну, верную в своей единственности систему транскрипции-транслитерации Холодовича? Вы прониклись? Вот то-то же! Принять и приурчить.

Следующая важная вещь.

Мы уже говорили, что в англо-американской литературе и в прессе в последнее время для передачи корейских слов используется новая официальная система транслитерации. В большинстве случаев ваши попытки из английского написания догадаться, как надо записать тот или иной корейский город по-русски, будут обречены на провал. Из этого положения есть только два реальных выхода — спросить у знающего человека (хорошего корееведа) или... заглянуть в специальный словарь¹. Лучше спросить у специалиста, чем потом принародно позориться (это мы говорим в первую очередь переводчикам и работникам российских СМИ).

Теперь вернемся к нашим бультерьерам.

Было бы здорово, если бы в англо-американских текстах использовалась одна единственная система — вышеупомянутая новая система романизации. Тогда ей, теоретически, можно было бы обучить хотя бы людей, специализирующихся на новостях из Кореи. И тогда была бы надежда, что по крайней мере самые квалифицированные и дотошные российские журналисты начали бы записывать корейские слова сравнительно правильно. Бультерьер романизации — животное опасное и вредное, но он только один. Значит, всё не так плохо? Есть надежда его побороть?

Оставьте надежду. Всё плохо. Хуже некуда. Ибо затратив титанические усилия на изучение новой официальной

¹ См., например, перечни корейских имен и названий на сайте газеты «Сеульский вестник» (<http://vestnik.tripod.com>). [Кроме того, правила русской транслитерации корейских имен на основе их латинизированных соответствий будут приведены в книге Д.И. Ермоловича «Имена собственные: теория и практика межъязыковой передачи», которая готовится издательством «Р.Валент» к выходу в свет. — *Ред.*]

Дайджест

Владимир Путин попал меж двух речей

Газета «Коммерсантъ» №191, 2004

Президент России Владимир Путин принял в Кремле премьер-министра Канады Пола Мартина и внимательно его выслушал. Впрочем, по мнению специального корреспондента Андрея Колесникова, он мог слушать господина Мартина и невнимательно, ведь канадский премьер все свои слова повторял дважды. <...>

Чем дольше говорил канадский премьер, тем тщательней записывал за ним его переводчик и тем больше нервничал его пресс-секретарь, который боялся, что переводчик не сможет адекватно передать все нюансы такой продолжительной речи. Канадский пресс-секретарь всяко привлекал к себе внимание сначала российского пресс-секретаря господина Громова, затем переводчика, а затем и самого премьер-министра. Он что-то шептал, размахивал руками. Он даже несколько раз присел. Похоже, впрочем, в этом не было никакой необходимости, так как переводчик без видимых усилий записывал за господином Мартином его бесценные мысли.

В результате непрекращающиеся усилия канадского пресс-секретаря по достоинству оценил только президент России. Он прервал премьеру на полуслове и показал ему рукой на беснующегося в сторонке пресс-секретаря. Это зрелище вызвало умиление на лице господина Мартина. Он кивнул и сразу закончил. Оказывается, там ничего такого и не было, о чем непременно следовало бы немедленно сказать.

– И вообще, – перевел переводчик напоследок, опустив глаза, – мы не знаем, как обстоит дело с переводом и кто кого тут переводит. <...>

Канадский премьер кивнул присутствующим и замолчал.

Я решил было, что на этом встреча закончена. Но господин Мартин уверенно перешел на французский язык и максимально подробно повторил всё, что он говорил до этого на английском. Стало хотя бы понятно, отчего так невозмутим и расслаблен, в отличие от пресс-секретаря, был переводчик. Он-то знал, что услышит все эти слова еще раз. Это, мне кажется, мог с большой долей вероятности предположить и пресс-секретарь, который в курсе, как успешно Канада, введя в обращение два государственных языка, борется с проблемами сепаратизма в провинции Квебек.

– Я могу и дальше продолжать на двух языках, – со своей мягкой улыбкой пригрозил премьер-министр.

А я вспомнил, с какой гордостью один из членов делегации перед началом переговоров говорил про господина Мартина:

– Наш премьер-министр никогда не повторяется.

корейской системы романизации и справившись со зверюгой, вы скоро обнаружите, что на вас из-за угла кидаются новые монстры.

Дело в том, что новая система в Корее плохо соблюдается, часто используются другие, прежние, системы, а в случае с именами людей системы и вовсе нет никакой. В результате, даже зная все на свете системы, вы никогда в жизни не догадаетесь, как звучит на русский манер имя, скажем такого в меру известного корейского теннисиста, как Lee Hyung Taik. Просто потому что оно написано безо всякой системы, а как кому-то (или самому Ли или журналистам) захотелось.

Lee Hyung Taik – что это? Ли Хюнг Тэк? Ли Хён Тайк? Еще варианты? Вариантов много. В результате то, как этого господина зовут на самом деле, можно узнать, только найдя и прочитав о нем новость на корейском языке. По секрету скажем вам, что имя этого теннисиста следует транслитерировать как Lee Hyeong Taek. А в системе Холодовича его имя надо писать как Ли Хён Тхэк. Согласитесь, «простому человеку» последнее не очевидно из обоих английских вариантов. Вот и нам так кажется. Но второй вариант (Lee Hyeong Taek) был бы хорош по крайней мере для корееведов. По нему они могли бы вам сразу сказать, как по-корейски и по-русски надо звать этого теннисиста. Однако второй вариант не используется. Первый же вариант (Lee Hyung Taik) – это преступление против человечности. Он хорош только как вещественное доказательство на судебном процессе по делу о покусанных бультерьерами.

Вы окончательно запутались?

Вот и хорошо. Потому что это как раз то состояние, в котором будет пребывать всякий, разбирающийся в вопросе. Раз запутались, значит, вы хотя бы в курсе проблемы.

Так что либо учите корейский язык, либо смотрите в справочники. А также пишите письма и задавайте вопросы.

Немного о компьютерной лингвистике и машинном переводе

Ю.Н. Марчук

Языковые барьеры — самые высокие и труднопреодолимые на пути современной мировой коммуникации, объем которой неуклонно расширяется по мере прогресса человечества. В вышедшем несколько лет назад докладе специальной комиссии Европейского экономического сообщества называются три способа преодоления языковых барьеров — универсальный язык, обучение иностранным языкам и перевод. Кратко рассмотрим возможности этих способов.

Универсальный язык. Здесь есть два варианта: один из естественных языков или некий искусственный язык. Вряд ли кто сомневается в том, что на английском можно объясниться во многих цивилизованных странах мира. В то же время есть определенное сопротивление говорящих на других языках тому, чтобы считать английский язык единственным универсальным средством общения. Я помню одно из официальных заседаний Международной Информационной службы по научно-техническим переводам (ИНТЕРИНФОРМПЕРЕВОД) в Вене где-то в восьмидесятых годах. Каким-то образом оказалось, что большинство представителей на совещании одной из секций были из франкоговорящих стран и было решено его официальную часть вести на французском языке. Посадили переводчицу датчанку, и она переводила все доклады, которые делались на других языках, в том числе и на английском, на французский язык. Вдруг в плавное тече-

ние доклада вклинивался какой-то вопрос с места, что-то было непонятно и требовалось пояснение. Тут же все участники переходили на английский и выясняли все неясности именно на этом языке, который все знали. Но вот вопрос разъяснился. И тогда опять бедная девочка старательно переводила с английского на французский, иногда это было не так легко. Но — вопрос принципа.

Как утверждают авторы упомянутого выше доклада Европейского экономического сообщества, чем более развита в экономическом и культурном отношении страна, тем большую цену она готова платить за право общаться на своем языке. Если исходить из максимального числа говорящих на данном естественном языке как на родном, то единым языком следует признать китайский.

Второй вариант универсального языка — искусственный. Мировая цивилизация знает немало попыток создать и распространить такой язык. Можно смеяться над этими попытками, как это сделал Джонатан Свифт в своем описании «Лапуты», где ученые таскали с собой рюкзаки с вещами и разговаривали на языке вещей. Однако и серьезные люди (Лейбниц, Декарт, Ньютон и др.) занимались созданием искусственных языков. Из известных универсальных языков наиболее популярен эсперанто, во многих странах есть кружки эсперантистов и выходят периодические издания. Но вряд ли этот или какой-либо другой искусственный

язык может служить эффективным средством преодоления языковых барьеров. Много ли среди читающих этот текст знают эсперанто?

Интересно отметить, что новые искусственные языки продолжают разрабатываться. В 2003 г. в Тирасполе была опубликована монография А.В. Колегова «Международный язык-посредник эль-юнди» на основе иероглифического алфавита, что вызвало положительную реакцию японцев, в 2004 г. на ВВЦ был продемонстрирован универсальный язык цифр Д.И. Сотникова. Работы в этом направлении полезны с точки зрения выявления лингвистических универсалий, поэтому и существует в Институте языкознания секция интерлингвистики. Но как практическое средство пока еще ни один такой язык не используется.

Второй способ преодоления языковых барьеров — изучение иностранных языков в средней школе и в высших учебных заведениях. Практически во всех странах иностранные языки входят в программы образования, но изучаются, как правило, везде одинаково плохо, т.е. языковая подготовка лишь в редких случаях дает возможность эффективно преодолеть языковые барьеры. Исключение составляют школы и страны, находящиеся на перекрестках языков и культур, как, например, Люксембург, или семьи, где родители — различных национальностей (например, папа — немец, мама — француженка), и бедный ребенок волей-неволей изучает два языка. Конечно, специалисты часто понимают друг друга и без глубокого знания чужого языка. Пример — космонавты в межнациональных экипажах. При невозможности языкового выражения мысли они объясняются друг с другом на родном языке или с помощью наглядного показа.

Единственный эффективный способ преодоления языковых барьеров — перевод. Индустрия переводов не знает спада или кризисов, объем переводов в мире неуклонно возрастает, коммерческий оборот переводческой деятельности составляет несколько десятков миллиардов долларов и по данным упомянутого доклада увеличивается каждый год на 15%, помимо

неучтенной переводческой деятельности (жена переводит для мужа или наоборот).

Здесь мы и подходим к проблемам компьютерной лингвистики. Почему?

Недавно по иностранному радио один видный американец, сторонник руководящей роли США во всех мировых делах, защитник и проповедник глобализации, в ответ на вопрос о том, а на каком языке будет говорить глобализованный мир, не сказал, что мир будет говорить на английском. Он ответил так: «А будет компьютерный перевод!». В свете вышесказанного он наверняка был прав.

Почему компьютерный? Хорошо известно, что «человеческий» перевод — довольно трудоемкий процесс. Это синхронный переводчик в кабине успевает в реальном масштабе времени за докладчиком или говорящим, но каких трудов это стоит. А письменный перевод занимает, как известно, до 10 дней на авторский лист. Механизация переводческого труда, этой древнейшей профессии, не идет ни в какое сравнение с механизацией других древнейших профессий, например, земледельца. Компьютерные словари только еще создаются. Но уже действуют в реальном масштабе времени системы машинного (автоматического, компьютерного) перевода. Да, можно смеяться над некоторыми результатами их работы. Но есть ли альтернатива машинному переводу? По-видимому, нет.

Почему современный машинный перевод дает такое низкое качество? Потому что не так просто научить компьютер тому, что знает переводчик. Переводчик знает по крайней мере два языка — исходный и язык перевода, знает в достаточной степени культуру того и другого народа, поскольку без знания культуры не может быть полноценного знания языка, умеет учитывать экстралингвистические аспекты переводимого текста, что и для кого он переводит, имеет интеллект, с помощью которого может найти решение сложных комплексных проблем передачи не только информации как объекта математической теории информации, но и образность, недосказанность, множество разных других оттенков языковых знаков оригинала.

Современный компьютер, при всей изощренности новых информационных технологий, не располагает пока таким арсеналом средств и возможностей. Вот здесь-то и нужна компьютерная лингвистика.

Академик Ю.В. Рождественский ставит машинный перевод в центр исследований и разработок по искусственному интеллекту. В системе машинного перевода процесс перевода разлагается на ряд составляющих: поиск входной словоформы по словарю, автоматический морфологический анализ, автоматический синтаксический анализ, анализ и перевод лексики, фразеологизмов, определенных фиксированных словесных штампов, автоматический анализ семантики высказывания и текста в целом, автоматический синтез словоформ в выходном языке, построение синтаксической структуры переводящего предложения, совокупность предложений и текста в целом, проверка правильности принятых решений, выдача переводящего текста пользователю. Каждый из этих этапов и представляет собой предмет и объект исследований компьютерной лингвистики.

Компьютерная лингвистика занимается не только машинным переводом. Автоматический анализ текста с целью введения его в систему автоматизированного информационного поиска, распознавание устной речи, реферирование и аннотирование текстов с помощью компьютера, дистанционное обучение и другие задачи, решаемые с помощью новых информационных технологий, также входят в сферу ее интересов. Среди этих задач есть относительно простые или уже решаемые достаточно эффективно. Так, автоматические словари содержат большой объем информации и не нуждаются уже в способах свертывания этой информации, как это было относительно недавно. Автоматический морфологический анализ для большинства индоевропейских языков достигает высокой степени достоверности, до 90%. Однако другие аспекты языка еще плохо поддаются формализации и алгоритмизации. Так, синтаксический анализ входного предложения продолжает оставаться одной из наиболее актуальных и

недостаточно эффективно решаемых проблем. Все еще низкое качество современного машинного перевода во многом объясняется недостаточно разработанными методами разрешения лексической многозначности, лексико-грамматической (частеречной) омонимии, синтаксического анализа, не говоря уже о формальном анализе семантической структуры предложения и текста. В грамматике каждого языка имеются многочисленные отклонения от строгих правил, которые можно было бы ввести в компьютер. Живая речь, как и письменный текст, отнюдь не всегда строится по фиксированным и однозначным правилам, как это хотелось бы математикам, разрабатывающим проекты универсальных смысловых языков.

Термин «компьютерная лингвистика» установился сравнительно недавно и заменил собой ранее употреблявшиеся «вычислительная лингвистика», «алгоритмическая лингвистика». «математическая лингвистика» (хотя последний термин может также относиться и к определенной области математики). Прикладная лингвистика – несколько более широкое понятие, оно может включать также исследования и разработки, необязательно связанные с компьютером, например, преподавание языка (*applied linguistics*). Сейчас на отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. Ломоносова, МГЛУ, МГОУ и других лингвистических институтов расширен прием студентов вследствие повышенной востребованности соответствующих специалистов, а на этих отделениях компьютерная лингвистика в своих разновидностях занимает большое место в учебных планах. «Жизнь диктует нам свои суровые законы» – как выражались некоторые литературные герои. Потребности самой науки и потребности практики соединяются в понятии «компьютерная лингвистика». А качественный машинный перевод явится следствием развития и совершенствования идей, методов и практических результатов в области компьютерной лингвистики.

Что могут программы машинного перевода?

Н.Г. Шахова

Поскольку отношение к машинному переводу в среде переводчиков в целом резко отрицательное, то прежде всего хочу торжественно заявить, что я машинным переводом не пользуюсь и пользоваться не собираюсь. Однако интересно разбраться, чего достигли создатели программ машинного перевода (МП) за полвека своей деятельности.

Принципиальная (и, на мой взгляд, неустранимая) проблема при создании программ МП заключается в том, что не все решения принимаются переводчиком на основе чисто лингвистических соображений: очень часто ему приходится выходить за рамки формального текста и обращаться к своим знаниям о реальном мире. Это значит, что для создания более-менее разумных текстов программу МП тоже нужно снабдить такими знаниями — обширной базой данных — и научить к ним обращаться (то есть в случае необходимости программа должна «понять», что возникла проблема, для решения которой нужны дополнительные знания, и «суметь» правильно сформулировать запрос к базе).

В опубликованном в третьем номере «Мостов» отрывке из книги И.И. Ревзина и В.Ю. Розенцвейга «Основы общего и машинного перевода» приводится очень типичный пример, когда при переводе с русского на западноевропейские языки выражения «сын царя Федора» нужно выбрать артикль, и этот выбор может, при некоторых обстоятельствах, зависеть от общего числа сыновей царя Федора. Авторы отмечают, что переводчику тут поможет только знание истории, а программа МП должна уметь в такой ситуации сформулировать вопрос (сколько сы-

новой было у царя Федора?) и обратиться за ответом к информационной базе, описывающей реальный мир.

Однако, если базу данных, в которой хранятся сведения обо всех царях и других знаменитостях, можно себе представить, то следующий пример ставит более сложную задачу. Как перевести на английский «Мойте руки перед едой»? Мы-то с вами знаем, что моют hands, а не arms. А вот как дать знать об этом машинному переводчику? Какой вопрос должна сгенерировать программа, встав перед выбором между hands и arms, и какая информация должна храниться в базе данных? Конечно, с каждой конкретной задачей справиться можно, но ясно, что проблема описания всех особенностей реального мира в единой базе данных является очень сложной и вряд ли будет решена в ближайшее время.

Вместе с тем, совсем недавно я столкнулась с примером успешного применения программы МП. Русский профессиональный переводчик, специализирующийся в нефтяной отрасли, сумел настолько ее «выдрессировать», что перевел с ее помощью сто страниц технического отчета с русского на английский за неделю, причем так, что американский редактор (тоже специалист по нефтянке) высоко оценил качество перевода и, в свою очередь, смог отредактировать эти сто страниц всего за 4 часа.

Здесь, однако, не следует упускать из виду две существенные подробности: во-первых, перевод выполнял человек с многолетним стажем работы переводчиком в крупнейшей международной нефтяной компании; во-вторых, предварительной «дрессировкой» программы (т.е.

выбором режимов ее работы и составлением собственной терминологической базы) он занимался семь лет.

Таким образом, при работе с техническими текстами машинному переводу можно найти применение. А вот для Диккенса, например, он не годится. Смотрите, что получается:

Оригинал

Dombey sat in the corner of the darkened room in the great arm-chair by the bedside, and Son lay tucked up warm in a little basket bedstead, carefully disposed on a low settee immediately in front of the fire and close to it, as if his constitution were analogous to that of a muffin, and it was essential to toast him brown while he was very new.

Перевод с сайта Systran (<http://www.systranbox.com>)

Положение Dombey ого в угле затмленной комнаты в большом кресле уходом за больным, и сына tucked вверх по теплomu в маленьком bedstead корзины, тщательно размещанном на низком settee немедленно перед пожаром и close to оно, если его конституция была аналогична к конституции muffin, и было необходимо toast он коричневое пока он был очень нов.

Перевод с сайта UCO (<http://www.uco.com.ua/translate>)

Dombey сидел в углу комнаты, которая темнеют, в большом кресле местом у кровати, и положение Сына подобрало теплый в немногих кровати корзины, тщательно расположенной на низком диванчике непосредственно перед огнем и близко к этому, как будто бы его телосложение было аналогично к тому из сдобы, и это имело большое значение для тоста его, коричневого, в то время как он был совсем новым.

Перевод с сайта PROMT (<http://www.translate.ru>)

Dombey сидел в углу затемненной комнаты в большом кресле местом у кровати, и Сын лежит подобранный теплый в небольшом остове кровати корзины, тщательно склонном на низком диване немедленно перед огнем и близко к этому, как будто его конституция походила на конституцию сдобы, и было существенно жарить его коричневый цвет, в то время как он был очень нов.

Ясно, что редактировать такой перевод бессмысленно: проще начать все сначала. Поэтому о возможности машинного перевода художественных текстов никто из производителей программ МП и не заикается. Вместе с тем, понятно, что если резко ограничить словарный запас и упростить грамматику переводимых текстов, то перевод выполняется с помощью простых подстановок и небольшого перебора вариантов. Здесь классическим примером является программа `Taum-m_t_o`, созданная Монреальским университетом для перевода прогнозов погоды с французского языка на английский. Ясно, что словарь и грамматика прогнозов погоды и так весьма ограничены, а если еще указать метеорологам, как именно им следует формулировать свои прогнозы, то машинный перевод будет просто неотличим от человеческого.

Вот в этих двух направлениях и идет работа: с одной стороны, с помощью выбора подходящей предметной области и предварительного редактирования стремятся предоставить компьютеру «удобные» тексты, а с другой – улучшают лингвистические алгоритмы, лежащие в основе программ МП.

Хотя разработками в этой области занимаются многие организации (изучается формальная структура различных языков, выявляются соответствия, разрабатываются алгоритмы и защищаются диссертации), на рынке доминируют продукты двух производителей: за рубежом это SYSTRAN, а в России – компания PROMT. Далее все примеры относятся к программе PROMT, поскольку приведенные выше переводы Диккенса показывают, что с переводом на русский она справляется лучше некоторых других. PROMT может работать с несколькими европейскими языками (в настоящее время реализовано 9 направлений перевода), но я буду приводить примеры ее переводов с английского на русский. Посмотрим, как компания PROMT совершенствует свои алгоритмы.

Вот как программа учится распознавать части речи:

Исходный текст

This need not matter but the following advice is aimed at those people for whom it is an inconvenience.

The forces, which included infantry of the *Nahal brigade* and engineering units, took strategic positions in the *city* and *arrested scores* of suspected terrorists.

She *reached* the *conclusion she reached* by ignoring a tremendous amount of facts.

About 10 percent of that will *contain detailed* linguistic tagging *encoded* in SGML.

Так PROMT переводил раньше

Эта потребность не *имеет* значение, но следующий совет нацелен на тех людей, для кого это является неудобством.

Силы, которые включали пехоту *Nahal* бригады и технических единиц, взяли стратегические положения в *городском* и *арестованном множестве* подозреваемых террористов.

Она *достигла заключения* она *достигнутый*, игнорируя огромное количество фактов.

Приблизительно 10 процентов из этого будут *содержать, детализировал* лингвистическую маркировку, *кодифицируемую* в SGML.

Так PROMT переводит теперь

Это не должно иметь значение, но следующий совет нацелен на тех людей, для которых это является неудобством.

Силы, которые включали пехоту бригады *Nahal* и технических единиц, взяли стратегические положения в *городе* и *арестовали множество* подозреваемых террористов.

Она *сделала вывод, которого* она *достигла*, игнорируя огромное количество фактов.

Приблизительно 10 процентов из этого будут *содержать детализированную* лингвистическую маркировку, *закодированную* в SGML.

А вот так совершенствуется перевод различных синтаксических конструкций:

Однородные члены

She crossed the road, *opened* the gate, and *entered* the graveyard.

Она пересекла дорогу, *открыл* ворота, и *вступил* в кладбище.

Она пересекла дорогу, *открыла* ворота, и *вошла* в кладбище.

Именная группа

But in a *panic situation* investors tend to ignore fundamentals and markets tend to follow each other.

Но в *панических инвесторах* ситуации имеют тенденцию игнорировать основные принципы, и рынки имеют тенденцию следовать за друг другом.

Но в *панической* ситуации *инвесторы* имеют тенденцию игнорировать основные принципы, и рынки имеют тенденцию следовать за друг другом.

Сложное предложение

His own support, he asserted, *was wider*.

Его собственная поддержка, он утверждал, *был широк*.

Его собственная поддержка, он утверждал, *была более широка*.

Примеры улучшенного перевода слова «that» в функции слова-заместителя:

The adrenalin rhythm is like *that* of body temperature, therefore, in its *general* timing *and* its general integration *with* the *sleep/wake cycle*.

Ритм адреналина походит на *это* температуры тела, поэтому, в ее выборе времени *генерала* и ее общей интеграции *со* *спящимся/пробужденным циклом*.

Ритм адреналина походит на *ритм* температуры тела, поэтому, в ее *общем* выборе времени и ее общей интеграции *с* *циклом сна и бодрствования*.

I was confident that the missing cup was *that* of *Mademoiselle Cynthia*.

Я был уверен, что *отсутствующая* чашка была *этим* мадемуазели Синтии.

Я был уверен, что недостающая чашка была *чашкой* мадемуазели Синтии.

Примеры перевода различных лексических оборотов, включая разрывные:

Within a generation *or so* the material basis for socialism would be laid.

В пределах поколения *или так что* материальное основание для социализма было бы положено.

В пределах *приблизительно одного* поколения было бы положено материальное основание для социализма.

When I was *running* a *search* on Google and other *search engines*, I found out that the article *in its entirety* was also published online.

"We have *worked closely with the Athens Organising Committee* to ensure environmental protection measures were considered *right from the start*," said *IOC spokeswoman Giselle Davies*.

Когда я *управлял поиском* на Google и других *двигателях поиска*, я узнал, что статья *в ее полноте* была также издана онлайн.

"Мы работали *близко с Комитетом Организации Афин*, чтобы гарантировать, что меры защиты окружающей среды рассматривали *прямо от начала*," сказала *ИОС* представительница *Джизелл Давис*.

Когда я *запускал поиск* на Google и других *поисковых машинах*, я узнал, что статья *полностью* была также издана онлайн.

"Мы работали *в тесном сотрудничестве с афинским Организационным комитетом*, чтобы гарантировать, что меры защиты окружающей среды рассматривали с *самого начала*," сказала представительница *МОК Жизель Давис*.

Не сомневаюсь, что даже перевод, размещенный в правой колонке, ни у кого не вызовет восторга — это очевидный подстрочник. В большинстве случаев — хотя и не всегда — он вполне понятен и поддается редактированию. Однако нередко при использовании программ МП смысл текста искажается или пропадает вовсе, причем первый случай опаснее, потому что его легко пропустить при редактировании. Чаще всего ошибки программ МП принципиально отличаются от человеческих — исключение составляют ошибки пунктуации: как видно из последнего примера, компьютер, как и многие неопытные переводчики, местами повторяет пунктуацию оригинала, поэтому редактирование машинного перевода — весьма трудоемкое и неприятное занятие.

Однако, если речь идет о больших массивах однородного текста (с повторяющейся лексикой и грамматическими структурами), эту работу можно существенно облегчить за счет предварительной настройки программы.

Прежде всего нужно выбрать тип текста (общий, юридический, компьютерный и т.п.). Затем можно задать список зарезервированных слов (встречающихся в тексте фамилий, географических названий, названий компьютерных программ), которые нужно не переводить, а транслитерировать или вообще оставлять на английском языке. Кроме того, можно создать специальный словарь, включив в него те переводы часто встречающихся в тексте слов и выражений, которые вас наиболее устраивают. Можно выбрать и вариант перевода местоимения you: *Вы, вы* или *ты*. Разумеется, вся эта кропотливая работа окупает себя, только если речь идет о достаточно большом тексте. Представим себе, например, что нужно перевести многостраничное руководство к компьютерной программе Outlook. Если перед началом работы провести настройку программы МП, то перевод можно значительно улучшить. Вот небольшой пример:

Исходный текст

This version of Outlook includes new capabilities designed to help you access, prioritize, and act on communications and information so that you may use your time more efficiently and more easily manage the ever-increasing flow of incoming e-mail.

To give you some idea of what is possible with Outlook 2003, we have put together a list of our favorite new features.

Перевод до настройки

Эта версия *Перспективы* включает новые *способности*, разработанные, чтобы помочь Вам *получить доступ*, располагать по приоритетам, и *акту на коммуникациях* и *информации* так, чтобы Вы могли использовать ваше время более эффективно и более легко управлять постоянно увеличивающимся потоком *поступающей* электронной почты.

Чтобы давать Вам некоторую идею относительно того, что является возможным с *Перспективой* 2003, мы *соединили* список наших любимых новых особенностей.

Перевод после настройки

Эта версия *Outlook* включает новые *возможности*, разработанные, чтобы помочь вам *обращаться*, располагать по приоритетам, и *действовать в соответствии с средствами связи* и *информацией* так, чтобы вы могли использовать ваше время более эффективно и более легко управлять постоянно увеличивающимся потоком *входящей* электронной почты.

Чтобы давать вам некоторую идею относительно того, что является возможным с *Outlook* 2003, мы *составили* список наших любимых новых особенностей.

Исходный текст

Outlook helps you read, organize, follow-up, and find e-mail messages more efficiently than before. The new window layout displays more information on the screen at one time, even on smaller monitors.

The list of messages has been redesigned to use space more intelligently; as a result, you will spend less time scrolling and more time getting your work done. Automatic grouping of your messages helps you find and go to e-mail messages anywhere in the list more quickly than before; you can even move or delete all messages in a group at once!

Итак, с одной стороны, программы МП достигли больших успехов. Они умеют распознавать довольно сложные грамматические конструкции, обладают обширным словарным запасом, используют при работе специализированные словари и словари идиом. У них есть гибкие системы настройки, которые позволяют в основном правильно переводить несложные технические тексты. Вместе с тем, сфера их применения весьма узка: их используют либо для беглого ознакомления с большими массивами документации и выбора наиболее важных фрагментов, которые затем отдаются на перевод людям, либо для подстрочного перевода больших текстов с фиксированной терминологией и несложной грамматикой. В последнем случае — хотя сам перевод огромного фолианта может занять всего несколько минут — потребуются дополнительные усилия квалифицированного технического переводчика, который потратит много часов (а то и дней) на настройку программы и редактирование полученного текста.

Перевод до настройки

Перспектива помогает Вам читать, организовать, **продолжению**, и находить сообщения **электронной почты** более эффективно чем прежде. Новое **расположение** окна **показывает больше информации относительно экрана однажды**, даже **относительно** меньших **мониторов**.

Список сообщений был перепроектирован, чтобы использовать **место** более разумно; в результате Вы проведете меньше времени, **зависаясь** и больше времени, получая вашу сделанную работу. **Автоматическая группировка** ваших сообщений помогает Вам **находить и идти, чтобы послать по электронной почте** сообщения где-нибудь в списке более быстро чем прежде; Вы можете даже переместить или удалить все сообщения в группе сразу!

Перевод после настройки

Outlook помогает вам прочитать, организовать, **отследить**, и найти **электронные** сообщения более эффективно чем прежде. Новое **размещение** окна **отображает подробную информацию на экране за один раз**, даже **на меньших мониторах**.

Список сообщений был перепроектирован, чтобы использовать **пространство** более разумно; в результате вы проведете меньше времени, **листая** и больше времени, получая вашу сделанную работу. **Автоматическое группирование** ваших сообщений помогает вам **находить электронные сообщения** где-нибудь в списке более быстро чем прежде; вы можете даже переместить или удалить все сообщения в группе сразу!

Новелла Матвеева

КОМПЬЮТЕР

Не знали ни Эразм, ни Лютер,
Ни Лев Толстой на склоне дней
Того, что знает наш компьютер,
Поскольку он их всех умней.

О, сколько фактов, цифр, идей
(Смысл жизни, моря перламутр,
Свет горних сфер) взирает внутрь
Он в ненасытности своей!

«Кто лучше всех?» «Почем каракуль?» —
Тьмы высших истин наш оракул
Вдруг выложит нам до конца!
Но даже он нам дать не сможет
Того... чего в него НЕ ВЛОЖИТ
Рука лукавого жреца.

Размышления о рынке переводческих услуг

Ю.М. Алексеев

Данная статья не является ни обзором, ни тем более анализом процессов, идущих на рынке переводов, поскольку претендовать на это при современном состоянии рынка, в частности его информационной составляющей, просто несерьезно.

Размышления о рынке переводов необходимо предварить своего рода аксиомами. Их можно найти почти в любом учебнике по маркетингу, поэтому здесь нет нужды приводить развернутое доказательство их правильности. Однако они позволят нам глубже понять сам предмет рассуждений, а также суть процессов и тенденций, которые наблюдаются на нашем рынке.

Аксиома первая: перевод — это интеллектуальная услуга. Следовательно, рынок переводов — это рынок интеллектуальных услуг.

Аксиома вторая: услуга как таковая отличается от производства материальной продукции специфическими свойствами (особенностями). *Первой особенностью* является тесное взаимодействие (личный контакт) исполнителя услуги с заказчиком (примеры: врач и пациент, адвокат и подзащитный). От этого взаимодействия в значительной мере зависит результат (качество услуги). *Вторая особенность* состоит в высокой индивидуализации услуги с обеих сторон: заказчик хочет получить именно то, что нужно ему, исполнитель в состоянии обеспечить этот результат, если взаимодействие между сторонами (см. п. 1) налажено долж-

ным образом. Отсюда следует, что «конвейерное производство» услуг неизбежно ведет к падению их качества. *Третья особенность* вытекает из первых двух: услуги (в первую очередь интеллектуальные) лишь в весьма ограниченной степени поддаются автоматизации, т.е. замена живого труда специалиста автоматами (компьютерами) возможна лишь отчасти. Главная роль принадлежит человеку. А везде, где главный исполнитель человек (врач, тренер, преподаватель), крайне важен психологический аспект (психологическая совместимость). Поэтому *четвертой важной особенностью* услуг является система взаимных предпочтений (преференций), которая постепенно складывается в отношениях между заказчиком и исполнителем услуги. Согласно этим предпочтениям обе стороны вырабатывают критерии, на основе которых они сначала выбирают друг друга, а затем развивают свои отношения.

Попытаемся через призму вышесказанного проанализировать рынок переводческих услуг, сложившийся сейчас в Москве. Как и на любом рынке, здесь существуют: спрос на услуги (заказчики), предложение услуг (переводчики) и, разумеется, посредники (переводческие бюро). Следует сразу отметить два обстоятельства, которые во многом определяют атмосферу, господствующую на рынке переводческих услуг, и объясняют большое количество деформаций (ненормальностей) этого рынка — это абсолютная непрозрачность рынка и высокая степень недоверия всех ко всем.

Непрозрачность выражается, в частности, в том, что сегодня никто не в состоянии даже весьма приблизительно сказать, сколько (официально зарегистрированных) переводческих бюро работает в Москве. Мне приходилось слышать цифры от 100 до почти тысячи. Но самый честный и правильный ответ на этот вопрос был сформулирован следующим образом: «Этого не знает никто. Хотя бы потому, что есть переводческие бюро, обслуживающие одну-две компании. Им нет нужды тратить на рекламу, поэтому о их существовании знают очень немногие. При этом по объему переводимых ими материалов они могут превосходить многие из тех компаний, которые постоянно дают рекламные объявления». Понятно, что в такой ситуации «сосчитать» так называемых физических лиц, которые выполняют переводы напрямую для заказчика, и вовсе невозможно. А многие из них переводят (устно или письменно) практически каждый день. На этом фоне попытка «определить объем рынка переводческих услуг» может вызвать только улыбку. Мне известны две такие попытки, которые были предприняты в течение последнего года. Эксперт Гильдии маркетологов в аналитическом обзоре рынка технических переводов Московского региона за 2003 год на основе опросов 18 (!) переводческих бюро прогнозировала на 2004 год объем рынка в денежном выражении в 30–60 млн. долларов (с учетом ожидаемого 20-ти процентного роста). Фрилансеры в этом исследовании просто проигнорировали. Другая попытка была предпринята анонимным экспертом на веб-странице НАП (www.napcom.ru/exchange1.php). В ней фигурирует цифра 152 млн. долларов. Позволю себе заметить, что все это очень напоминает подсчет звезд на небе невооруженным глазом при плохой погоде. Кроме того, и в том, и в другом случае речь идет о попытке оценить только часть спроса на переводы, точнее, только часть спроса на письменные переводы, более того, только на те, которые принято относить к так называемым техническим переводам. Недавние дискуссии в рамках Клуба переводчиков показали, что

термин «технические переводы» нуждается, как минимум, в модернизации.

Получить более или менее полную картину рынка (со стороны предложения услуг) можно только на основании результатов опроса большинства активно работающих на рынке переводчиков (не посредников!). Однако на сегодня этому препятствуют, как минимум, два обстоятельства. Во-первых, не существует организации, которая в состоянии составить список опрашиваемых. Во-вторых, информацию о себе переводчики раскрывают крайне неохотно. На сегодня мы имеем море предложений типа «делаю/делаю срочные переводы любого объема, любой тематики и сложности», а на деле грамотный заказчик ищет переводчиков через знакомых и по рекомендациям. Реально на рынке существует острый дефицит квалифицированных переводчиков даже по так называемым основным европейским языкам.

Непрозрачность распространяется и на стержневой элемент любого рынка – ценообразование. Переводчики «засекречивают» цены друг от друга. Расценки на переводы колеблются в немыслимых пределах. На рынке царит демпинг, который в конечном счете бьет по всем, в том числе по заказчикам, которые перестают понимать, где искать и как выбирать переводчиков из той массы переводческих бюро и фрилансеров, которые рекламируют себя как «самых-самых». Это ведет (и уже привело) к тому, что заказчик не доверяет переводчикам в принципе – «все равно сделают плохо», а значит, нужно выбирать по принципу дешевизны. То, что такой подход (особенно в отношении устного перевода) приводит к фатальным последствиям, заказчику становится ясно лишь тогда, когда из переведенного документа ничего понять невозможно, а мероприятие оказалось загублено усилиями старательного, но малоквалифицированного переводчика.

Недоверие, определяющее в данный момент суть и характер отношений на рынке переводов, отчасти является следствием непрозрачности рынка, отчасти связано с исторически сложившимися

особенностями оказания переводческих услуг. Имеется в виду работа без предоплаты. Письменный договор на выполнение переводов (если таковой вообще имеет место) тоже, как правило, заключается после выполнения работ. Поэтому переводчики боятся, что заказчик не оплатит работу – и такие случаи бывают. Заказчик, в свою очередь, боится, что перевод будет сделан плохо – такое тоже бывает. Понять природу недоверия обеих сторон несложно. Недоверие переводчиков к заказчикам (и посредникам): оплата работы после оказания услуги – это всегда повод для волнения у того, кто эту работу сделал. Отсутствие не то что мощной, хоть какой-нибудь организации, реально защищающей элементарные права переводчиков, только усугубляет ситуацию, в которой каждому приходится надеяться только на самого себя. О том, что нужно будет сделать перевод документа (мероприятия), большинство заказчиков вспоминают тогда, когда говорить о письменном оформлении отношений по меньшей мере неуместно, – нужно, не теряя времени (оно уже потеряно), обсуждать условия и приступать к работе. Понять, почему заказчик не уверен в том, что перевод будет выполнен качественно, тоже нетрудно: единственный источник имеющейся у него информации о переводчике – сам переводчик. Заказчик вправе сомневаться в объективности такой информации. Положение усугубляется тем, что существует следующая закономерность: чем ниже квалификация переводчика, тем меньше его загруженность, следовательно, тем больше он заинтересован в получении нового заказа. И будет готов взяться за все (скорее всего, на условиях заказчика), в том числе и за перевод по той тематике, в которой слабо разбирается, уверяя заказчика в том, что «переводит все одинаково хорошо». А заказчик, видя со стороны переводчика готовность идти навстречу, надеется на лучшее. Когда выясняется, что надежды были иллюзорными, скептицизм в отношении всех переводчиков и качества их работы только возрастает.

Отсутствие у заказчика информации о том, кто и на каких условиях в состоянии успешно выполнять письменные и устные переводы, приводит к опасной, прежде всего для будущего переводческой профессии, деформации рынка – постепенному снижению цен на переводческие услуги при остром дефиците профессионалов.

Автор считает, что в рамках данной статьи ему удалось лишь обозначить те болевые точки в отношениях переводчиков и заказчиков, которые в конечном счете отражаются на работе каждого из переводчиков, и надеется на продолжение дискуссии как на страницах журнала «Мосты», так и на мероприятиях, проводимых Национальной лигой переводчиков. Уже сам процесс поиска ответов на эти вопросы позволит нам точнее увидеть проблемы нашего рынка и приступить к поиску их решений. Только взяв на вооружение девиз «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», переводческое сообщество будет в состоянии постепенно выправить ситуацию и создать более нормальные условия для своей профессиональной деятельности.

Национальная лига переводчиков была зарегистрирована в июне 2004 г. в форме некоммерческого партнерства.

Свою задачу Лига переводчиков видит в усилении позиции профессиональных переводчиков на рынке, то есть в последовательной работе над тем, чтобы:

- заказчики, которым нужны профессионально выполненные переводы, знали, как выйти на того переводчика, который разбирается в специфике его отрасли, и понимали, какие условия должен создать заказчик, чтобы внести свою лепту в хороший перевод;
- создать базу данных профессиональных переводчиков с указанием их переводческого профиля (специализации);
- провести аттестацию (сертификацию) переводчиков по заявленным специализациям;
- организовать коммуникацию между переводчиками и заказчиками.

Это позволит создать нормальные условия для работы переводчиков. От этого выиграет качество переводов, от этого выиграют все.

Да – защите качества. Нет – апологетике халтуры

Б.Н. Климзо

Начиная в журнале «Мосты» № 1 разговор о качестве технического перевода “Quality Versus Time”, я был готов к продолжению дискуссии. Однако статья В.И. Короля “Reality Versus Nostalgia” («Мосты» № 3), в которой автор предлагает «ещё один взгляд на технический перевод» в дополнение к соображениям, высказанным мною, по сути является выступлением, в котором подвергаются сомнению или даже отрицаются принципы, которые я отстаивал многие годы. Поэтому я обязан вернуться к принципиально важным для меня вопросам. Продолжая трудиться на переводческом поприще и черпая информацию о переводческих проблемах не из зарубежных книжек, а из живого повседневного общения с переводчиками, заказчиками и посредниками, я живу настоящим, но не хотел бы, чтобы было забыто то хорошее прошлое, которое очень необходимо и сегодня.

В.И. Король уверяет, что в эпоху борьбы за качество на государственном и общественном уровне всю процветала халтура. Ну кто же спорит: халтура была, есть и, увы, будет всегда.

Мне неинтересно было говорить о халтуре по двум причинам. Во-первых, у меня иные воспоминания. Молодым инженером я (по совместительству и за полставки) переводил на английский чертежи военного аэродрома, который строился в дружественной нам африкан-

ской стране. Переводя, я попутно проверял чертежи и выдавал заказчику список бросающихся в глаза ошибок (например, в простых сварных узлах). Когда в африканской стране произошел переворот, заказчик еще несколько месяцев выплачивал мне зарплату в надежде, что произойдет новый переворот и наше сотрудничество продолжится. Халтурщиков к таким работам не подпускали. А позднее я работал в издательстве «Мир», в котором к высокому качеству переводов стремились не на профсоюзных собраниях, а ежедневно разбирая с переводчиками конкретные вопросы научного, логического, языкового и чисто переводческого характера. В переводчики отбирали только тех, кто выдерживал жесткие издательские требования и непрерывно повышал свой переводческий потенциал.

Во-вторых, в моей статье о качестве можно было бы, конечно, привести множество примеров удивительной халтуры в переводах, но, как говорил А.Л. Пумпянский, не следует останавливаться на примерах плохих переводов (всё равно их все не предусмотреть) – нужно учить хорошему переводу. Однако теперь к вопросу о халтуре мне придется обратиться – заголовок этой статьи обязывает.

Утверждая, что в советские времена было много хороших переводчиков, я понимаю, что может возникнуть вопрос: где же они сейчас, когда так возросла потребность в переводческом труде?

Отвечаю: некоторые из них там же, где многие хорошие инженеры и научные работники — переквалифицировались в снабженцев и продавцов. Некоторые устроились на работу в иностранные компании. Кто-то пополнил ряды пенсионеров. Иные уехали из страны. Сам факт изменения в балансе переводчиков не может служить доказательством не-профессионализма переводчиков доперестроечных времен. С другой стороны, я, говоря о высоком профессионализме многих переводчиков, с которыми мне приходилось общаться в столице и на периферии, совсем не собираюсь отрицать того, что в переводческих бюро и патентных группах различных институтов и предприятий не было слабых переводчиков, а среди внештатных переводчиков не было халтурщиков.

Теперь о рыночных отношениях и в связи с этим о так называемом классовом подходе. У меня прекрасные и доверительные отношения с приличными работодателями, но я действительно осуждаю беззастенчивое стремление некоторых посредников нажиться на труде переводчиков. Один пример: в России по традиции и в соответствии с существовавшим стандартом, объем работы, выполненной переводчиком, оценивается по количеству знаков, к числу которых относятся пробел и абзац. Так вот, некоторые московские переводческие бюро пытаются не оплачивать переводчикам пробелы между словами! Отрезвить их может только обещание переводить без пробелов. В то же время я не опровергаю законов рынка и меня не волнует исключительно «жадность» посредников. В моей первой статье речь идет о другом — прочтите повнимательнее раздел «Отношения между компанией-подрядчиком и переводчиком-фрилансером». Я говорю о рычагах повышения качества, которыми ленятся, бояться или не догадываются воспользоваться многие посредники, заботясь только о достижении «разумного компромисса» с переводчиками.

Кстати, если уж речь зашла о классовом подходе, то мне придется дополнить

автора статьи “Reality Versus Nostalgia”. Он почему-то не упоминает об одном интересном аспекте, связанном с классовыми отношениями и с той же самой халтурой. По меткому наблюдению одного моего знакомого профессионального переводчика и редактора, в России всегда существовало, среди прочих, и «пролетарское отношение к работе», согласно которому следовало постараться сделать работу как можно хуже, но заработать как можно больше. При этом «пролетарии» совсем не обязательно относились к классу пролетариата — они встречались среди представителей самых разных социальных групп, профессий и рангов. Совершенно очевидно, что такое циничное отношение к работе не связано с рынком и обусловлено исключительно менталитетом, менталитетом халтурщика. Пользуясь художественным образом, нарисованным моим знакомым, можно сказать, что «пролетарское отношение к труду» и профессионализм это — две непересекающиеся линии, а халтура при переводе и стремление к достижению высокого качества при переводе — два противоположных полюса. В нашей редакции еще в социалистическую эпоху многие годы переводил доктор технических наук, которого мы очень ценили как консультанта по механическим колебаниям. Он почти неизменно выполнял переводы на грани фола, получая за авторский лист по минимуму, но успевая за время, отведенное для качественного перевода одного листа, весьма посредственно перевести два листа, и в результате зарабатывал больше «в единицу времени». Мы могли себе позволить мириться с этим, поскольку усилиями редакторов качество на выходе все же обеспечивалось. Таким образом, призывая в своей статье к качеству, я имел в виду вполне определенный аспект классового подхода.

Если, рассуждая о зависимости между сроком и качеством перевода, я подразумевал перевод проектов, относящихся к строительству крупных промышленных объектов, то автор статьи “Reality Versus

Nostalgia” рассматривает переводы инструкций по стиральным машинам и банковской документации, имеющей второстепенный, проходной характер. Если я говорил об активном общении переводчиков с инженерами-авторами проектных документов, которые работают бок о бок с переводчиком или, наоборот, находятся за океаном, а сроки делятся на стратегические и тактические, то в случае перевода инструкций по стиральным машинам или по видео-, аудиотехнике, когда контакт переводчика с автором переводимого документа немыслим, ситуация совсем иная. Похожая непростая ситуация существует, когда приходится переводить сборники, составленные из коротких инструкций, каталожных листков и бюллетеней, принадлежащих различным фирмам и объединенных только общей темой. Переводчик сталкивается с разнообразием в терминологии, множеством фирменных аббревиатур и невозможностью добраться до многочисленных авторов. Да, совершенства в этом случае трудно достичь. И конечно же, нельзя не согласиться с утверждением, что никто не откажется от покупки импортной стиральной машины, если даже перевод инструкции по пользованию ею неудобен. Но это не может служить универсальным аргументом в пользу допустимости слабых переводов. Зависимость между сроками и качеством и цена ошибок в переводе в случае крупных проектов и в случае бытовой техники совершенно различны. Вот это переводчикам нужно иметь в виду.

Признавая наличие творческой составляющей в труде переводчика, ей все же, на мой взгляд, отводят незаслуженно низкое место. «Аргумент» приводится простой: в каждой профессии есть место творчеству, однако никто не принимает творчество во внимание, назначая сроки. «Согласитесь, — продолжает приверженец такого аргумента, — весьма сложно говорить о нетворческом труде разработчика автомобиля или даже руководителя строительства». Соглашаюсь, только вот

у руководителя творческая составляющая занимает совсем не то место, что у разработчика (и у переводчика!). Еще один сомнительный аргумент: «в подавляющем большинстве случаев никто не ссылается на творческий аспект при срыве сроков». Вот именно — в подавляющем большинстве, но не в случае с переводчиком! И еще: разработчики на творческие проблемы как раз и ссылаются, а вот при срыве сроков по вине руководителя строителей больше интересуются не творческими, а организационными способностями виновника. Творческая составляющая у разработчика автомобиля значительно больше, чем у штамповщика кузовных деталей; и разработчик автомобиля не может качественно реализовать свой творческий потенциал, если ему приходится работать в режиме очень сжатых сроков, а поэтому его начальству нужно заботиться о назначении реальных сроков (хотя это и не всегда удается). У разработчика, как у представителя «интеллектуальной деятельности», голова продолжает работать над проблемой, даже когда он отходит ко сну. А поэтому труд разработчика автомобиля нельзя отождествлять с трудом штамповщика, токаря или автослесаря, так как их труд в несравненно большей степени поддается нормированию.

Жаль, конечно, что приходится останавливаться на таких очевидных вещах, но как еще иначе показать абсурдность попыток принизить роль творческой составляющей в профессии технического переводчика. Подчас акценты смещены и в вопросе «жестких сроков исполнения работы». Я совсем не требую создания для переводчиков тепличных условий труда. Мне самому нередко приходится работать с очень малыми сроками. К чему это ведет — к 16-часовой работе в сутки в течение, например, недели. Это ненормально, а главное, этого можно избежать. Все упирается в организацию труда на всех уровнях, не только на переводческом. Поэтому я и обращаюсь к посредникам: не закладывайтесь на срыв

срока переводчиком; не ведите себя пассивно при назначении сроков непосредственным заказчиком; не забывайте выдавать работу переводчику вовремя; не халтурьте, наконец. Обо всем этом подробно говорится в моей статье в первом номере «Мостов».

Я еще раз хочу высказать твердую позицию в отношении ошибок оригинала, предоставленного переводчику. Этот вопрос серьезный. И когда автор статьи “Reality Versus Nostalgia” руководствуется сомнительной позицией, суть которой в том, что «если ошибки содержатся в руководстве по эксплуатации некоторого изделия, то их наличие может оказаться полезным (!) при предъявлении претензий поставщику при поломке этого изделия», то он хочет сказать, что и посредник, запрещая переводчику исправлять явные ошибки, допущенные автором в оригинале, руководствуется такими соображениями. Конечно, авторы не предполагают присутствие ошибок в своих работах, поэтому и не дают «непосредственных указаний на то, что надо делать в переводе с ошибками оригинала». В противном случае они удосужились бы прочесть свою работу еще раз. Здравый смысл заставляет В.И. Короля все же признать, что «представляется более конструктивным сразу оговаривать, что надо делать с ошибками оригинала и как информировать заказчика о местонахождении ошибок». Оказывается, и он понимает, что исправлять ошибки надо. Нужно только договариваться. Просто к этому очевидному выводу ему пришлось идти таким вот окружным путем.

Повторю — вопрос исправления ошибок оригинала очень серьезен. Я неоднократно обращался к нему в своих статьях и книге «Ремесло технического переводчика» (М., Р.Валент, 2003 г.). Поэтому сейчас ограничусь лишь одним конкретным примером. Совсем недавно двум моим коллегам пришлось работать с довольно большим техническим документом, который необходимо было срочно перевести, чтобы заказчик (не посред-

ник) мог использовать перевод в переговорах. Документ оказался очень сырым и содержал массу ошибок, оговорок и рабочих сокращений автора, которые были непонятны даже его сослуживцам. Понимая это, заказчик обратился к переводчикам с просьбой «задавать как можно больше вопросов» (And do not worry: the more questions you have the more precise the translation will be). В результате переводчики выступили в дополнительной роли редакторов оригинального текста и даже отчасти менеджеров, поскольку помимо сжатых сроков были и другие сложности чисто организационного свойства. Например, огромная разница в часовых поясах, затруднявшая оперативное общение.

Кому-то может показаться, что взятие переводчиками на себя дополнительных функций нецелесообразно. Заказчик, получивший «вылизанный» перевод точно к назначенному сроку, был совсем другого мнения. Несмотря на все сложности, качество перевода не было отодвинуто на последнее место, так как переводчики привычно выложились на все 100 процентов. Такой здоровый максимализм — не редкость в среде профессиональных переводчиков. В этой связи обобщение автора статьи “Reality Versus Nostalgia” о том, что «критерий качества перевода стоит на последнем месте, а в ряде случаев вообще почти не принимается во внимание», по меньшей мере удивляет. Не хотелось бы думать, что здесь сознательно поощряется халтура. Но фактически-то это так. Чем опасно такое обобщение? Тем, что оно создает ловушку, в которую могут попасть малоопытные переводчики, и лазейку, которой могут воспользоваться недобросовестные переводчики.

Теперь о сокращении сроков переводов. Автор статьи “Reality Versus Nostalgia” пытается убедить читателя в том, что сокращение таких сроков — единственно возможный путь решения проблемы в повышении производительности труда переводчика. Здесь якобы в качестве главного

резерва выступают информационные технологии. Резерв этот, по мнению приверженцев данной точки зрения, недоиспользуется из-за технической отсталости России (а отсюда «мнение о вредном влиянии информационных технологий на качество перевода») и из-за «низкой профессиональной культуры пользователей информационных технологий» (читай: нашего брата-переводчика).

Ну что тут сказать? О тенденции превращения переводчика в машину путем повышения его производительности (с помощью информационных технологий) я высказался достаточно определенно и подробно в своей статье. Нет смысла также повторять, что производительность переводчика — действительно эффективное средство сокращения срока перевода, но не путь повышения его качества. Даже если начинающий переводчик превратится в очень «продвинутого» пользователя информационных технологий, этого будет далеко недостаточно для создания им качественного перевода.

Я еще раз подчеркиваю: профессиональные переводчики не умаляют достоинств информационных технологий и активно ими пользуются. Однако многих из них (и меня в том числе) не волнует бум и конкурентная борьба на рынке продвижения новых компьютерных программ. По вполне понятным причинам не заботят переводчиков и проблемы локализации (и реализации) этих программ. Но нас, как пользователей хороших информационных технологий, беспокоит безудержная эйфория вокруг некоторых полезных программных продуктов. Почему волнует, поясню на одном конкретном примере.

Очень полезен такой инструмент переводчика, как TRADOS, который целесообразно использовать при переводе больших пакетов идентичных документов, например, инструкций по эксплуатации и обслуживанию различного оборудования крупной машиностроительной компании. При этом перевод нередко

осуществляется группой независимо работающих и живущих в разных странах переводчиков, которых TRADOS объединяет. Полезна эта система и отдельному переводчику, накопившему большую терминологическую и фразеологическую базу и работающему над любыми заказами, не обязательно крупными. Она, безусловно, облегчает работу такого переводчика, а его базы данных (т.е. Translation Memory и MultiTerm) служат ему надежным подспорьем. Но если переводчика обязывают работать в TRADOS и высыпают материал, в котором 9/10 уже переведено, а от переводчика требуется лишь перевести оставшуюся непереуведенной 1/10 и при этом использовать не подлежащую критике базу данных, он ощущает себя придатком компьютера. Это чувство еще более усиливается потому, что заказчик запрещает переводчику критически относиться к переведенным кем-то 9/10. Я не буду останавливаться на муках, которые испытывает редактор, работающий с TRADOS.

Конечно, TRADOS в том, как его используют, не виноват, однако сказанное выше — не единственная претензия к тем, кто так уродливо эксплуатирует TRADOS. Как справедливо замечает В.Н. Грабовский (см. его статью во втором номере «Мостов»), TRADOS «в своей последней версии оброс таким набором инструментов, что простому пользователю разобраться в них очень сложно». Да и простому не проще. Чтобы разобраться в TRADOS, нужно прочесть несколько сотен страниц инструкций. Для обслуживания этой программы крупные переводческие бюро вынуждены нанимать специального работника. А дальше — больше. Мода на TRADOS приводит к тому, что среди переводческих компаний проявляется ажиотажный интерес к TRADOS вне зависимости от действительной необходимости в этом инструменте. Выше уже упоминалось, что применение TRADOS оправдано при переводах крупных промышленных проектов, которые под силу только

крупным переводческим компаниям. Но вот в чем парадокс: даже захудалые европейские посредники, занимающиеся всем понемногу, то есть технической литературой наряду с коммерческой, юридической и медицинской, а заодно литературой по туризму, гастрономии, спорту, моде, стилю жизни и плюс ко всему – художественной литературой, требуют от переводчиков указывать в резюме, владеют ли те TRADOS. Такое впечатление, что ссылка (всего лишь ссылка!) на умение пользоваться TRADOS служит для таких компаний чуть ли не главным свидетельством высокого профессионального уровня переводчика.

В заключение я все же хочу сказать о содержательной и формальной сторонах взгляда на технический перевод, изложенного в статье “Reality Versus Nostalgia”. Прежде всего, по моему мнению, бросается в глаза явная ангажированность и чисто посредническая заинтересованность ее автора, работающего администратором издательства. Это и обоснование низких переводческих ставок соображениями высокой себестоимости и низкой продажной цены изданий в России (очень частный вопрос, но совсем не переводческая проблема). Это и крик души по поводу непонимания переводчиками необходимости получения достаточно высокой прибыли посредниками. Это и реклама выпускаемых в его издательстве переводов зарубежных книг.

Что же касается структуры и формы изложения, то они очень напоминают выступления на интернетовских форумах. Здесь и рассуждения, не относящиеся к теме обеспечения качества (воспоминания о переводчиках-халтурщиках и коррумпированных редакторах, отступления по поводу идеологии разработки программных продуктов). Здесь и неубедительная аргументация. Здесь и ряд мест, где автор статьи “Reality Versus Nostalgia” прямо противоречит самому себе, то призывая переводчиков не бояться сжатых сроков, то советуя языком зарубежных авторитетов: «Никогда не бе-

ритесь за работу с заведомо невыполнимыми сроками». Он выступает то против исправления ошибок в оригинале, то за их исправление. То иронизирует по поводу творческой составляющей в работе переводчика, то вдруг признает, что «труд переводчика действительно содержит значительную (!) творческую составляющую».

Я прошу меня извинить за некоторую резкость высказываний, но такие эклектизм, поспешность и противоречивость в изложении собственных точек зрения – признаки уже упоминавшегося «пролетарского» подхода, хотя и выдаваемого за «ещё один взгляд». Я, как и многие мои коллеги, прочитавшие статью “Reality Versus Nostalgia”, против такого подхода как при переводе, так и при обсуждении проблем перевода.

Новелла Матвеева

ОБРАТНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

*Шелковистый бейт я делаю из камня.
Рудаки*

«Я из камня сделал шелковое слово», —
Некогда сказал великий Рудаки.
Да. Но он не знал, что переводчик
Снова

Сделает кирпич
Из шелковой строки.

Советы синхронистам, и не только

М.Я. Цвиллинг

Публикуемые ниже «Советы синхронным переводчикам и тем, кто хотел бы стать таковыми» возникли в голове автора под свежим впечатлением его профессионального боевого крещения на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в ноябре 1957 г. (см. «Мосты», 2004, № 1, стр. 11). Первоначально они появились в новогоднем номере немецкоязычной стенгазеты МГИМО, издававшейся кафедрой немецкого языка, на которой тогда трудился автор. Стенная печать МГИМО в то время блистала своим незаурядным журналистским уровнем и остроумием, и нам, «немцам», тоже не хотелось ударить в грязь лицом — *noblesse, как говорится, oblige*. Газета провисела на стене положенное число дней и исчезла в небытие. Надолго забыл о своем опусе и автор.

Однако несколько лет спустя тот же текст попался мне на глаза уже в стенгазете переводческого факультета МГПИИЯ им. М. Тореза. Оказывается, не кто иной, как незабвенный Б.Э. Шванебах когда-то записал в МГИМО этот текст и с присутствующей ему чисто немецкой добросовестностью хранил «до лучших времен». Не записав, видимо, в свое время имени автора, он представил эти «Советы» как сочинение неизвестного переводчика, придав им тем самым уже некий фольк-

лорный статус. Тут-то и я вспомнил о своей давней шутке, разыскал чудом сохранившийся в запыленных папках оригинал (а то, чего доброго, мой уважаемый бывший учитель заподозрил бы меня в желании присвоить себе авторство анонимного сочинения) и дал этому «произведению» вторую жизнь.

Тогда только-только начали становиться на ноги «Тетради переводчика», и «Советы» попали в их второй выпуск, вышедший ровно 40 лет назад. Видимо, они привлекли к себе внимание некоторой части профессионального сообщества переводчиков, так как вскоре мне прислали из Женевы номер «Interprète» с их перепечаткой. В выходящем в ГДР журнале «Fremdsprachen» его главный редактор Отто Каде также уделил им внимание в критическом обзоре «ТП». Правда, как истый гэдэровец, он подошел к ним со всей серьезностью. Конечно, я не мог не согласиться с его критикой по существу, и признал в разговоре, что правильнее было бы назвать эти поучения «Советами плохому синхронисту», но юмор есть юмор, и «могій вмѣстити, да вмѣститъ» (Мф. 19.12).

Думаю, что «Советы» эти не утратили своей актуальности и сегодня, и читатели «Мостов», прежде всего молодые, прочтут их не без удовольствия и пользы для себя, воспринимая, разумеется, их содержание *cum grano salis*.

* В переводе с латинского: букв. «с крупинкой соли»; остроумно; с иронией.

RATSCHLÄGE FÜR SIMULTANDOLMETSCHER UND SOLCHE, DIE ES WERDEN WOLLEN

1. Genau übersetzen ist gut, aber die Hauptsache ist – schweig nicht, wenn der Redner spricht. Dein Zuhörer glaubt sonst, er sei taub geworden.

2. Spricht der Redner schnell – mach dir nichts draus: das Publikum kommt ja auch nicht immer mit. Darum: je schneller der Redner, desto langsamer der Dolmetscher.

3. Der Hauptsatz ist dein Rettungsring, einen Nebensatz kannst du immer noch daran anhängen. Beginnst du aber mit einem Nebensatz, so geht er unter, bevor der Hauptsatz auftaucht – und beide erleiden Schiffbruch.

4. Lass dich nicht durch Zahlen verblüffen. Übersetze bloß mit schönem Nachdruck etwa jede dritte Zahl und sage möglichst oft „und so weiter“. Sollten diese Zahlen den Zuhörer wirklich interessieren, dann kann er sie ja im Protokoll nachlesen. Interessieren sie ihn aber nicht, so ist er dir für die ersparte Mühe noch dankbar.

5. Hast du den Wortlaut der Rede schriftlich, so übersetze ihn eben drauflos, und lass dich vom Redner nicht stören. Auch wenn er dem Text nicht folgt. An seinen Seitensprüngen bist du schließlich nicht schuld, und dein Zuhörer merkt kaum was (wie sollte er auch?). Hauptsache – gleichzeitig mit dem Redner aufhören!

6. Lacht das Publikum über einen Witz, den du nicht mitgekriegt hast – sage ruhig: „Das Publikum lacht über ein unübersetzbares Wortspiel“. Immerhin ein Trost für deine Zuhörer.

7. Lass dich nie durch Fachausdrücke aus dem Konzept bringen. Ein noch so unverständliches Fremdwort imponiert dem Durchschnittsteilnehmer einer Veranstaltung auf alle Fälle mehr, als betretenes Schweigen im Kopfhörer. Drum: frisch drauflos latinisiert!

СОВЕТЫ СИНХРОННЫМ ПЕРЕВОДЧИКАМ И ТЕМ, КТО ХОТЕЛ БЫ СТАТЬ ТАКОВЫМИ

1. Точно переводить – хорошо, но главное – не молчи, когда говорит оратор. А то слушающий, чего доброго, решит, что он оглох.

2. Если оратор слишком спешит, не переживай. Ведь и аудитория не всегда поспевает за говорящим. А посему: чем быстрее оратор, тем медленнее – переводчик.

3. Главное предложение – твой спасательный круг. Придаточное к нему всегда еще можно привесить. А вот если начнешь с придаточного, то оно может потонуть раньше, чем всплывет главное, – и кораблекрушение неизбежно.

4. Не давай себя запутать цифрами. Переводи с чувством и расстановкой примерно каждое третье число, и говори по возможности чаще: «И так далее». Если эти цифры действительно так уж интересуют участников, то они смогут ознакомиться с ними по материалам конференции. Если же не интересуют, то тебе еще будут благодарны за то, что ты освободил от лишних забот.

5. Если у тебя есть письменный текст речи, то переводы с него, не мучаясь сомнениями, и не давай оратору сбивать себя. Не ты же в конце концов виноват в его выкрутасах, а слушатели едва ли что-нибудь заметят (куда им!). Главное – закончить речь одновременно с оратором.

6. Если публика смеется какой-нибудь шутке, смысл которой ты не уловил, скажи спокойно: «Оратор рассмешил публику непереводаемой игрой слов». Как-никак утешение для слушателей перевода ...

7. Не смущайся по поводу сугубо специальных терминов. Самое непонятное иностранное слово наверняка внушит слушателям большее уважение к переводчику, чем растерянное молчание в наушниках. Итак: латинизмы, выручайте!

8. Am „Also“ erkennt man unfehlbar den Anfänger. Willst du dich also nicht verraten, dann ersetzt du also jedes „Also“ durch ein wohlklingendes „meines Erachtens“, „soviel ich urteilen kann“ oder „angesichts der von mir dargestellten Tatbestände“ u.a. Die angeführten Redensarten haben gegenüber dem schlichten „Also“ außerdem noch den Vorteil, dass sich so dank ihrer Länge manche peinliche Pause bequem überbrücken lässt.

9. Lass es dir nicht zu nahe gehen, wenn du Fehler machst. Kopfhörer, Mikrofon und Röhrenverstärker machen dich noch lange nicht zur elektronischen Übersetzungsmaschine, und Irren ist menschlich!

10. Im übrigen hältst du dich an die „Zehn Gebote des Simultandolmetschers“:

- I. Du sollst nicht verzagen
  - II. Du sollst nicht husten
  - III. Du sollst nicht seufzen
  - IV. Du sollst nicht gähnen
  - V. Du sollst nicht träumen
  - VI. Du sollst nicht stottern
  - VII. Du sollst nicht radebrechen
  - VIII. Du sollst nicht schweigen
  - IX. Du sollst nicht fluchen (weder deutsch, noch russisch)
  - X. Du sollst nicht versagen
- DU SOLLST DOLMETSCHEN!

В заключение хочется сказать несколько слов по поводу данного перевода. Перевод текста, автором которого является сам переводящий («самоперевод»), ставит перед переводчиком совершенно особые задачи. Ведь речь идет не столько о перевыражении содержания, извлеченного из текста путем интерпретации его словесной оболочки, а о вторичном воспроизведении коммуникативной интенции, однажды уже реализованной автором-переводчиком в иной

8. Переводчика-новичка сразу же выдают словесные паразиты («значит», «так сказать», «как бы» и т.п.). Значит, если ты не хочешь, чтоб тебя сразу раскусили, то, значит, заменяй каждое «значит» благозвучными тирадами типа «по моему разумению», «насколько я могу судить» или «ввиду сложившихся обстоятельств», и т.д. Достоинство приведенных оборотов в том, что благодаря своим длиннотам они позволяют замаскировать затянувшиеся паузы.

9. Не переживай по поводу допущенных ошибок. Микрофон, наушники и система усиления речи отнюдь не делают тебя электронным переводящим устройством. А человеку свойственно ошибаться!

10. Ну, а в остальном следуй «Десяти заповедям синхрониста»:

- I. Не робей!
  - II. Не кашляй!
  - III. Не вздыхай!
  - IV. Не зевай!
  - V. Не мечтай!
  - VI. Не заикайся!
  - VII. Не коверкай язык!
  - VIII. Не молчи!
  - IX. Не ругайся! (ни на иностранном языке, ни по-русски)
  - X. Не сдавайся!
- ПЕРЕВОДИ!

*(Тетради переводчика, №2, Москва, Изд-во "Международные отношения", 1964 г., с. 121-122.
Перепечатано в журнале "Interprète",
Genève, 1964, Nr. 5)*

языковой форме. Раз текст уже однажды был обнародован, то он, с одной стороны, может (и даже де-факто должен) считаться оптимальным выражением авторского замысла, а с другой — является как бы застывшим воплощением оригинального речевого акта, не подлежащим существенному изменению при переводе, во избежание дезинформации иноязычного читателя относительно индивидуальных особенностей первоначального текста (эквивалентный и адекватный

перевод). Но именно при самопереводе с особой остротой ощущается культурно-языковая обусловленность речевого произведения, автор ведь знает и помнит, почему он предпочел именно данную формулировку в оригинале, — ему ее подсказал языковой узус, подкрепленный интралингвистическими ассоциациями.

Данный текст был написан на немецком языке и предназначен для специалистов, работающих с этим языком профессионально. На этом основан и подбор примеров (ср. пп. 3 и 8), и способ оформления высказывания. Так, формулировка десяти «Заповедей» в п. 10 подается структурной моделью Моисеевых заповедей в немецком переводе Библии (Исход, гл. 20, ст. 13–15 «Du sollst nicht töten. Du sollst nicht ehbrechen. Du sollst nicht stehlen»). Именно повторение модального глагола с отрицанием придает подобным запретительным высказываниям особую категоричность и экспрессивность. В русскоязычной версии Библии (Синодальный перевод) используется обычная форма повелительного наклонения с отрицанием, ничем не отличающаяся от бытующей в обыденной речи («Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради.»).

Далее, первая и последняя строка «Заповедей синхрониста» в оригинале создают своеобразную зрительно-акустическую рамку, так как использованные здесь глаголы отличаются друг от друга только одной буквой, к тому же сходно звучащей («verzagen» – «versagen»). Как переводчику, мне ничего равноценного найти, увы, не удалось. Может быть, эта игра заинтересует кого-нибудь из читателей? Что ни говори, автору приходится простить переводчику (то есть себе же) некоторые потери, признав их неизбежность, и примириться с тем, что русскоязычный адресат должен будет довольствоваться созерцанием несовершенной копии вместо столь милого сердцу автора оригинала.

Пришлось пойти и на некоторые замены содержательного характера, в частности, в п. 8, где не удалось подобрать

равноценного эквивалента к немецкому словечку «also» (буквально «итак») и компенсировать его менее типичным русским «значит».

Некоторое чувство неудовлетворенности оставил у автора-переводчика и перевод слова, играющего роль заключительного аккорда в этой маленькой «пьесе». Немецкое «dolmetschen», во-первых, в отличие от принятого здесь русского эквивалента, относится исключительно к устному переводу, а, во-вторых, в сочетании с глаголом «sollen» приобретает звучание некоего «морального императива», в то время как по-русски речь идет скорее о своего рода приказании или команде, намекающей на подчиненный статус переводчика.

Одним словом, учиться никогда не поздно, даже когда приходится переводить свое собственное шуточное сочинение спустя сорок лет после его первой публикации.

Из коллекции Виктора Карболкина

На приеме после окончания конференции переводчики-синхронисты беседуют за бокалом вина:

«Теоретик»: Я вот тут задумался над тем, что самое главное в переводе, и пришел к выводу, что главное – это понимать, о чем идет речь.

«Практик»: Главное в переводе – это сколько заплатят.

«Теоретик»: Ну, деньги – это вещь в себе...

«Практик»: Деньги – это вещь в кармане, а не в себе.

Письмо юному другу

А.И. Никольская

По роду своей деятельности – преподавателя устного последовательного и синхронного – перевода мне приходится сталкиваться как с начинающими переводчиками из Москвы, так и из регионов. В основном это выпускники самых разных университетов, готовые и любящие учиться. У кого-то из них уже имеется опыт работы переводчиком, а кто-то только начинает свою карьеру в этой области. Одни пытаются переехать в Москву и попробовать свои силы в столице, а другие вернутся домой и будут продолжать работать в своей компании, но, возможно, в другом качестве. Мы стараемся помочь людям, пришедшим в перевод из самых разных областей знаний. Задача курса обучения – в сжатые сроки дать общие представления об устном переводе и развить у студентов основные переводческие навыки. наших слушателей мы предупреждаем сразу, что разговора о скважинах, бурении и прочих технических деталях не будет. Во-первых, работающие в этих областях обычно все это знают лучше нас, а во-вторых, если необходима консультация по техническому переводу, ее всегда можно предоставить отдельно. Мы же учим только переводческому ремеслу, рассчитывая на то, что, приобретя основные навыки перевода, человек потом сам сможет нанизать на эту основу любую нужную терминологию.

Как говорят наши слушатели, курс повышения квалификации для них очень важен, поскольку, работая в маленьком офисе одной из бывших союзных республик или вахтовым методом где-то вдалеке от больших городов, нет ни возмож-

ности пообщаться с коллегами, узнать что-то новое в области переводческой деятельности, ни возможности оценить свои собственные умения и навыки и понять, насколько ты вписываешься в переводческую среду.

Конечно ясно, что переводчики, работающие в Москве и в регионах, не находятся в равном положении. В том числе в столице, безусловно, больше свободы и в поиске работодателей. Ну, не понравился одному из них твой перевод или поведение – Москва – город большой, и не все сразу об этом узнают. Несколько по-иному обстоят дела в регионах, где люди по понятным причинам держатся за свои рабочие места и вынуждены уступать причудам своих руководителей.

Со временем становится понятным, что наши студенты хотят получить не только переводческие знания, но и психологическую поддержку своих коллег, хотят научиться разбираться в сложных переводческих ситуациях, чтобы чувствовать себя увереннее в своей деятельности.

За несколько лет работы накопились вопросы, которые чаще всего приходится слышать от переводчиков, повышающих свою квалификацию в нашем учебном заведении. Ниже я попробую на них ответить.

ВОПРОС (первый, наиболее часто задаваемый): «Что делать, если тебя поправляют во время последовательного перевода?»

– Ну, наверное, первым делом, не нервничать и попытаться разобраться, почему и кто тебя поправляет. Здесь мо-

жет быть масса вариантов. Например, вы ошиблись в терминологии, а за столом сидят специалисты, и им это режет слух и мешает понимать докладчика. Кто-то из них не выдерживает и подсказывает переводчику нужный термин. Тогда, видимо, остается только поблагодарить и сразу же взять это слово на вооружение. В конце концов, все мы учимся, и иногда даже при соответствующей подготовке невозможно предугадать, в какое русло повернет беседа и какая терминология может всплыть. Не бойтесь признаться, что вы не знаете, как назвать точно терминологически то, о чем идет речь, дав описательный перевод. Нет печальнее зрелища, чем переводчик, судорожно подыскивающий слова и вызывающий сначала сочувствие, а затем и раздражение присутствующих. В аудитории, скорее всего, будет человек, владеющий терминологией на двух языках, готовый вам помочь. Однако прибегать к помощи аудитории следует в самом крайнем случае.

Бывает и другая ситуация, когда у выступающего, чаще всего, к сожалению, русского, имеется убеждение, что уж он-то точно знает, как это все должно звучать по-английски, но почему-то приходится слушать этого самого переводчика. Обычно у такого человека в голове существует свой собственный текст перевода, а вернее, слова, которые ему непременно хочется услышать от вас. Подчас возникает желание сразу ему сказать: «Вы напишите мне список слов, которые вы знаете, я их обязательно произнесу».

Иногда у русскоговорящей аудитории складывается весьма своеобразное представление о значении тех или иных английских слов. Так, например, на одной из конференций, посвященных охране памятников от стихийных бедствий, нас с коллегой снова и снова убеждали признать слово «эмерджентность» при переводе с русского на английский. Мы спросили, какой смысл докладчик вкладывает в это красивое русское слово. На что нам ответили, что мол вы так по-английски и говорите — вас поймут.

Несмотря на это уверение, язык как-то не поворачивался произнести подобное, окончание предложения тоже никак не складывалось, и вообще получалась какая-то чушь. Оказалось, что слово означает способность двух реставрационных материалов реагировать между собой при определенном внешнем воздействии (снег, дождь) с неблагоприятным результатом (появление трещин на здании, расслоение краски и т.п.). Поэтому аудитории лишь после краткого объяснения стало понятно, что именно имеет в виду докладчик.

Конечно, сложно приходится приглашенному на переговоры переводчику, в случае если он собравшимся совсем чужой, так как изначально отношение к нему присутствующих может быть весьма пренебрежительным. Переводчик не имеет статуса лектора, человека, по определению наделенного авторитетом. Он не имеет и статуса слушателя, ради которого организовывается данное мероприятие. Переводчику надо суметь завоевать доверие, надо, чтобы присутствующие смогли расслабиться и действительно обсуждать волнующие их проблемы, а не прислушиваться к каждому слову переводящего, ловя его ошибки и неточности. Иногда клиенты признаются: «Вы знаете, мы вас все проверяли первые 15 минут, а потом успокоились. Спасибо вам, так хорошо было». По-моему, это самый большой комплимент. Нельзя забывать, что для переводчика самое главное — это «обслуживание клиента». Надо быть эмоционально заинтересованным в успехе мероприятия и сделать все возможное, чтобы собравшимся было понятно предназначенное для них сообщение. Желание «показать себя», хотя многим порой от этого сложно удержаться, не должно превалировать в данном вопросе.

Бывают весьма сложные ситуации, когда некоторые слушатели не теряют бдительности до конца мероприятия и могут превратить работу переводчика в настоящую пытку, если не отнестись к этому с юмором.

Еще один пример из собственной практики. Перевод переговоров между руководством одного из ведущих российских вузов и профессурой Гарвардского университета. За столом переговоров собрались приятные люди почтенного возраста с американской стороны, деканы российского вуза и три российских академика для придания веса мероприятию. Кроме того, присутствуют организаторы из российского представительства американского фонда, естественно, прекрасно владеющие как русским, так и английским языком. Все идет хорошо, американский профессор рассказывает, как они организовали курс для “students and faculty”. В переводе, естественно, звучит «для студентов и профессорско-преподавательского состава». Тут один из академиков взвывает и, возбужденно жестикулируя, кричит: «Нет, стойте! Она все неправильно переводит! Это был... факультатив!» Все молчат и смотрят на переводчика, что тот будет делать. Зная, что в своем отечестве пророка нет, и доказывать что-то академику бесполезно, я, обратившись к американскому профессору, переспрашиваю: “Did you mean the course was organized for students and professors of your School?” Ответ положительный. Академик нехотя успокаивается, хотя в глазах горит явное желание уличить и вывести на чистую воду. Выпады продолжают неоднократно, и все время не по делу. Когда это происходит в очередной раз, организаторы вежливо просят больше не беспокоить переводчика и дать ему возможность спокойно работать.

Наверное, моего молодого коллегу такая ситуация вывела бы из психологического равновесия, но мне было даже весело. Кстати, после этого перевода ко мне подошел другой академик, и сказал: «Вы переводите с правильным лицом». Уж не знаю, что именно он имел в виду, — что не сводит судорогой при попытке подобрать правильное слово или что-то другое, — но на всякий случай запомнила, чтобы сказать студентам: надо не только работать, но и не забывать «про лицо».

Следует помнить и то, что опытный докладчик будет время от времени проверять, имеется ли у него связь с аудиторией и насколько хорошо его понимают. Делать он это будет, задавая вопросы залу или ожидая реакции на произнесенную шутку. Если обнаружится, что его недостаточно хорошо поняли, вежливый оратор не станет сразу обвинять переводчика, а скажет что-то вроде “I didn't explain myself clearly” и предоставит переводчику еще одну возможность донести его мысль до слушателей.

ВОПРОС. *Как быть, если не слышишь оратора при последовательном переводе?*

— Да, это, действительно, проблема, особенно если переводишь со сцены. Часто бывает, что переводчик оказывается за спиной выступающего, например когда тот поворачивается к слайдам и начинает что-то быстро бормотать себе под нос. Зал слышит говорящего через динамики, а переводчик оказывается в глухой зоне. Тут важно выбрать правильную позицию, а если возможно, предварительно договориться с оратором, где вы будете стоять, и какой длины планируются отрезки его речи. Желательно хотя бы вкратце прогнать весь текст выступления для переводчика. Обычно, если позволяет время, переводчик приезжает к месту проведения конференции пораньше и знакомится с докладом.

Часто трудности при переводе со сцены возникают и в том случае, когда докладчик в условиях нехватки времени от описания одного слайда быстро переходит к описанию следующего, оставив переводчика в полном недоумении с непереверденным десятком цифр и названий, которые вы и не пытались запомнить, так как рассчитывали все это зачитать с экрана. В таком случае единственный выход попросить вернуть предыдущий слайд, объяснив оратору, что пока вы не пообщаетесь с аудиторией, люди вряд ли что-то поймут.

Иногда переводчику предлагают сесть в первый ряд с микрофоном и переводить

оттуда. Тут все зависит от ваших предпочтений. Я всегда стараюсь держаться ближе к оратору — в случае чего можно переспросить, да и не так страшно.

Что касается перевода за круглым столом, то если вам не слышно выступающего (такое часто бывает, если сидишь слишком далеко, микрофоны не предусмотрены, а человек говорит слишком тихо), то если позволяет протокол, всегда можно встать и подойти к говорящему. Это очень страшно, если вы займете удобную позицию. Вы только будете чувствовать себя увереннее, и контакт с аудиторией не будет потерян.

ВОПРОС. Как преодолеть страх при переводе со сцены?

— Увидев перед собой множество незнакомых лиц, начинают волноваться не только молодые переводчики. В Америке, например, страх публичных выступлений — самая распространенная фобия. Американцы даже шутят, что их соотечественники скорее предпочтут лежать в гробу, чем выступать с речью на похоронах. Конечно, переводя со сцены, если у тебя нет особой тяги к актерской профессии, устаешь больше, чем на обычных переговорах. Насколько я понимаю из бесед со своими студентами, в основном их пугает невозможность переспросить, если что-то неясно, но очень важно для понимания смысла выступления, невозможность записать, поскольку в руках микрофон, и вообще страшно, когда на тебя смотрит столько собравшихся. Да, в такой ситуации переспрашивать можно только в самом крайнем случае. Надеяться приходится только на свою память и милость оратора. Надо сразу себе приказать слушать очень внимательно и запоминать. При этом необходимо совершать осознанное усилие, удерживая в голове не только то, что показалось знакомым или необычным, но и прочие части исходного сообщения, на которые, возможно, не обратят внимания обычные слушатели.

Тяжело, когда начинаются длинные вопросы из зала. Журналисты обычно

сначала долго рассказывают о себе любимом, иногда так и не доходя до сути вопроса. Хорошо бы запомнить, какое издание, организацию или компанию представляет автор вопроса. При этом не стоит пытаться запомнить, например, его имя и отчество. Затем следует кратко зафиксировать в голове сам вопрос и попытаться удержать конец выступления. Однако без предварительной тренировки памяти и переводческих навыков все это проделать на должном уровне весьма проблематично.

Главное, что мешает молодым переводчикам в этой ситуации, как мне кажется, это неправильный психологический настрой, когда человек испытывает примерно то же, что и школьник на экзамене. Конечно, без определенного куража хорошо работать сложно. Чтобы лучше собраться, нужен небольшой выброс адреналина, а доводить себя до полуморочного состояния, конечно же, не стоит.

С опытом все придет и встанет на свои места. Ведь профессионала от новичка отличает прежде всего стабильность результата. Если молодой переводчик в благоприятной психологической обстановке может прекрасно отработать мероприятие, а при других обстоятельствах растеряться и выступить не самым лучшим образом, профессионал покажет примерно один и тот же результат вне зависимости от ситуации. Он уже выработал психологическую гибкость и здоровый цинизм, если хотите, он знает, что на этом мероприятии его карьера не кончается, и воспринимает происходящее просто как очередную работу.

ВОПРОС. Кого труднее переводить, и что делать, если ничего не понимаешь?

— Не так часто встречаются люди, которые действительно умеют говорить, и переводить которых одно удовольствие. Чаще приходится сталкиваться с обрывочными, плохо выстроенными фразами российских бюрократов, типа недавно услышанного на конференции предста-

вителя МВД, говорящего вообще афоризмами, вроде: «У нас есть положительные и отрицательные проблемы и мы их решаем», или: «Вот вы тут спрашиваете, как мы работаем с общественностью. Я вам отвечу. Мы выезжаем в регионы и отрабатываем их по полной программе». Со временем у любого переводчика набирается целая коллекция таких перлов.

Тяжело переводить людей, для которых английский настолько неродной, что и понять сложно, на каком они языке, собственно, говорят. Всем известны сложности, возникающие при переводе китайских ораторов, говорящих по-английски, хотя и среди них, безусловно, встречаются люди, блестяще владеющие иностранными языками. Недавно мне рассказали случай, как на одной конференции выступал представитель какой-то узкотехнической специальности из Китая. Переводчик-синхронист, до этого прекрасно справлявшаяся со своими обязанностями, вдруг замолчала и честно призналась, что перевести докладчика она не может, потому ничего не понимает. Все сидели и вежливо делали вид, что слушают перевод, которого не было. Конечно, основной постулат синхронного перевода — кабина не должна молчать. Можно зачитывать аудитории тезисы доклада по несколько раз, можно заняться описанием слайдов, в общем, крутись, как можешь. Конечно, если предмет сугубо технический и в зале сидят специалисты, тут переводчику не позавидуешь. Выход только один — докладчиков, с выступлениями которых могут возникнуть проблемы, следует вычислять заранее, и готовиться к их выступлениям.

Вспоминается в этой связи случай из собственной практики. Тема конференции: горная болезнь. Организаторы подходят ко мне с просьбой поговорить с докладчиком из Китая, так как из присланных им тезисов мало понятна тема его выступления. Я подхожу к докладчику, милому улыбчивому китайцу, и пытаюсь с ним заговорить. Чувствую, человек хочет общаться, но никак. Из

тезисов кое-как было понятно, что он с коллегами проводил какой-то эксперимент в горах. Спрашиваю, что именно они делали, в ответ слышу: “We took pasha’s to the masha’s and svaayed them from side to side.” С трудом переводя для себя «пашу» и «машу», понимаю, что пациентов брали в горы и мотали их из стороны в сторону. Спрашиваю, и что, облегчало им? “No mounta’ sickna.” Ну, это и ребенку понятно — не развилась у них горная болезнь. Порадовавшись за пациентов, которых помешали на какой-то чудесный китайский тренажер, тем самым избавляя их от множества проблем, подстерегающих человека в горных условиях, я отправилась домой писать доклад для выступления на следующий день. Мне, конечно, очень помогло, что в течение нескольких лет до этого я работала переводчиком в журнале, где много писали на эту тему, поэтому даже из обрывочных сведений, которые мне достались от выступающего, я за ночь смогла слепить неплохое выступление.

Надо сказать, что эта история имела продолжение, когда через неделю пришлось уже на другой конференции переводить еще одного китайского представителя. Я уже и не ждала, что будет понятно хоть что-нибудь, поэтому, услышав китайца, бодро начала благодарить организационный комитет конференции за приглашение приехать и выступить в Москве. Однако через несколько фраз моя любимая коллега по кабине Ирина Зубанова говорит: «Слушай, он же по-китайски говорит!». Пришлось объявить, что кабина не может обеспечить перевод с китайского языка, а мы поняли только вступление. В президиуме начинается суета, привели китайскую девушку, которая со страшной скоростью зачитала текст выступления уже по-английски.

Очень многое зависит от того, какими средствами выражена мысль докладчика. Трудно перевести молодых аспирантов, еще не имеющих опыта выступлений и быстро зачитывающих

текст по бумажке. На первое место в таких выступлениях порой встает не логика рассуждений, а стремление поразить собравшихся недавно вычитанной цитатой и знаниями, почерпнутыми из книг, а не из собственного опыта. Из речи уходит спонтанность, мысль не рождается на ваших глазах, предсказуемость падает, и переводчику приходится нелегко. Трудно, когда, рассказывая о выпасе скота где-нибудь на границе с Монголией, долго и мучительно перечисляют названия вытоптанного этим самым скотом растений, о которых вы не имеете понятия, и ждут, что вы с ходу переведете какой-нибудь молокнистый молочай, и некому вам подсказать. Трудно, когда вдруг что-то случается с напарником, и вы остаетесь на несколько часов одни в кабине, или попадаетесь такой напарник, что лучше бы его вообще не было. Переводчик — вообще непростая профессия и не самые легкие деньги.

Перечислять случаи, когда переводить трудно, — занятие неблагодарное. Надо просто работать над собой, и все получится.

Конечно, отвечать на вопросы и давать какие-либо советы я могу только исходя из собственного опыта работы как последовательным переводчиком, так и синхронистом. Хочется верить, что твой опыт поможет еще кому-нибудь. Может быть, начинающий переводчик, вспомнив в трудную минуту эти строки, соберется с силами, вместо того чтобы расстраиваться, полагая, что до него никто никогда не попадал в сложную переводческую ситуацию. Попадали, и еще как.

Возможно, мои коллеги посмотрят на подобные проблемы совсем под другим углом и предложат свои ответы. Что ж, как мне кажется, начинающим переводчикам это будет только полезно.

В заключение хотелось бы пожелать всем молодым переводчикам удачи, интересной работы и веры в себя.

На заметку переводчику

Переводческая страшилка, или Грабли все те же

19 августа (даты важны) мой однокурсник и добрый товарищ предложил работу: перевод книг Дж. Тиса «Управление интеллектуальной собственностью» и М. Мура «Мир без стен» для фонда «РиФ».

Приехав на переговоры, я согласовал цену и сроки — до 17 сентября, записав условия в дневник помощника фонда.

Договор заключать не стал — на завтра надо было уезжать — и понадеялся: люди с виду порядочные. Кроме того, есть надежный посредник.

Перевод был выполнен в срок, но оказался... ненужным: на письма ответов не было, а звонки президенту «РиФ» ни к чему не приводили. Ситуация отвратительная прежде всего своей унижительностью. Короче говоря, весь коллектив — 12 человек ждал оплаты до 25 сентября. Все это время шли переговоры через посредника и готовились меры давления и возмездия: СМИ, суд, обращение в СП России и в фонд одного видного деятеля, с которым связан работодатель.

Все благополучно завершилось, но стоило много нервов и времени — причем, никто и не подумал извиниться и хоть как-то по-человечески объяснить (нет средств, задержка с тем-то или с тем-то, и т.д.). А зачем? У кого деньги, тот у нас и прав, умен и силен.

Выводы:

1. Составлять договор — хоть на салфетке.
2. Иметь посредника, лично заинтересованного в успехе, а также свидетелей состоявшейся сделки.
3. Не отдавать готовую работу до получения гонорара.
4. В случае задержки гонорара использовать все средства давления, связи, контакты.
5. Быть готовым к худшему и иметь все письма и документы.
6. Действовать сообща и слаженно.
7. Делиться с коллегами информацией и опытом.

Комментарий юриста: задержка с выплатой гонорара может рассматриваться как факт «кредитования» работодателя вашим трудом (продуктом труда). Кредит, как правило, предусматривает выплату процентов, так что в случае задержки с выплатой вполне уместна выплата 5–7 % от суммы в месяц.

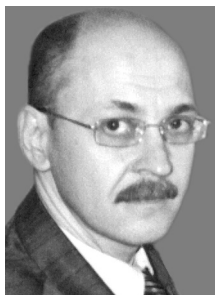
Это можно включить в ваш договор.

P.S.

Спасибо всем коллегам, поддержавшим советами, опытом и связями, да и просто добрым словом.

А. Ч.

Что про нас сочинили

Сказочное пособие по устному переводу

Д.И. Ермолович

Читателям журнала знакома рубрика «Дайджест», в которой публикуются выдержки из материалов бумажной и электронной печати, затрагивающих проблемы перевода. Однако о переводе и переводчиках пишут не только журналисты и комментаторы СМИ. Иногда — хотя и довольно редко — эта тема удостаивается и внимания беллетристов. Небезынтересно посмотреть в это литературное зеркало, чтобы понять, какими нас и нашу профессию видят писатели, а благодаря им и те, кто читает их книги. Перед вами — первая из серии публикаций на эту тему. В ней представлен фрагмент из сказки-комедии «Умные вещи» знаменитого детского писателя Самуила Яковлевича Маршака (1887–1964). В детстве я неоднократно видел этот спектакль, и еще тогда сцена беседы царя с послом через переводчика запомнилась мне как одна из самых ярких. Перечитывая эту сцену сегодня, я испытываю не меньшее удовольствие, но к моему прежнему читательскому и зрительскому восприятию добавляется и чисто профессиональный взгляд. Своими соображениями в связи с предлагаемым вашему вниманию фрагментом я поделюсь в конце публикации.

С.Я. Маршак «УМНЫЕ ВЕЩИ»
(Из действия II, картины I)

ЦАРЬ. Что нового?

КАНЦЛЕР. Осмелюсь доложить вашему величеству...

У царя благодушное настроение сменяется хмурым.

ЦАРЬ. О чем доложить?

КАНЦЛЕР. О том, что посол иностранной державы прибыл во дворец и всепокорнейше просит аудиенции у вашего величества!

ЦАРЬ. В такую погоду принимать послов!.. Я только собирался проехаться верхом.

КАНЦЛЕР. Осмелюсь напомнить, что ваше величество сами изволили назначить послу день приема.

ЦАРЬ. Ну, пусть войдет, да долго не задерживается. А какой посол? Из какого царства?

КАНЦЛЕР. Из тридевятого царства, тридесятого государства, ваше величество!

ЦАРЬ. Что-о?.. А далеко ли это царство?

КАНЦЛЕР *(на мгновение задумывается)*. За тридевяять земель, ваше величество!

ЦАРЬ. По-нашему говорит?

КАНЦЛЕР. При нем переводчик, ваше величество!

[...]

Входит Посол, небольшого роста, коренастый, загорелый, с длинной седой бородой. За ним — Переводчик, молодой, с черной бородкой. Оба в халатах с узорами. Последним входит Канцлер.

ПОСОЛ *(низко кланяясь)*. Амирэм алидан, чер-чер алинон!

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол изволит сказать, что его величество могущественный властитель тридевятого царства, тридесятого государства сердечно приветствует ваше величество, справляется о вашем здоровье и шлет вам самые добрые, или, по-нашему, самые сластные пожелания.

Что про нас сочинили

ЦАРЬ (*про себя*). А по-ихнему это гораздо короче выходит! (*Громко.*) Сердечно благодарю и прошу передать его величеству мои самые лучшие пожелания.

ПЕРЕВОДЧИК. Таратэн алидан тара-тара алинон!

ЦАРЬ. Прошу садиться!

Все усаживаются.

Господин посол, сказать правду, я знаю о вашем тридевятиом царстве только по сказкам... Что хорошего в вашем государстве?

Переводчик вполголоса переводит слова Царя.

ПЕРЕВОДЧИК. Дзйнга каратум дэм?

ПОСОЛ (*добродушно*). Азамэн алибан блямс шершне-ра кардан чер.

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол говорит, что страна, откуда он изволил прибыть, изобилует птицей и рыбой, богата корицей, перцем и миндалем, изумрудами и бирюзой, славится на весь мир своими великими победами над тридцатью девятью островами и полуостровами...

ЦАРЬ (*вполголоса*). Ну, мы тоже одержали не меньше побед... (*Громко.*) А чем еще знаменито ваше царство-государство?

ПЕРЕВОДЧИК. Коста трэн эчерэн?

ПОСОЛ. Эчерэн гейго-лейго — трэнта-варэнта сэтэн бумбуркас.

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол изволит сказать, что его страна достопримечательна также своими конями и колесницами, но более всего гордится необыкновенными, единственными в мире семью чудесами.

ЦАРЬ (*хмуро*). Какие же там у вас чудеса?

ПЕРЕВОДЧИК. Калитэн бумбуркас?

ПОСОЛ. Аминам бумбуркас центра-лентра кускус лино-кут дарэн.

ПЕРЕВОДЧИК. Чудеса эти таковы: скатерть, которая сама готовит и подает лучшие в мире яства и превосходнейшие напитки, семимильные сапоги, шапка — спрячь меня, волшебное зеркало, летающий ковер...

ЦАРЬ. Постойте, постойте! Слишком уж быстро вы говорите, господин переводчик. Не сразу уразумеешь! (*Канцлеру.*) Сколько же это он чудес назвал?

КАНЦЛЕР. Насколько я расслышал, всего пять, ваше величество.

ПЕРЕВОДЧИК. Совершенно точно, пять.

ЦАРЬ. А какие же остальные два чуда?

ПЕРЕВОДЧИК. Калитэн ду дэнта бумбуркас?

ПОСОЛ. Чентра фью-фью эд зинг-зенг каюк дара.

В это время появляется Царица, тощая и бледная, слегка подрумяненная женщина с лентой через плечо, и Наследник, очень юный, но ростом выше матери, в коротких штанах и длинных чулках.

КАНЦЛЕР (*вставая, громко*). Ее величество государыня-царица и его высочество наследник-цесаревич!

ПЕРЕВОДЧИК. Алинон царица эд алитон принцен чемерэн!

Посол встает и низко кланяется.

ЦАРЬ (*Царице*). Ваше величество, позвольте представить вам господина посла треклято... Виноват, как, бишь, его?

КАНЦЛЕР (*тихо*). Тридевятого царства, тридесятого...

ЦАРЬ. Тридесятого государства. Жаль, что вы опоздали, ваше величество. Тут господин посол рассказывал нам о семи чудесах, которыми славится его царство.

ЦАРИЦА. Это очень интересно. Но прошу вас садиться, господин посол.

ПЕРЕВОДЧИК. Алинон царица сэдэт чадан.

Посол еще раз кланяется и садится.

ЦАРЬ. Вот только я не все пять чудес запомнил.

КАНЦЛЕР. У меня все записано, ваше величество!

ЦАРЬ. Это хорошо. (*Переводчику.*) А про шестое и седьмое чудо вы, кажется, еще не успели нам перевести. Как это господин посол сказал? Фью-фью...

КАНЦЛЕР. У меня записано, ваше величество. Что-то вроде "фью-фью" и "зинг-зенг".

ПЕРЕВОДЧИК. Совершенно верно, ваше превосходительство. Фью-фью — это волшебная флейта или дудка. Тот, кому довелось ее слышать, никогда не забудет сладостных, ласкающих слух звуков. А зинг-зенг — это...

ЦАРИЦА. Ах, я так бы хотела послушать волшебную флейту! Я очень люблю музыку. А как ваша флейта играет — сама или ей нужен музыкант?

ПЕРЕВОДЧИК. Сию минуту, ваше величество! (*Послу.*) Акамэн фью-фью люлин ули драдан азандар?

ПОСОЛ. Драдан азандар. Лей азандар каюк. Кутуз батар турмата!

Переводчик некоторое время молчит.

ЦАРИЦА. Что же вы не переводите?

ПЕРЕВОДЧИК (*смущенно*). Это, ваше величество, не так-то легко перевести...

ЦАРИЦА. Почему нелегко? Переведите, пожалуйста!

ПЕРЕВОДЧИК. Извольте, ваше величество. Господин посол говорит, что музыкант этой дудке нужен, хоть она и волшебная. У них был музыкант, да недавно помер. Стар был очень. А говорят, будто такой музыкант, ваше величество, имеется у вас, но он, не во гнев вам будь сказано, в тюрьме сидит.

ЦАРИЦА. У нас? В тюрьме?

ЦАРЬ (*нахмурившись*). Верно, не за музыку сидит!.. Впрочем, я ничего об этом не знаю. А вы, господин канцлер?

КАНЦЛЕР. Простите, ваше величество, и я ровно ничего не знаю.

ЦАРЬ. Вы никогда ровно ничего не знаете!.. Расследуйте это дело и доложите мне.

ЦАРИЦА. Да поскорее расследуйте!

КАНЦЛЕР. Слушаю-с, ваше величество!

ПЕРЕВОДЧИК. Так вот, господин посол еще изволил сказать, что ему поручено осведомиться, не угодно ли вашему величеству отпустить этого музыканта в наше царство? Он и у нас может в тюрьме сидеть, а когда понадобится, на дудке играть будет.

ЦАРЬ. Ну, это мы еще посмотрим, подумаем... А пока скажите, что за седьмое чудо?

НАСЛЕДНИК. Да, да, зинг-зенг!

ПЕРЕВОДЧИК. Зинг-зенг, ваше величество, — это волшебный меч. Он, если это потребуется, рубит головы направо и налево. Его так и зовут «Меч — сто голов с плеч».

ЦАРЬ. Сам рубит?

ПЕРЕВОДЧИК. Сам. Господин посол говорит, что с помощью этого меча его царство одержало величайшую победу — тридцать девятую...

ЦАРЬ (*задумчиво*). Вот это и в самом деле полезная и ценная вещь!.. Из всех чудес я, пожалуй, выбрал бы волшебную скатерть да этот зинг-зенг.

НАСЛЕДНИК. И я бы выбрал меч — сто голов с плеч. С ним бы я все царства покорил! (*Рубит рукой.*) Зинг! Зенг!

ПЕРЕВОДЧИК (*Послу*). Алитон принцен...

ЦАРЬ (*перебивая его*). Этого переводить не надо. Наш наследник по молодости своей иной раз говорит лишнее... В его годы это вполне простительно.

Посол чуть заметно усмехается в бороду.

А где же ваш царь эдакие чудеса раздобыл?

ПЕРЕВОДЧИК. Простите, ваше величество, но это, как говорится, государственная тайна. Известно только, что за свои семь чудес наш царь полцарства отдал.

ЦАРЬ. Да и я бы за них полцарства не пожалел!

ПОСОЛ (*встает с места и низко кланяется*). Амилам алинон малем-малем тара!

ПЕРЕВОДЧИК. Господин посол сердечно благодарит ваши величества за милостивый прием и желает вам прожить на свете тысячу счастливых лет и увидеть правнуков своих правнуков!

ЦАРЬ. Да неужто он это все тремя-четырьмя словами сказал?

ПЕРЕВОДЧИК. Такой уж у нас короткий язык. Где у вас, ваше величество, десять слов, у нас одно.

ЦАРЬ. Ах, вот как! Ну, поблагодарите господина посла за посещение.

ПЕРЕВОДЧИК. Амилам чер!

ПОСОЛ. Чер амилам!

ЦАРЬ. Только и всего?.. Замечательно!..

Посол и Переводчик с поклонами удаляются.

Комментарий

Сцена, которую вы только что прочитали, появилась в сказке-комедии С.Я. Маршака не случайно — ведь Самуил Яковлевич был выдающимся профессиональным переводчиком. Широко известны его поэтические переводы сонетов Шекспира, за которые он в 1949 году получил Сталинскую премию, переводы из Роберта Бернса, Уильяма Блейка, Джорджа Байрона, Редьярда Киплинга и других английских поэтов, а также переводы детских народных стихов и песенок (так называемых *nursery rhymes*). Но приведенная выше сцена из пьесы «Умные вещи», написанной в 1945 году (вторая редакция — 1964 год), показывает, что С.Я. Маршаку был весьма близок и опыт устного переводчика.

Что про нас сочинили

По сюжету сказки и «посол», и «переводчик» не являются таковыми и обманывают царя, изъясняясь на придуманном языке. Казалось бы, автор пьесы имел полное право вложить в уста лжеиностраницам какую-нибудь бессвязную тарабарщину (наподобие знаменитого «киргуду бамбарбия» из фильма «Кавказская пленница»). Но Маршак подошел к задаче изображения их речи как настоящий лингвист. Он весьма тщательно продумал фразы на их фантастическом языке. Например, слову *царица* неизменно соответствует в переводе *царина* (ср. английское *czarina*), слову *цесаревич* — *принцен*, числительному *два* — *ду* (ср. итальянское *due*, французское *deux*), *семь* — *сэтэн* (ср. испанское *siete*, болгарское *седем*). Выдуманное слово *алион* соотносится с титулом величество, а *алитон* — с титулом высочество. Слову *музыкант* соответствует *азандар*, и выражение «музыкант умер» переведено весьма логичным «азандар каюк».

У веселого сказочного повествования для детей обнаруживается второй слой, предназначенный для умудренной опытом взрослой аудитории, включающей, несомненно, нас, переводчиков. В частности, приведенная выше сцена — это пародия на некоторые типичные казусы, возникающие в реальной ситуации последовательного перевода.

Один из таких казусов — то, что отрезки переводного текста оказываются значительно длиннее оригинальных. Это вызывает недоумение у адресата перевода («Да неужто он это все тремя-четырьмя словами сказал?»). Как и в реальной жизни, такое недоумение граничит с подозрением: а точно ли перевел переводчик и не добавил ли он чего-либо от себя? Чтобы оправдаться, переводчику приходится пояснять: «Такой уж у нас короткий язык. Где у вас, ваше величество, десять слов, у нас одно».

Впрочем, Маршаку наверняка было хорошо известно и то, что как более длинный, так и более короткий, чем оригинал, перевод может объясняться не

только различиями в строе языков, но частую и элементарную неопытностью переводчика, который иногда не способен подобрать достаточно емкую и сжатую конструкцию для перевыражения мысли говорящего, иногда что-то забывает, а иногда присочиняет лишнее от себя. Такая трактовка роли переводчика предоставляет актерам, играющим эту пьесу, широкие возможности для игровых нюансов.

Другой казус связан с молчанием переводчика, также вызывающим нетерпеливую реакцию слушателя: «Что же вы не переводите?». «Это... не так-то легко перевести», — отвечает переводчик. Он осторожен, потому что подлежащая переводу реплика заключает в себе скрытую просьбу, а неизвестно, как отнесется к такой просьбе царь. Эта ситуация легко проецируется на реальные трудности перевода, вызванные прагматическими факторами: оратор сказал нечто, что при точном переводе может быть неадекватно воспринято слушателем. И перед каждым, кому приходилось достаточно много переводить переговоры, наверняка вставала похожая дилемма: если перевести точно, можно вызвать нежелательную реакцию адресата реплики, а если «смодулировать» высказывание, то отправитель (в случае знания им языка) может возмутиться тем, что его перевели неправильно.

Кстати, говоря о прагматической модуляции сказанного в переводе, нельзя не отметить очень интересное с профессиональной точки зрения решение переводчика. Переводя приветствие посла, он сообщает царю: «Властитель тридевятого царства... шлет вам самые добрые, или, по-нашему, самые сладостные пожелания». Мы видим, что переводчик выступает как опытный межъязыковой посредник, хорошо понимающий различия в привычных для каждого из собеседников формулах речи. С одной стороны, он дословно воспроизводит образный речевой оборот («сладостные пожелания»), сохраняя приличествующий случаю высокопарный стиль оригинала, но с другой —

предваряет его более понятным и семантически более точным, хотя и стилистически обедненным, эквивалентом («добрые пожелания»).

Наконец, очень метко отражен С.Я. Маршаком и такой казус устного перевода, когда кто-то из собеседников говорит что-то совершенно неуместное, а другой представитель той же стороны дает переводчику, уже начавшему переводить, поспешное указание: «Этого переводить не надо!». Снова переводчик оказывается в трудном положении: он ведь для того и приглашен, чтобы держать своего «клиента» в курсе происходящего. Если он послушается указания не переводить какой-то отрезок текста, то нарушит эту свою обязанность. Если же не послушается, то окажется как бы виноват в неизбежном конфузе другого собеседника.

Не рискну давать на этот случай какие-либо рекомендации коллегам, но в своей личной практике в подобных случаях, несмотря на «запрет», я все же считал своим долгом «выдать» иностранцу некий перевод, в котором, однако, пытался максимально смягчить все резкости или нелепости сказанного. Впрочем, допускаю уместность иногда и другого решения, а именно — сообщить «клиенту», что его контрагенты по переговорам дезавуировали свое последнее высказывание и просят не переводить его. В любом случае наилучшим выбором, с моей точки зрения, было бы просто промолчать. (Правда, в сказке переводчик может себе это позволить, потому что он знает, что «посол» на самом деле понимает всё сказанное.)

Наконец, удачно подметил С.Я. Маршак и то, что адресат не всегда адекватно воспринимает произносимое переводчиком: «Слишком уж быстро вы говорите, господин переводчик. Не сразу уразумеешь!». И, как бы ни был глуп царь (читай — адресат сообщения), в подобных случаях вина уж точно лежит на переводчике, не образующем свою дикцию, темп и структуру речи со спо-

собностью аудитории адекватно воспринять и понять текст перевода, тем более если этот текст насыщен чуждыми ее культуре реалиями (роль последних в данном контексте играют волшебные предметы).

Итак, несмотря на свою сказочность и гротескность, сцена беседы через переводчика в «Умных вещах» Маршака — яркое и меткое описание целого ряда ситуаций устного последовательного перевода, четко соотносимых с реальностью. Я хотел было написать: «одно из самых ярких и метких описаний последовательного перевода в художественной литературе», но не знаю, есть ли еще другие. Возможно, оно же и единственное.

Новелла Матвеева

ПЕРЕВОДЧИК

Вильгельму Вениаминовичу Левкину

Кто мог бы стать Рембо? Никто из нас.
И даже сам Рембо не мог бы лично
Опять родиться, стать собой вторично
И вновь создать уж созданное раз.

А переводчик — может. Те слова,
Что раз дались, но больше не дадутся
Бодлеру — диво! — вновь на стол кладутся.
Как?! Та минутка хрупкая жива?
И хрупкостью пробила срок столетний?
Пришла опять? К другому? Не к тому?
Та муза, чей приход (всегда — последний)
Был предназначен только одному?!

Чу! Дальний звон... Сверхтайное творится:
Сейчас неповторимость — повторится.

Политико-переводческий алфавит, или Сентиментальное путешествие в недавнее прошлое

Рубрику ведет А.П. Чужакин

Лица, события, явления XX–XXI вв., интересные не только переводчикам

В

В₂ — Линн (Елена Владимировна) Виссон — синхронист ООН, автор многих учебных пособий по синхронному переводу и целого ряда книг и статей на русские темы. Виссон живет и работает в Нью-Йорке, где она родилась и воспитывалась в семье русского происхождения. Ее родители — эмигранты первой волны. Покинув после революции Россию и прожив долгие годы во Франции и Берлине, в начале Второй мировой войны родители Линн обосновались в Америке, где отец Л.В., замечательный знаток живописи, долгие годы проработал директором нью-йоркской картинной галереи «Уилденштейн». Книга Владимира Виссона под редакцией Линн была издана в США, а затем переведена и опубликована на русском языке в России.

Л.В. училась и получила докторскую степень в Гарварде, а затем была профессором русского языка и литературы в Колумбийском и др. университетах США. Последние 30 лет профессионально переводит с русского и французского на свой родной английский, участвует в сложнейших переговорах, готовит синхронистов для ООН.

Сейчас трудно переоценить присутствие Л.В. в сфере переводоведения и практики перевода. Ее высокопрофессиональные работы: «Учебник по синхронному переводу с русского языка на английский» и «Практикум...», изданные в нашей стране, — помогли постичь тайны переводческого мастерства не одному переводчику. Сейчас Л.В. готовит новый практикум по переводу.

По-видимому, не во всем представители российской школы переводоведения могут согласиться с Л.В., например, в отличие от американского автора, мы не отрицаем возможности адекватного перевода с родного языка на иностранный (retour). Однако взгляд на перевод опытного профессионала «с другой стороны» очень интересен и тем, кто обучает переводчиков, и начинающим переводчикам, так как помогает сориентироваться в сложном мире перевода. Очень полезна и актуальна во все времена книга Л.В. «Русские проблемы в английской речи». Издание адресовано в первую очередь тем, кто прекрасно знает язык, однако подчас допускает не заметные ему самому, но весьма ощутимые с точки зрения носителей языка промахи.

Виссон как преподавателя сумели по достоинству оценить наши переводчики. Бывая в России, Л.В. старается провести мастер-класс или выступить в Клубе переводчиков.

Увлечения Л.В. разнообразны, но неизменным остается ее теплое отно-

шение к современной России. Однако Л.В. не забывает и тех, кто волею судеб покинул родину. Данью уважения эмигрантам первой волны стала книга Л.В. «200 блюд русского зарубежья», где автор представила кулинарную книгу как часть культурного наследия России, рассказав о том, как свято хранили эмигранты традиции русского кулинарного искусства XIX века, бережно передавая из поколения в поколение.

Другой важной для Л.В. темой стала тема русско-американских семейных отношений. В книге «Чужие и близкие в русско-американских браках» автор попыталась приоткрыть завесу психологических проблем, которые существуют в межнациональных брачных союзах.

В₁ – Володарский Леонид Вениаминович, «крестный отец» кино-, видеоперевода, «человек за кадром», чей голос звучит от Калининграда до Камчатки, чьему переводу многие обязаны тем, что понимают речь американских, английских актеров и актрис.

Л.В. родился и провел детство в Москве, в типичном московском доме на Гоголевском бульваре. Его отец, фронтовик, был блестящим знатоком и преподавателем английского языка, так же как и верная спутница всей его жизни – мама Леонида.

Несмотря на блестящие успехи во время обучения в МГПИИЯ им. М. Тезеза и знание четырех языков, по окончании вуза жизнь Леонида вначале складывалась непросто: трудности с постоянной работой, защитой диссертации и т.д. Однако он смог реализовать себя и преуспеть в творчестве, ведь искусство киноперевода, как и искусство кино, – истинное творчество.

Вначале Л.В. в основном переводил фильмы на дачах для начальства (где «навязчивый сервис»), на кинофестивалях и закрытых просмотрах в Госкино, Доме

кино, во ВГИКе и т.д. Бывали и курьезы: так, например, однажды В.Л. пригласили переводить якобы индийский фильм с английским монтажным листом, а фильм оказался на арабском, к тому же никаких дополнительных материалов не было и в помине. Вот тут и пригодились опыт, смекалка и логика. Леонид сумел убедительно «перевести» фильм и даже логически связать и довести до финала все сложные линии сюжета. Публика осталась довольна, хотя один из зрителей потом подошел и тихо сказал переводчику: «Я знаю арабский, и на самом деле все было совсем не так. Но я восхищен вашей находчивостью, профессионализмом и великолепным русским языком».

Затем началась эра видео. Несмотря на все запреты, киноманы стали собирать целые коллекции кассет. Работы у Л.В. стало невпроворот (например, в видеотеке одного только М. Магомаева было 300 кассет, и в основном на них звучал характерный голос Л.В.).

Переводы Л.В. отличает не только глубокое знание английского языка, реалий, культуры, но и прежде всего тонкое чутье родного языка. У него нет ошибок, ляпов, невежества, которыми подчас грешат те, в чьих «переводах» фильмы попадают на ТВ (в народе о таких говорят: «Через дорогу он бабулек переводчик»).

Сейчас Л.В. готовит очередные программы для ТВ, ведет передачу на радиостанции «Серебряный дождь» и, конечно, «показывает класс», переводя новые фильмы. Он автор книги «Белый снег из Никарагуа», опубликованной в 1980-е годы (фото), герой бесчисленного количества интервью.

P.S. Все остальное можно узнать из его популярной утренней передачи на «Дожде».

«Переупаковка» с русского на английский

И.В. Полуян

Теоретики перевода постоянно возвращаются к его описанию как процесса переоформления содержания сообщения на ИЯ (язык оригинала) в сообщение на ПЯ (язык перевода), как «переливание старого вина в новые мехи» (Реймон Карри) или «переупаковку» (А.Д. Швейцер). В переводе с русского языка, с его более свободным порядком слов, на английский необходимость в «переупаковке» возникает в первую очередь при невозможности, в силу тех или иных причин, сохранения синтаксической структуры (модели предложения) оригинала. Поясним сказанное на примере нескольких предложений и посмотрим, что при этом происходит. При этом мы чисто условно исходим из предположения, что переводчик в своей первой попытке передать оригинал будет стремиться идти по линии наименьшего сопротивления, то есть по возможности сохранить синтаксис оригинала и «обойтись» словарными эквивалентами. Предлагаемые варианты перевода являются именно вариантами, иллюстрирующими вынесенное в заголовок явление и ни на что более не претендующими.

1. Администрация заводов аргументировала свое решение падением спроса на выпускаемую продукцию.

Аналогичной синтаксической конструкции в английском языке не существует, поэтому от попыток использовать оборот с предлогом *by* следует отказаться сразу. Словарный эквивалент *to argue* вы-

нуждает начать предложение следующим образом:

The management (*опускаем словосочетание of the plants как избыточное*) argued that...

Так как, скорее всего, речь не идет об аргументации в ходе судебного заседания или парламентских слушаний, лучше сказать

The management **said** that...

Остается выяснить, что же могло быть сказано. Очевидно, что было принято какое-то вполне конкретное решение (пойдет с определенным артиклем *the*), причем оно было вызвано падением спроса на продукцию (естественно, *выпускаемую* данными заводами — следовательно, это слово избыточно). Есть несколько способов установления причинно-следственной связи между *the decision* (а еще лучше *the move*, так как администрация скорее всего решила предпринять некоторые действия). Вот два из них:

The management said that the move had been **prompted by** slipping demand (slipping sales).

The management **blamed** the move on slipping demand (slipping sales).

Возможны и другие варианты, например с оборотом *is due to* или словосочетанием *a drop-off in demand* (sales). Важно, что выбор английской синтаксической конструкции заставляет переводчика двигаться во вполне определенном направлении.

2. Рост производства зерна и появление профицита на рынке чреват обвальным падением внутренних цен, снижением эффективности зернового производства и оттоком инвестиций из отрасли.

Обозначив для краткости подлежащее как N и прибегнув к буквальному (не надо бояться этого слова, так как очень часто «буквальный» перевод «работает») переводу, получаем:

N is fraught with a sharp drop in domestic prices, a reduction of grain producers' profits and an outflow of invested capital from the sector.

Вариант, хотя и приемлем, особенно в последовательном и синхронном переводе, когда у переводчика мало времени на изыски, тем не менее, вызывает возражение в связи с тем, что в английском языке не следует злоупотреблять конструкциями *of-phrase*, а их здесь с вариантом *in-phrase* три.

Выражение «чреват чем-то» обычно связывает причину со следствием и несет сему модальности: N1 (причина) может привести к N2 (следствие). Английские эквиваленты **lead to, bring about, produce, cause** и т.д. возвращают нас к предыдущему варианту перевода с **of-phrase**.

Перебирая арсенал средств передачи причинно-следственных отношений (ПСО) в английском языке, находим конструкцию с каузативным глаголом SEND + герундий.

Growth in grain production and the budget surplus may send domestic prices plummeting, reduce grain producers' profits and discourage potential investors in the sector.

В этом варианте перевода сохранена модальность оригинала (may), отглагольное словосочетание «обвальное падение» передано глаголом (вербализовано) *to plummet*, содержащим сему *sharply* (резко, т.е. обвально), «снижение» передано глаголом *reduce*, а третье словосочетание переведено на уровне ситуации (В.Н.Комиссаров) как *discourage potential investors*, т.е. внязыковая ситуация оформляется

(«упаковывается», по У.Чейфу, отсюда и перевод как «переупаковка») как бы под несколько иным углом зрения; при этом *инвестиции* превращаются в *investors*, а вместо слова *отток*, имеющего коннотацию нежелательности, появляется слово *discourage*, также содержащее ее. Вся ситуация может быть представлена как

Investors are discouraged and pull out (отток) their money.

3. Отсутствие защитных мер привело к тому, что в глубоком кризисе оказалась свеклосахарная отрасль; в стране не производится и, видимо, уже никогда не будут производиться телевизоры и бытовая техника.

Попытка сохранить синтаксис оригинала приводит к переводу:

Lack of protection led to the fact that the sugar sector is in a deep crisis and the country no longer produces and will probably never produce TV sets and domestic appliances.

Ввиду «неэлегантности» конструкции с *led to the fact that*, из арсенала средств передачи ПСО в английском языке используем модель с каузативным глаголом группы **put**:

Lack of protection **threw** the sugar sector into a deep crisis and the country no longer produces and will probably never produce TV sets and domestic appliances.

В принципе здесь можно было бы употребить и глагол **put**, но **throw** предпочтительнее, так как содержит дополнительную сему образа действия (как и **plummet** в примере выше). Выражения *throw into a crisis, throw into disarray, throw into (a state of) confusion* и т.п. часто встречаются в английской публицистике.

Сохранение сложносочиненной модели с *and* возможно, но нежелательно из соображений стиля, так как сочиненные предложения настолько разнородны, что использование союза *and* между ними представляется неуместным. Гораздо естественнее будет оформить («упаковать») смысл, содержащийся во втором

Практические занятия

предложении, в виде каузативной глагольной конструкции. Прибегнув к трансформации: [более] *не производятся и, по-видимому, не будут производиться* → *соответствующие отрасли более не существуют, т.е. уничтожены* — получаем:

Lack of protection threw the sugar sector into a deep crisis and practically destroyed the TV and domestic appliances industries.

4. В результате продолжавшейся три года засухи 7 миллионов человек оказались на грани голода.

«Буквальный перевод»:

As a result of a drought that lasted three years seven million people found themselves on the brink of famine.

Вариант вполне приемлем, но не идиоматичен. Лучше «переупаковать» внеязыковую ситуацию, «упакованную» в это предложение, с помощью модели с каузативным глаголом **put** (см. предыдущий пример):

Three years of drought put seven million people on the brink of famine.

Здесь обстоятельство превратилось в подлежащее (причину), а подлежащее стало дополнением в локативном по форме словосочетании, которое выражает следствие.

Отметим, что существуют случаи и полного «параллелизма» между русской и английской моделями с использованием локативных глаголов. Например:

Есть одно обстоятельство, которое переводит (помещает) эту банальную для советской действительности судебную историю в истинно литературный контекст.

There is, however, something that can put this story, rather typical of the Soviet-era justice, into a literary context.

5. По оценкам экспертов, в результате уменьшения загрязнения воздуха на 50 процентов расходы на здравоохранение могут быть сокращены на 20 миллиардов долларов в год.

Первая попытка:

According to experts, as a result of the reduction of atmospheric pollution by 50 per cent annual health costs can be reduced by \$20 billion.

Вариант не самый лучший в силу тех же соображений, что и в примере выше.

Вторая попытка:

According to experts, a 50 per cent reduction in atmospheric pollution would slash \$20 billion off annual health costs (annual health bill).

Использование каузативной конструкции N1VN2 для передачи ПСО, осложненных количественными отношениями, как в этом примере, становится возможным с помощью глаголов *add to* (увеличение) или *reduce by/slash by* (уменьшение/сильное уменьшение).

6. В ходе реструктуризации долгов в уставном капитале ОАО увеличилась доля акций, находящихся в ведении федерального правительства.

Первая попытка дает:

In the course of the restructuring the debts of equity capital of the joint-stock company the percentage of shares belonging to (managed by) the federal government went up.

Перевод неудачен в силу следующих соображений. Синтаксическая структура «кособока» — подлежащее намного длиннее сказуемого, которое как бы «повисает в воздухе». Обстоятельство времени *in the course of...* навязывает использование глагола в форме Past Indefinite, а не Present Perfect *has gone up*, что несколько улучшило бы конструкцию, которая бы воспринималась как «действие и его результат».

Переоформляя обстоятельство в подлежащее, так как по смыслу именно сама реструктуризация является причиной (можно ведь было сказать и «реструктуризация привела к...»), используем модель N1VtoN2N3 с глаголом **give**:

Debt restructuring gave the federal government a bigger share in the company's equity.

7. Благодаря применению высокоурожайных сортов, искусственных удобрений и другим мерам в последние годы в Бирме удалось увеличить производство основной сельскохозяйственной культуры — риса до 14 миллионов тонн в год.

Прибегнув к «хрестоматийной» подстановке *в Бирме удалось* → *Бирме удалось*, а в остальном сохраняя синтаксическую структуру оригинала, получаем следующий перевод:

As a result of (owing to) the use of high yield varieties, artificial fertilizers and other measures Burma succeeded in boosting the production of rice — an agricultural staple — to 14 million tons annually in the past few years.

Подредактировав явные недостатки, получаем:

As a result of (owing to) the use of high yield rice varieties, artificial fertilizers and other measures Burma succeeded in boosting the annual production of this staple crop to 14 million tons in the past few years.

Вариант все еще тяжеловат и страдает излишествами. Ясно, что обстоятельство причины, с которого начинается оригинал, легко преобразовать в подлежащее:

The use of high yield rice varieties, artificial fertilizers and other measures enabled Burma to boost the annual production of this staple to 14 million tons in the past few years.

Если подумать, то *The use of* является избыточным. Получаем:

High yield rice varieties, artificial fertilizers and other measures have enabled Burma to boost the annual production of this staple to 14 million tons over the past few years

8. Младший брат Джона и Роберта, Эдвард, с 1962 года постоянно избирается сенатором.

Первая попытка дает вполне приемлемый вариант:

N has invariably (unfailingly) been elected US Senator since 1962.

Тем не менее, посмотрим, какие еще существуют возможности передачи этого же смысла. Прибегнем к следующему парафразу русского предложения:

N выигрывал каждые выборы в Сенат Конгресса США с 1962 года.

Здесь вместо возвратного глагола *избирался* появилось словосочетание *выигрывал выборы*, наречие *постоянно* компенсируется прилагательным *каждые*.

N has won every senatorial election since 1962.

Перевод представляется вполне приемлемым, но его можно сделать более идиоматичным, прибегнув к антонимической трансформации:

Edward, the youngest of the Kennedy brothers, has not lost one senatorial race since 1962.

Подведем некоторые итоги. Целый ряд русских синтаксических структур, в частности, предложения с оборотами *привести к тому, что; в результате; благодаря*, сложноподчиненные, сложносочиненные и простые предложения, распространенные обстоятельственными группами и выражающие причинно-следственные отношения (но не только), лучше и идиоматичнее переводятся с помощью английской модели «подлежащее — сказуемое — дополнение 1 — [предлог — дополнение 2]». При этом может происходить переоформление компонентов содержания оригинала в существительное (nominal), глагол, прилагательное (атрибут) и наречие — это процессы номинализации, вербиализации, адъективации и адвербализации, по сути своей не отличающиеся от аналогичных процессов, имеющих место в английском языке при выборе говорящим или пишущим модели предложения и особенно при взаимодействии моделей.

Об авторах

Алексеев Юрий Михайлович – профессиональный синхронный переводчик. Окончил МГПИИЯ им. М. Тореза. Специализируется на финансово-экономической тематике. Переводил парламентские слушания в Государственной Думе, другие международные мероприятия.

Бабков Олег Владимирович – переводчик художественной литературы. Окончил Московский физико-технический институт. В 1995 г. принят в СП Москвы. В настоящее время ведет семинар по художественному переводу в московском Литературном институте. Премии за лучший перевод года в журналах «Иностранная литература» (1991) и «Инолит» (1995).

Берди Мишель – письменный и устный переводчик, специалист по межкультурной коммуникации. Автор рубрики “Word’s Worth” в газете “Moscow Times”.

Девкин Валентин Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета (кафедра лексики и фонетики немецкого языка)

Ермолович Дмитрий Иванович – доцент, кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Синхронный и письменный переводчик с большим опытом работы в международных организациях. Автор научных работ по лингвистике и теории перевода, учебных пособий и словарей.

Климзо Борис Николаевич – инженер-энергетик и лингвист, многие годы посвятил изучению английского языка научно-технической литературы. Автор многих статей, а также автор-составитель большого фразеологического словаря («Русско-английский словарь общепотребительных слов и словосочетаний научно-технической литературы», тома 1 и 2).

Ланчиков Виктор Константинович – кандидат филологических наук, профессор кафедры перевода английского языка МГЛУ. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М.Тореза. Автор ряда теоретических работ. Переводчик художественной литературы.

Ланьков Андрей Николаевич – историк, кореевед. Окончил восточный факультет и аспирантуру ЛГУ. Преподавал в ЛГУ, работал в Южной Корее. С 1996 г. преподает корейский язык и историю в Австралийском национальном университете (Канберра). Автор многочисленных публикаций о Корее, ведет рубрику в газете Korean Times.

Марчук Юрий Николаевич – доктор филологических наук, профессор, академик Международной академии информатизации, известный специалист в области компьютерной лингвистики. Преподает компьютерную лингвистику и связанные с ней дисциплины в МГУ им. М.В. Ломоносова, МГЛУ и других вузах страны. Руководил ВЦП. Имеет более 300 опубликованных научных работ.

Никольская Анна Игоревна – окончила Международную школу переводчиков. Долгое время преподавала в Карлтон-колледже (США). В настоящее время преподает синхронный перевод в Московской международной школе переводчиков. Постоянно работает синхронным переводчиком в России и за рубежом.

Палажченко Павел Русланович – окончил МГПИИЯ им. М.Тореза. Многолетний сотрудник ООН, дипломат, журналист, переводчик М.Горбачева и Э.Шеварднадзе, автор ряда книг и словарей.

Полуян Игорь Владиславович – кандидат филологических наук. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М. Тореза. Работал синхронным переводчиком в МАГАТЭ (Международное агентство по атомной энергии). Преподавал перевод на переводческом факультете, курсах переводчиков ООН, факультете переводческого мастерства МГПИИЯ; работал письменным переводчиком в англоязычных изданиях.

Цвиллинг Михаил Яковлевич – доктор филологических наук, профессор МГЛУ. Один из ведущих теоретиков устного перевода.

Чужакин Андрей Павлович – преподаватель МГЛУ, консультант ряда политических и финансовых структур. Окончил переводческий факультет МГПИИЯ им. М.Тореза и Академию общественных наук. Автор учебной серии «Мир перевода».

Шахова Наталья Гелиевна – кандидат физико-математических наук, руководитель агентства переводов EnRuss, специализирующегося на переводах компьютерной тематики. Переводчик, автор публикаций по переводу.

Штефан Евгений Дмитриевич – журналист, кореевед, кандидат химических наук. Окончил Иркутский государственный университет. С 1996 г. живет и работает в Республике Корея. Главный редактор ежедневной русскоязычной газеты «Сеульский вестник», сотрудник русской службы Международного радио Кореи.